

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2018

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- К. Р. Некемьяс** (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),
С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2018

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 — 2018

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- C. R. Nechemias**, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhny Novgorod State Research University,
Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2018
© Ivanovo State University, 2018

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами третий, тематический, номер журнала. На первый взгляд, тематика его статей разнообразна: гендерная политика, социальная безопасность российского общества, вовлечение девушек в технологическое образование, женское предпринимательство, гендерные стереотипы в социальных сетях, технологии вовлечения женщин в науку и др. Однако все публикации третьего номера объединяет одна актуальная проблема — необходимость ликвидации гендерного разрыва в цифровой экономике. Именно этой теме была посвящена Всероссийская научная конференция с международным участием «Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030)», которая прошла в Иванове 20—21 апреля 2018 г. Конференция объединила ученых из ведущих вузов и академических научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Иванова и других городов России, а также Италии и Казахстана. Практически это было одно из первых масштабных обсуждений российским научным сообществом путей преодоления гендерного разрыва в цифровой экономике.

Конференция показала, что обеспечение равноправия мужчин и женщин в получении технологического образования, равного доступа к сфере ИКТ и работе с цифровыми технологиями по своим масштабам является задачей государственного значения и требует комплексного подхода. Этот тезис убедительно раскрывают в своих статьях авторы журнала. На обширном теоретическом и фактологическом материале показано, что деление профессий на «мужские» и «женские», слабая вовлеченность девушек в технологическое образование, гендерный разрыв в оплате труда, недостаточная представленность женщин в сфере STEM уходят своими корнями в нерешенность базовых проблем

гендерного неравенства, а также в культурную и образовательную среду, где господствуют гендерные стереотипы.

Исследования российских и зарубежных ученых, представленные на страницах журнала, не только выявляют проблемы, но и предлагают пути преодоления гендерного разрыва в цифровой экономике, раскрывают значительный потенциал интернет-технологий для женской занятости в самых различных отраслях экономики, науки и социальной сферы. Полагаем, что для читателей будет также интересен опыт развитых стран по повышению конкурентоспособности женщин в инновационных сферах.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала надеются, что размышления ученых об актуальной проблеме ликвидации цифрового гендерного разрыва будут представлять интерес для органов государственного управления и широкой общественности.

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 5—13
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.1

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 5—13
ББК 65.240.59
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.1

НА ПУТИ К ЦИФРОВОМУ ГЕНДЕРНОМУ РАВЕНСТВУ

З. А. Хоткина

Институт социально-экономических проблем народонаселения,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, Zoya-alex2012@yandex.ru

Преодоление цифрового гендерного разрыва в России может быть затруднено тем, что в стране не до конца решены многие базовые проблемы гендерного неравенства. В статье показано, какие изменения в профессиональной занятости и на рынке труда произойдут в результате развития цифровой экономики. Предпринята попытка поиска путей решения как старых гендерных проблем, так и тех, которые могут быть связаны с развитием цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, гендерное неравенство, информационные технологии, занятость.

TOWARDS THE DIGITAL GENDER EQUALITY

Z. A. Khotkina

Institute of Social and Economic Problems of Population,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
Zoya-alex2012@yandex.ru

Overcoming the digital gender gap in Russia can be difficult because many basic problems of gender inequality have not been fully resolved. The article shows what changes in professional employment and the labor market will take place as a result of the digital economy development. An attempt is made to find ways of solving both old gender issues and those that may be related to the development of the digital economy.

Key words: digital economy, gender inequality, information technologies, employment.

Постановка проблемы

Россия уже вступила в цифровую эру: мы совершаем покупки, оплачиваем услуги и записываемся на прием к врачу, общаемся с друзьями и родственниками через Интернет, не выходя из дома. Можно дистанционно получить образование и пользоваться государственными услугами в электронной форме. Взрослым

не надо носить с собой кошелек с деньгами, а детям тяжелые ранцы с учебниками, вместо этого теперь используются электронные карты и планшеты. Студенты отправляют курсовые работы, а ученые свои статьи и отчеты по электронной почте, в том числе в другие города и страны. Цифровые технологии настолько изменили нашу повседневную жизнь, учебу и работу, что всего не перечислишь. Поэтому неудивительно, что в России, в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [О национальных целях... , 2018], появилось Министерство цифрового развития. Его работа будет направлена на «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере», а следовательно, цифровизация нашей жизни будет ускоряться. Но развитие цифровой экономики в стране не самоцель. Это необходимо, как сказано в преамбуле Указа, «в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации».

Важным условием для осуществления прорыва является использование трудового и творческого потенциала всего населения России, и мужчин и женщин. Как невозможно быстро бежать на одной ноге, так невозможно исключить половину населения страны из процессов ее технологической модернизации. Однако на пути сокращения цифрового разрыва и полноценного включения женщин в процессы цифрового развития России могут возникнуть барьеры, связанные с тем, что в стране не до конца решены многие базовые проблемы гендерного неравенства. В первую очередь они связаны с недооценкой человеческого капитала женщин (более низкая оплата труда и проблемы карьерного роста) и широкой распространенностью в российском обществе устаревших гендерных стереотипов о роли женщин и мужчин в семье и обществе.

Рынок труда сегодня и завтра

Стремительное развитие цифровых технологий и активное проникновение сети Интернет во все сферы жизнедеятельности человека обусловили трансформацию рынка труда. За последнее десятилетие в Европе темпы трудоустройства в технологическом секторе росли в три раза быстрее, чем в других отраслях [Почему так мало девушек в Европе... , 2017]. Специалисты Всемирного экономического форума подсчитали, что 75 % самых «быстрорастущих» рабочих мест в мире требуют знаний и навыков в области STEM (science, technology, engineering and mathematics). Во всем мире выражается озабоченность, что цифровая экономика не только открывает новые возможности, но также обуславливает новые социальные вызовы и риски.

Одним из наиболее вероятных социальных рисков, связанных с развитием цифровой экономики, признается *нарастание гендерного неравенства* в сфере труда и в обществе в целом. В первую очередь угроза видится в грядущем гендерно-асимметричном сокращении занятости в связи с внедрением новых технологий, включая робототехнику и искусственный интеллект. В докладе на саммите ВЭФ в Давосе (2016 г.) было отмечено, что предстоящие изменения в сфере занятости в большей степени коснутся женщин. Предполагается, что в условиях развития цифровой экономики мужчины потеряют с 2015 по 2020 г.

почти 4 млн рабочих мест, а женщины 3 млн, но мужчины получают около 1,4 млн новых рабочих мест, тогда как женщины могут получить всего 550 тыс. [Женщины и работа..., 2016]. Иными словами, перспективы трудоустройства для женщин будут почти в три раза хуже, чем для мужчин.

Потеря работы и сложности с трудоустройством создадут угрозу для домохозяйств с одним источником дохода, обеспечиваемым женщинами, и усугубят ситуацию гендерного неравенства. Цифровые технологии заменят прежде всего простые, рутинные работы, но даже такие традиционно «женские» профессии, как врачи, журналисты, бухгалтеры, страховые агенты или библиотекари, могут быть частично или полностью автоматизированы значительно раньше, чем можно предположить. И такие примеры уже есть в России. Например, в системе Сбербанк России в 2008 г. было 33 000 бухгалтеров, в 2015 г. осталось 1600, а в 2018 г., по заявлению главы Сбербанка Г. Грефа, будет всего 600 человек [Интервью главы Сбербанка..., 2016].

Проблемы рынка труда в России сегодня стоят очень остро, они тесно переплетены не только с развитием технологий, но и с демографическими проблемами. Актуальность и остроту проблеме занятости придают два основных демографических тренда — *сокращение численности* и *старение трудовых ресурсов*. В 2005 г. доля работающих россиян предпенсионного и пенсионного возраста (55—64 лет) составляла 13 % экономически активного населения, а в 2016 г. — уже 22 % [Три подхода к управлению сотрудниками..., 2016]. Начавшееся в условиях демографического старения населения сокращение количества рабочей силы стало серьезной макроэкономической проблемой. Численность населения трудоспособного возраста в 2017 г. составила 83,2 млн человек, что *на 5,7 млн человек меньше*, чем в 2002 г. (88,9 млн человек). При этом доля этой социальной группы в общей численности населения страны упала с 61,3 до 57,4 % [Россия в цифрах, 2017: 92—94]. И если численность всего населения России в 2002—2016 гг. возросла (благодаря повышению рождаемости, миграционному приросту и присоединению Крыма) со 145,2 до 146,5 млн человек (100,9 %), то численность трудоспособной его части сократилась и составила в 2016 г. лишь 94,7 % от уровня начала века [там же: 32—33].

Сокращение общей численности трудоспособного населения со всей остротой ставит вопрос о занятости женщин в экономике. Врачи, учителя, работники сферы услуг — это преимущественно женщины, и без их труда российская экономика не сможет обойтись в условиях развития цифровой экономики. В майском Указе-2018 в числе приоритетов обозначено не только экономическое, но и демографическое развитие — «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации». Следовательно, для женской половины российского общества вопросы технологического, экономического и демографического развития будут стоять наиболее остро. Закономерно, что, выступая в мае 2017 г. на встрече министров труда и занятости стран «Группы двадцати», министр труда и социальной защиты РФ М. Топилин, говоря о цифровой экономике, закончил свое выступление вопросом о взаимосвязи занятости и рождаемости. Глава Минтруда РФ отметил, что «молодые семьи не должны делать выбор между трудовой деятельностью и семьей, оба родителя должны иметь возможность работать, и в этом может помочь в том

числе развитие всевозможных форм дошкольных учреждений» [Министр Максим Топилин... , 2017].

О «создании условий для осуществления трудовой деятельности женщин, имеющих детей» также говорится в майском Указе-2018, где ставится задача «достижения 100-процентной доступности (к 2021 году) дошкольного образования для *детей в возрасте до трех лет*» [О национальных целях... , 2018]. Вероятно, неслучайно на государственном уровне вопросы развития цифровой экономики ставят в один ряд с созданием возможностей для занятости женщин. Это может дать шанс для россиянок, которые хотят гармонично совмещать профессиональную работу и семью.

Не менее важен вопрос о качестве рабочих мест для женщин. Какие рабочие места получают женщины в условиях развития цифровой экономики в России? Необходимо, чтобы женщины трудились не только в традиционных отраслях женской занятости (образование, здравоохранение и сфера услуг), но также на работах, связанных с прорывными цифровыми технологиями. Цифровая трансформация экономики предполагает бурное развитие занятости в сфере STEM. В России женщины составляют почти половину рабочей силы, но в STEM они занимают менее трети рабочих мест. При этом тревожной тенденцией последних лет является усиление маскулинизации занятости в таких отраслях, как связь и ИТ. За десять лет, с 2005 по 2014 г., доля женщин, занятых в электросвязи, уменьшилась с 45 до 38 %, а в ИТ — с 35 до 25 %. Самая низкая доля женщин наблюдается среди программистов (17 %) и в организациях, разрабатывающих программное обеспечение, осуществляющих консультирование по аппаратным средствам вычислительной техники (менее 20 %) [Абдрахманова и др., 2016]. «Вымывание» женщин с работ, требующих специализированных технических знаний и навыков, которые высоко оплачиваются и на которые растет спрос, может усугубить гендерное неравенство не только в экономике, но и в российском обществе в целом.

Цифровая эра и гендерный разрыв

Сегодня мировое сообщество озабочено вопросом, почему мало женщин в сфере STEM. В последние годы в мире и в России проведено немало исследований на тему, как привлечь девушек в STEM-образование. Наиболее масштабное исследование состоялось в 2017 г. по заказу *Microsoft*. В нем приняли участие 11 500 девушек и молодых женщин в возрасте от 11 до 30 лет в 12 европейских странах, включая Бельгию, Великобританию, Германию, Ирландию, Италию, Нидерланды, Польшу, Россию, Словакию, Финляндию, Францию и Чехию. На вопрос о том, что мешает девушкам получать образование в области высоких технологий, «59 % респонденток отметили, что с большей вероятностью предпочли бы STEM-образование, если бы в соответствующих профессиях уже царил равноправие мужчин и женщин». Особенно высокая «неуверенность в том, что у мужчин и женщин равные права при трудоустройстве в этой сфере», наблюдается у англичанок (70 %) [Почему так мало девушек в Европе... , 2017]. Таким образом, более половины европейских девушек не хотят идти в сферу инженерных и компьютерных наук не из-за отсутствия способностей и интереса к математике (как представляют стереотипы), а из-за царящего в этой сфере

гендерного неравенства. Остроту проблемы неравенства как барьера на пути к расширению участия женщин в цифровом секторе в полной мере разделяют в Европарламенте. М. Габриэль — уполномоченный по вопросам цифровой экономики и общества, разрабатывая меры по наращиванию участия женщин в цифровом секторе, выделила три главных направления действий: борьбу со стереотипами, развитие цифровых навыков и образования, поддержку большего числа женщин-предпринимателей [Women in Digital, 2014].

Россия не является исключением в вопросах гендерного неравенства. Обсуждая на Радио России причины отставания женщин в сфере ИКТ, директор одного из департаментов Фонда развития интернет-инициатив М. Зобнина отметила: «Из-за чего женщины иногда боятся даже идти в эту профессию? Они боятся каких-то издевательств со стороны мужчин, вроде курица — не птица и т. п.» [Программа Радио России «Завтра в мире», 2017]. Это замечание интернет-специалиста свидетельствует о том, что новые проблемы цифрового гендерного разрыва уходят своими корнями в более глубокие пласты неравенства женщин в российском социуме, которые основываются на гендерных стереотипах и сексизме. Поэтому, не решив *базовые проблемы гендерного неравенства*, вряд ли можно будет успешно решать конкретные современные проблемы по вовлечению женщин в цифровую экономику.

Наиболее острой является проблема дискриминации в сфере труда, связанная с гендерным разрывом в оплате, сегрегацией и «стеклянным потолком», а также низкой представленности женщин в сфере принятия решений. Кроме того, в России практически отсутствует национальный механизм по гендерному равенству. Это единственная страна в Европе и на постсоветском пространстве, которая не имеет закона о гендерном равенстве. Поэтому неудивительно, что в мировом рейтинге стран по индексу гендерного равенства в 2016 г. мы опустились с 45-го на 71-е место. Внесенный еще в 2003 г. законопроект о гендерном равенстве уже 15 лет находится в Госдуме РФ, но все еще не принят [Володин рассчитывает... , 2017]. Поэтому, ставя задачу по ликвидации цифрового разрыва, следует помнить, что ее решение будет затруднено как укоренившимися в сознании россиян гендерными стереотипами, так и нерешенными в нашем обществе базовыми проблемами гендерного неравенства.

Немаловажной проблемой является отсутствие в России на национальном уровне программ по продвижению и лидерству женщин, а также по вовлечению девушек в учебные сферы STEM. Создание на платформе Евразийского женского форума общественной рабочей группы по продвижению женщин в высокотехнологические отрасли экономики «Комитет STEM» является важным шагом в направлении изменения роли женщин в области высоких технологий [Хасбулатова, 2017]. Однако она не может заменить собой государственную программу, разработка которой необходима для решения важной народнохозяйственной задачи — вовлечения российских женщин в цифровую экономику. Отсутствие подобных программ оставляет наших женщин практически не защищенными перед проблемами цифровой революции. Поставленная на государственном уровне задача по развитию цифровой экономики в России требует более активных действий в этом направлении.

Новый «Светлый путь»

«Светлый путь» — это культовый предвоенный фильм (1940 г.), в котором неграмотная деревенская девушка Таня, приехав в город, нашла свое счастье в учебе и стахановском труде, за который получила орден. Главная героиня проходит свой «светлый путь» от безграмотной домработницы до депутата Верховного Совета. У звезды экрана Любви Орловой, исполнившей главную роль в фильме, был прототип — реальная орденоносная ткачиха-многостаночница Евдокия Виноградова. Поэтому девушки тех лет воспринимали фильм не как сказку о советской золушке, а как ролевую модель для подражания.

Современным молодым россиянкам предстоит пройти свой «светлый путь» — от ликвидации цифровой неграмотности до высокого профессионализма и достойных позиций в новой цифровой экономике России. При этом под цифровой грамотностью подразумевается не простое умение пользоваться цифровыми гаджетами (это умеют почти 90 % современных девушек), а способность применять цифровые технологии в профессиональной деятельности. Уверенность в том, что этот путь будет россиянками успешно пройден, основана на следующем.

Во-первых, Россия располагает широкой сетью технических вузов. Однако исследования показали, что «ни один из них не реализует ни одного собственного мероприятия по мотивации и поддержке женщин», а на многих сайтах этих вузов даже нет «информации о грантах ЮНЕСКО для женщин в науке» [Женщины и STEM... , 2017: 59]. Данное обстоятельство необходимо исправлять, чтобы девушки могли активно участвовать в университетской жизни и международных проектах.

Во-вторых, престиж технического образования в советское время был очень высок, его получали почти на равных юноши и девушки. Среди студентов технических вузов девушек было 44 %, а среди инженерно-технических специалистов в сфере занятости женщины составляли ровно половину — 50 % [Условия труда и быта женщин, 1992: 23, 200]. Эта информация — из последнего советского статсборника «Условия труда и быта женщин», который можно назвать памятником ушедшей эпохи. Данные красноречиво свидетельствуют, что в истории нашей страны уже был период высокого уровня образования и занятости женщин на технических специальностях. Следовательно, при целенаправленной и активной работе над проблемами вовлечения современных россиянок в STEM-образование и STEM-занятость мы вполне можем добиться подобных результатов и сегодня.

В-третьих, в цифровую эру кардинально изменится мир занятости и профессий. Знания и навыки работы с цифровыми технологиями будут нужны не только ИТ-специалистам, но и работникам большинства других профессий, включая врачей, учителей, экономистов, где сегодня большинство занятых составляют женщины. Уже сегодня цифровая среда становится частью развития здравоохранения, образования и социальной работы. Цифровая экономика в недалеком будущем породит новые трудовые отношения: при транспарентности оценки заслуг работников профессиональные достижения и зарплата будут зависеть от знаний, компетенций, мотивации и накопленного профессионального опыта [там же: 383]. Компетентность, а не пол работника будет играть главную роль на рынке труда.

Это будет не только другая экономика, но и новая социальная реальность, в которой гендерному неравенству практически не будет места.

И наконец, самая большая надежда на новое поколение россиян, которое уже родилось «с кнопками на пальцах», для которых цифровые гаджеты и планшеты заменили игрушки. Можно предположить, что в социализации поколения Миллениума будет меньше гендерных стереотипов, поскольку гаджеты практически заменили девочкам кукол, а мальчикам машинки. Есть надежда, что они вырастут другими и по-иному (более эгалитарно) будут выстраивать отношения в семье, на работе и в обществе. По крайней мере, девушки, принявшие участие в исследовании *Microsoft* (2017 г.), высказали уверенность, что их «поколение будет первым, в котором равноправие мужчин и женщин станет реальностью во всех отраслях жизни» [Почему так мало девушек в Европе... , 2017].

Заключение

В эпоху цифровой экономики Россия уже вступила. Но для ее дальнейшего успешного развития необходимо, чтобы информационными технологиями овладевали не только избранные специалисты, а широкие массы работников разных профессий, не только мужчины, но и женщины. Вовлечение женщин в сферу STEM-занятости не самоцель, а экономическая необходимость. В Еврокомиссии подсчитали, что если столько же женщин, сколько мужчин будут выходить на рынок цифровых рабочих мест, то это может создать ежегодный прирост ВВП для европейской экономики в размере 16 млрд евро [Women in Digital, 2014]. К сожалению, для российской экономики подобные расчеты не проводились, однако очевидно, что недоиспользование трудового и научного потенциала половины населения страны негативно отражается на росте ВВП и экономическом развитии страны в целом.

В число стратегий, которые будут способствовать вхождению женщин в цифровую экономику, могут быть включены:

— согласованная и эффективная экономическая и социальная политика, приоритетом которой должно стать противодействие гендерному неравенству и незащищенности как спутникам технологических изменений;

— приведение трудового законодательства РФ в соответствие с новыми реалиями рынка труда путем пересмотра устаревших норм и введения новых; обеспечение симметричных норм трудового права для женщин и мужчин (за исключением вопросов охраны материнства);

— улучшение качества системы образования с тем, чтобы она соответствовала запросам и реалиям быстро меняющейся экономики; разработка и внедрение национальных и региональных программ по более широкому вовлечению девушек в сферу STEM-профессий;

— совершенствование сбора и анализа гендерной статистики, сопоставление статистических данных по вопросам образования и занятости женщин и мужчин в технологической сфере; мониторинг по вопросам соблюдения трудовых прав и равенства обращения в сфере труда, а также по вопросам создания условий для женщин и мужчин по совмещению семейной жизни и работы;

— информационно-просветительская работа по вопросам гендерного равенства, направленная на преодоление гендерных стереотипов о роли женщин в обществе и семье;

— программы технологической переподготовки и гендерного просвещения учителей школ и преподавателей вузов.

Привлечение женщин в сектор цифровых технологий не только позволит обеспечить их полноценное участие в современной жизни общества, но и придаст импульс развитию экономики страны. Гармонизация гендерных отношений и ликвидация неравенства будут способствовать раскрытию личностного потенциала мужчин и женщин. В этом залог успешного развития цифровой экономики в России.

Библиографический список

- Абдрахманова Г. И., Ковалева Г. Г., Озерова О. К. Гендерный аспект в цифровой экономике. 2016. URL: <https://issek.hse.ru/data/2016/04/28/1128533054> (дата обращения: 03.04.2018).
- Володин рассчитывает на принятие своего законопроекта 2003 года о гендерном равенстве. 2017. URL: <http://tass.ru/wfys2017/articles/4659681> (дата обращения: 05.04.2018).
- Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе / под ред. О. Б. Савинской; АНО «Совет по вопросам управления и развития». М.: Вариант, 2017. 88 с.
- Женщины и работа в четвертой промышленной революции: отчет Всемирного экономического форума. 2016. URL: <http://reports.weforum.org/future-of-jobs-2016/> (дата обращения: 15.04.2018).
- Интервью главы Сбербанка Германа Грефа. 2016. URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3345977> (дата обращения: 05.04.2018).
- Министр Максим Топилин: цифровая экономика требует изменения трудовых норм. 19 мая 2017 г. URL: <https://rosmintrud.ru/labour/cooperation/49> (дата обращения: 05.04.2018).
- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. 2018. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1195467/#ixzz5F2ROyoX5> (дата обращения: 15.05.2018).
- Почему так мало девушек в Европе отдают предпочтение STEM-образованию? 2017. URL: <https://www.microsoft.com/ru-kz/about/press-2017-07-03-1.aspx> (дата обращения: 15.04.2018).
- Программа Радио России «Завтра в мире». 16 авг. 2017 г. URL: http://www.radiorus.ru/brand/episode/id/57087/episode_id/1536791/ (дата обращения: 05.04.2018).
- Россия в цифрах, 2017: краткий статистический сборник. Москва: Росстат, 2017. 80 с.
- Три подхода к управлению сотрудниками старше 50 лет. 2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/11/09/664091-upravleniyu-sotrudnikami-starshe> (дата обращения: 05.04.2018).
- Условия труда и быта женщин: статистический сборник. М.: Информ.-изд. центр по статистике, 1992. 511 с.
- Хасбулатова О. А. STEM-карьера для российских женщин: не миф, а реальность. 2017. URL: <http://eawfpres.ru/press-tsentr/nauka/stem-karera-dlya-rossiyskikh-zhenshchin-ne-mif-a-realnost/> (дата обращения: 15.05.2018).
- Women in Digital. 2014. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/women-ict> (дата обращения: 15.05.2018).

References

- Abdrakhmanova, G. I., Kovalëva, G. G., Ozerova, O. K. (2016) *Gendernyi aspekt v tsifrovoi ekonomike* [Gender aspect in the digital economics], available from <https://issek.hse.ru/data/2016/04/28/1128533054> (accessed 03.04.2018).
- Khasbulatova, O. A. (2017) *STEM-kar'era dlia rossiiskikh zhenshchin: ne mif, a real'nost'* [STEM-career for Russian women: not a myth, but a reality], available from <http://eawfpress.ru/press-tsentr/nauka/stem-karera-dlya-rossiyskikh-zhenshchin-ne-mif-a-realnost/> (accessed 15.05.2018).
- Savinskaia, O. B. (ed.) (2017) *Zhenshchiny i STEM v tsifrovuiu epokhu: politika zanyatosti v megapolise* [Women and STEM in the digital age: the employment policy in the megapolis], Moscow: Variant.
- Women in Digital (2014), available from <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/women-ict> (accessed 15.05.2018).

Статья поступила 12.05.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хоткина Зоя Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия, Zoia-alex2012@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ЦИФРОВОЙ ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ КАК ФАКТОР РИСКА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

П. А. Кисляков^a, Е. А. Шмелева^b

^a Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия

^b Шуйский филиал, Ивановский государственный университет,
г. Шуя, Ивановская область, Россия, pos_ssru@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы гендерного дисбаланса в IT-сфере в условиях развития в России цифровой экономики. Представлен выборочный анализ ситуации включенности женщин в данную сферу: участия школьниц в IT-олимпиадах; получения девушками высшего образования по IT-направлениям; их возможностей трудоустройства и достойной оплаты труда, карьерного роста, профессионального признания. Цифровой гендерный разрыв проанализирован как фактор риска социальной безопасности женщины и общества в целом. Рассмотрены объективные и субъективные угрозы цифрового гендерного разрыва: стагнация цифровой экономики ввиду нехватки специализированных кадров, снижение прибыли IT-компаний, рост социальной напряженности и ухудшение социального самочувствия женщин.

Представлены результаты исследования, направленного на выявление у студентов — будущих IT-специалистов гендерных особенностей профессиональной мотивации и представлений о своей карьере, выступающих показателями их социальной безопасности. Применялась анкета «IT-карьера» и методика «Удовлетворенность профессией» (В. А. Ядов, модификация Н. В. Кузьминой, А. А. Реана). У половины респондентов (мужчин и женщин в равной степени) выявлены большие ожидания от трудоустройства и карьеры в IT-сфере, что говорит об их равной социальной безопасности.

Сделан вывод о необходимости формирования имиджа женщины, профессионально ориентированной в цифровой экономике и IT-отрасли, через разработку и реализацию соответствующих социальных, образовательных и менторских программ.

Ключевые слова: цифровая экономика, гендерный разрыв, социальная безопасность.

THE DIGITAL GENDER GAP AS A RISK FACTOR OF SOCIAL SAFETY OF THE RUSSIAN SOCIETY

P. A. Kislyakov^a, E. A. Shmeleva^b

^a Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

^b Shuya branch, Ivanovo State University, Shuya, Ivanovo Region,
Russian Federation, noc_sspu@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the gender imbalance problem in the IT sphere in the conditions of development of digital economy in Russia. The article presents a selective analysis of the situation of women's participation in the IT sphere: participation of students in IT-Olympiads; higher education in IT-specialties, employment opportunities and decent wages, career growth, professional recognition. The digital gender gap is analyzed as a risk factor for the social security of women and society as a whole. Objective and subjective threats of digital gender gap are considered: stagnation of digital economy in view of shortage of specialized personnel; decrease of profit of IT-companies; growth of social tension and deterioration of social well-being of women.

The article presents the results of a study aimed at identifying students — future IT-specialists — gender features of professional motivation and ideas about their future careers, acting as indicators of their social security. The authors made use of the questionnaire “IT career” and methods of “satisfaction with the profession” (V. A. Yadov, modified by N. V. Kuzmina, A. A. Rean). Half of the respondents (men and women equally) revealed high expectations of employment and career in the IT sphere, which indicates their equal social security.

The authors conclude that it is necessary to form the image of a woman professionally oriented in the digital economy and IT industry through the development and implementation of relevant social, educational and mentoring programs.

Key words: digital economy, gender gap, social security.

Гендерный аспект социальной безопасности: женщина, компания, общество, государство

В последнее время в социологии особое внимание уделяется необходимости исследования социальной безопасности, включающей в себя систему мер по предупреждению и отражению вызовов и угроз, способных дестабилизировать социальную сферу, подорвать главную движущую силу общества — человеческий потенциал. Социальная безопасность предполагает устойчивое развитие некоей части социума, в условиях которого каждая отдельная личность имеет возможность не только владеть и свободно распоряжаться определенным набором жизненных благ, но и совершенствовать свои социально значимые способности и потребности [Зарецкий, 1995; Макеев, 1998; Панкратов, Рахлеев, 2008; Фролова, 2007; Kislyakov et al., 2016].

Угрозы социальной безопасности женщин — это явления и процессы, вследствие возникновения и развития которых ущемляются жизненно важные социальные права и интересы, в том числе право на бесплатное образование,

труд, профессию, гарантированную заработную плату и пр. Субъектами социальной дискриминации женщин являются социальные институты, регулирующие отношения полов, способствующие развитию принципов гендерного равновесия в распределении рабочей силы в различных сферах занятости или, напротив, нарушающие эти принципы [Силласте, 1998].

По данным Всемирного экономического форума, в России сохраняется гендерная дискриминация в экономике: большие различия в оплате труда мужчин и женщин, в доступе к высококвалифицированной работе и пр. [The Global Gender Gap Report... , 2016]. Основными принципами профессиональной деятельности женщин должны быть соответствие характера и условий труда физическим и психологическим особенностям женского организма, рациональное сочетание занятости мужчин и женщин в производственной сфере деятельности; равная оплата труда женщин и мужчин за одинаковую работу; оптимальное сочетание женщинами профессиональной и семейно-бытовой деятельности [Делия, 2017].

В марте 2017 г. Правительство РФ утвердило Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., нацеленную на осуществление принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для его реализации¹. В настоящее время в России разворачивается сложный транзитивный процесс, ориентированный на развитие цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме выступают ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности².

Одним из серьезных ограничений для развития цифровой экономики и IT-отрасли в России является дефицит кадров. В связи с этим Президент РФ, Председатель Правительства РФ указывают на необходимость подготовки современных специалистов, которые должны хорошо ориентироваться в цифровой среде, понимать, как применять новейшие технологии и в профессиональной деятельности, и в повседневной жизни. В этом процессе нет никакого послабления для женского пола, участие в нем есть условие для личностно-профессионального развития, связанного с необходимостью непрерывного образования в IT-сфере, познания и преобразования себя в новых динамичных условиях социально-экономического развития. IT-сфера — одна из самых быстроразвивающихся и важных сегодня, поэтому гендерный разрыв, который присутствует в том или ином виде в российском обществе, в ней особенно заметен [там же].

Гендерному аспекту в IT-сфере уделяется все более серьезное внимание со стороны мирового сообщества. В России, как и в мире в целом, IT-сфера традиционно входит в число «мужских» видов профессиональной деятельности [Калабихина, 2017; Хасбулатова, 2016; Berdousis, Kordaki, 2018; Женщины и STEM... , 2017]. Проведенное социологами Высшей школы экономики исследование показало, что по уровню адаптированности к информационной среде

¹ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 08.03.2017 г. № 410-р. URL: <http://www.government.ru/docs.all/110692/> (дата обращения: 22.01.2018).

² Цифровая экономика Российской Федерации: программа: утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р. URL: <http://www.government.ru/docs.all/112831/> (дата обращения: 22.01.2018).

слабый пол не уступает сильному: в использовании информационно-коммуникационных технологий женщины занимают активную позицию, чего нельзя сказать об их участии в создании этих технологий [Абдрахманова и др., 2016].

По заключению специалистов, научный и интеллектуальный потенциал женщин используется не в полной мере. Женщины недостаточно интегрируются в рынок труда, связанный с новым технологическим укладом, и не всегда могут участвовать в инновационном развитии страны, что ведет к сохранению разницы в доходах женщин и мужчин³.

Препятствиями для более полного включения женщин в профессиональную ИТ-сферу являются сложившиеся в обществе культурные предрассудки и социальные стереотипы и, как следствие, трудности выстраивания отношений с мужским коллективом, отсутствие стремления самих женщин трудиться в ИТ-сфере, нежелание работодателей брать в фирмы сотрудниц-женщин. По словам С. Гарднер, лидера проекта о сексизме в ИТ-сфере «Why women leave tech: what the research says», женщины, работающие в ИТ-сфере, как правило, не получают соответствующую квалификации заработную плату и не видят возможности продвижения по карьерной лестнице [Что мешает женщинам... , 2015].

Говоря о факторах социального риска, необходимо отметить, что ИТ-сфера, построенная на мужских моделях профессионализма и социального взаимодействия, представляет собой угрозу социальной безопасности общества и корпоративной безопасности гомогенных компаний. Увеличение разнообразия — это эффективная стратегия адаптации к рискам, выработанная миллионами лет эволюции [Солдатова, Нестик, 2011]. Иными словами, чтобы управлять цифровой экономикой и ИТ-сферой, олицетворением которых стали антропогенные риски и глобальная взаимозависимость, обществу, как субъекту социальной безопасности, надо целенаправленно поддерживать собственную сложность, разнообразие политических, экономических, культурных, гендерных форм.

Согласно проведенным социально-психологическим исследованиям, разнополые команды более креативны, продуктивны и инновационны, а значит, и более прибыльны, экономически безопасны и устойчивы в росте. Руководствуясь этим принципом, ряд крупных зарубежных технических компаний реализуют политику достижения гендерного равновесия в ИТ-сфере, которую можно считать элементом корпоративной безопасности. Так, *IBM, Cisco, HP, Intel, Yelp* и *TexasInstruments* осуществляют спонсорство, менторинговые и коучинговые программы. В *Microsoft, Dell, Yahoo!* есть женские профессиональные группы, которые помогают развивать нужные для работы навыки. *LinkedIn, Facebook, Mozilla, Spotify, Python* и многие другие компании спонсируют конференции и организации, популяризирующие задачу качественного присутствия женщин в ИТ-сфере. *Apple* и *Facebook* реализуют программы по замораживанию яйцеклеток женщин, решивших отложить построение семьи и сосредоточиться на ИТ-карьере. *Google* проводит семинары, направленные на развенчивание стереотипов о разных группах работников, выделенных не только по гендерному принципу [Что мешает женщинам... , 2015].

³ См.: Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы.

Цифровой гендерный разрыв в IT-сфере в России: миф или реальность?

Несмотря на то что в классах с углубленным изучением математики и физики обучается примерно одинаковое количество мальчиков и девочек, стереотип, что математика и информатика не для девочек, подкрепляется родителями и школьными учителями с детства. По данной причине у девочек гораздо ниже самооценка знаний по точным наукам, чем у мальчиков. Это, в частности, подтверждают результаты исследования PISA, проведенного в рамках проекта «Азбука гендерного равенства в области образования» [The ABC of Gender Equality... , 2015].

Данные психологических исследований показали, что девочки чаще страдают от чувства беспомощности при решении задач, болезненнее воспринимают плохие оценки. Как результат, они практически не участвуют в конкурсах и олимпиадах по информатике. Среди победителей и призеров Всероссийской олимпиады школьников по информатике в 2017 г. было 116 мальчиков и 19 девочек (14 %); в образовательной программе по информатике центра «Сириус» для учащихся 7—10-х классов, демонстрирующих выдающиеся успехи, в 2018 г. приняли участие 93 мальчика и 7 девочек (7 %).

Вместе с тем девочки и мальчики имеют равные когнитивные возможности в освоении IT-компетенций. По официальным данным, в России нет статистически значимых различий в их естественно-научной и математической подготовленности. Так, девочки ненамного, но опережают мальчиков в ЕГЭ по физике (у девочек средний балл составляет 46,7, у мальчиков — 45,0) и информатике (59,2 и 56,4 соответственно). Единственный предмет, по которому девочки показывают незначительно более низкий результат — математика: у девочек средний балл по нему 44,0, у мальчиков — 44,2. Этот факт подтверждают и данные международного исследования качества математического образования PISA: на протяжении 10 лет результаты девочек практически не отличаются от результатов мальчиков, а в ряде случаев они даже незначительно выше.

По данным Министерства образования и науки РФ, девушки реже идут учиться по направлениям IT: в среднем из 10 студентов — 3 девушки. В 2015 г. среди выпускников — бакалавров, специалистов и магистров по группе направлений «Информационная безопасность» доля женщин составила 22 %, «Информатика и вычислительная техника» — 27 % [Женщины и мужчины России... , 2016]. Такая же картина сохраняется и в настоящее время, о чем свидетельствует тот факт, что среди участников карьерного форума «Найти IT» для студентов и молодых специалистов IT-сферы, который прошел 13 марта 2018 г. в Москве, девушек оказалось около 30 %.

В исследовании IT-сферы за отправную точку стоит брать «российские кремниевые долины»: инновационный центр «Сколково» (включая Skoltech — Сколковский институт науки и технологий) и г. Иннополис в Республике Татарстан. В Университете Иннополис 80 % студентов — юноши. При этом поступить в данный университет можно лишь выиграв грант на обучение, т. е. девушки либо не участвуют в конкурсе, либо не побеждают юношей. В IT-городе Иннополис представлено около 80 лучших российских высокотехнологичных IT-компаний. Одной из урбанистических проблем является «нехватка женщин».

Однако в качестве решения этой проблемы планируется не содействие вовлечению женщин в IT-сферу, как это происходит в Кремниевой долине, а создание в университете факультетов «с преимущественно женским наполнением», открытие разного рода колл-центров, где в основном будут работать женщины.

По неофициальной статистике, в России лишь половина девушек, получивших IT-образование, устраиваются по специальности. Согласно данным Росстата, в экономике России в целом доля женщин в IT-отрасли не превышает 23,0 %: среди работников высшего уровня квалификации она составляет 21,6 %, среднего — 24,2 % [там же].

Проведенный нами анализ контента российских компаний интернет-рекрутмента (*Head Hunter, Super Job, Avito*) показал, что банк резюме россиян по направлению «Информационные технологии, интернет, телеком» на 80 % состоит из резюме мужчин (около 530 тыс. резюме мужчин и 133 тыс. — женщин). При этом 44 % женщин — IT-специалистов ищут удаленную работу (среди мужчин этот показатель составляет 22 %). Следует отметить, что информационно-коммуникационные технологии расширяют возможности включения женщин в цифровую экономику за счет переноса профессиональной деятельности в дистанционный ряд, фрилансерство, интернет-пространство.

Следующим фактором цифрового гендерного разрыва в России является дисбаланс в заработной плате мужчин и женщин, включенных в IT-отрасль. По данным Росстата, в России отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет среди работников высшего уровня квалификации 82,6 %, среднего — 68,3 % [там же].

Многие женщины и девушки стесняются заявлять о своих достижениях. Им неудобно говорить об этом. Скромность, как фемининная характеристика, останавливает девушек и женщин от участия в конкурсах профессионального мастерства, конкурсах грантов и пр.

В декабре 2017 г. в Иннополисе был проведен I Отраслевой чемпионат по стандартам «World Skills» в сфере информационных технологий «Digital Skills». Из 120 участников на нем присутствовали только 15 девушек (12,5 %), при этом в число призеров вошли 37 юношей/мужчин (93,0 %) и 3 девушки/женщины (7,0 %). Из 374 проектов, набранных в заочный акселератор Фонда развития интернет-инициатив, только 30 (8,0 %) возглавляют девушки.

В 2017 г. среди победителей конкурсов грантов различных российских государственных научных фондов было лишь 16 % женщин, в частности:

— в конкурсе грантов Российского научного фонда (область знания «Математика, информатика, науки о системах») — 10 % (для сравнения: в 2016 г. — 2 %);

— общем конкурсе грантов Российского фонда фундаментальных исследований (область «Инфокоммуникационные технологии и вычислительные системы») — 10 %; конкурсе молодых ученых — 27 %;

— конкурсе грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (номинация «Информационно-телекоммуникационные системы и технологии») для кандидатов наук — 25 % (для сравнения: в 2015 — 15 %), докторов наук — 0 % (на протяжении трех лет);

— конкурсе грантов Фонда содействия инновациям на развитие научно-инновационного проекта по программе «УМНИК» (направление «Информационные технологии») — 24 %.

Следует отметить, что такая ситуация обусловлена не только нежеланием женщин участвовать в конкурсах грантов или их сложностью, но и недостаточной представленностью женщин в научном сообществе в IT-области. Так, в 2017 г. из около 400 соискателей, защитивших диссертации по группе направлений «Информатика, вычислительная техника и управление», было только 80 женщин, т. е. около 20 %.

Следующей проблемой цифрового гендерного разрыва является гомогенность сети профессиональных контактов и менторов (наставников). В IT-сфере недостаточно развит институт женского менторства, а мужчины опасаются руководить работой девушек. Подтверждением этому являются следующие факты:

— среди 30 тыс. программистов — пользователей российской социальной сети «Мой круг», ориентированной на профессиональные контакты и поиск работы в IT-индустрии, около 2 тыс. женщин (7 %);

— команда менторов центра «Сколково» состоит из 214 мужчин и 24 женщин (10 %);

— команда Федеральной акселерационной образовательной программы по развитию специалистов сквозных компетенций цифровой экономики «Кибер/Россия» состоит из 6 мужчин и одной женщины (14 %);

— среди докладчиков на «Moscow JS-2018» (неформальная встреча JavaScript-разработчиков) было 50 мужчин и 3 женщины (5 %);

— экспертный совет автономной некоммерческой организации «Институт развития Интернета» состоит из 110 мужчин и 36 женщин (33 %);

— из 27 преподавателей Университета Иннополис (преимущественно из Европы) только 2 женщины (7 %);

— все педагоги (4 человека) образовательной программы по информатике центра «Сириус» для учащихся 7—10-х классов — мужчины;

— лауреат конкурса агентства стратегических инициатив «Наставник-2018» в специальной номинации «Digital-наставник» — мужчина.

Таким образом, представленные данные позволяют констатировать цифровой гендерный разрыв в российском образовании и, как следствие, в экономике, что свидетельствует о наличии объективных факторов риска социальной безопасности российского общества в целом и женщин как социальной группы в частности.

Гендерные особенности представлений студенческой молодежи об IT-карьере как субъективный фактор ее социальной безопасности

В российском обществе существует цифровой гендерный разрыв, вследствие чего женщины недостаточно интегрируются в IT-образование и цифровую экономику, что способствует росту социальной напряженности и ухудшению социального самочувствия женщины, выступающих субъективными факторами социального риска.

Цель нашего исследования состояла в выявлении гендерных особенностей профессиональной мотивации студентов — будущих IT-специалистов, их

представлений о своей карьере и определении социальной безопасности данной категории молодежи.

С помощью методики «Удовлетворенность профессией» (В. А. Ядов, модификация Н. В. Кузьминой, А. А. Реана) была установлена значимость (удовлетворенность) выбранной профессии в IT-сфере. Выборку составили 118 женщин и 119 мужчин в возрасте от 17 до 22 лет. В качестве факторов, привлекающих женщин в IT-профессию, выявлены: востребованность профессии на рынке труда, возможность карьерного роста, возможность самосовершенствования. Мужчин притягивает востребованность профессии на рынке труда, большая заработная плата, возможность самосовершенствования, что особенно важно в условиях реализации инновационных IT-стартапов. Факторами, не привлекающими и женщин и мужчин в IT-профессию, являются переутомление, вызываемое работой, и продолжительный рабочий день.

Половина участников исследования выразили намерение после окончания вуза попытаться устроиться на работу по той специальности, которую они в настоящее время получают (здесь нет значимой вариации по полу — 52,6 % мужчин и 50,0 % женщин), некоторые хотят изменить направление специализации, оставаясь в IT-сфере (15,8 % мужчин и 22,2 % женщин). Около трети респондентов планируют уйти из профессиональной IT-сферы (31,6 % мужчин и 27,8 % женщин). Представление о востребованности своей специальности в IT-сфере иллюстрируется распространенностью среди студентов мнения о том, что они с большим или меньшим успехом смогут устроиться на работу (73,6 % мужчин и 66,6 % женщин). При этом каждый четвертый юноша уже работает или получил предложение о трудоустройстве, чего нельзя сказать о девушках.

Желание работать по специальности для большинства студентов не является определяющим при принятии решения о направлении карьеры. Среди девушек доля тех, кто привержен IT-профессии, составляет всего 11,1 %; среди юношей — 21,1 %. Большинство смотрит на выбор сферы профессиональной деятельности с позиций максимизации дохода: 73,7 % девушек и 77,8 % юношей даже при наличии желания использовать полученные в вузе знания сделали бы выбор в пользу более высокой зарплаты (если рынок предоставит такую возможность).

Только половина опрошенных указали, что IT-профессии в России являются преимущественно «мужскими» (47,4 % мужчин и 44,5 % женщин) и IT-карьеру мужчинам построить легче (52,6% мужчин и 61,1% женщин). При этом каждый шестой мужчина отмечает способность женщин построить карьеру в IT-сфере.

Оценивая субъективные факторы риска, можно сделать вывод об относительно равном уровне социальной безопасности мужчин и женщин — будущих IT-специалистов. У половины респондентов (мужчин и женщин в равной степени) выявлены большие ожидания от трудоустройства и карьеры в IT-сфере. Однако их нереализация ведет в перспективе к возникновению угрозы социальной безопасности общества. Взрывная сила дискриминационных ограничений, в том числе по гендерному признаку, и нереализованных социальных потребностей может быть использована деструктивными общностями.

Выводы и рекомендации

Вопрос о преодолении цифрового гендерного разрыва и расширении присутствия женщин в IT-сфере заслуживает внимания с точки зрения увеличения возможностей женщины, реализации ею ролевых функций матери, специалиста, общественной деятельницы, улучшения качества ее жизни и обеспечения социальной безопасности общества и государства. Цель ликвидации цифрового гендерного разрыва заключается в преодолении социокультурных угроз и рисков, обусловленных гендерными стереотипами и дискриминацией женщин, а также угроз социально-экономической стагнации ввиду нехватки специализированных кадров.

Перед социальными институтами (семья, образование, наука, культура, общественные организации), IT-сообществом стоит задача формирования имиджа женщины, профессионально ориентированной в цифровой экономике и IT-отрасли, через разработку и реализацию соответствующих социальных, образовательных и менторских программ. В России есть яркие примеры женщин-лидеров в IT-отрасли, которые могут стать ролевыми моделями для молодых специалистов и подрастающего поколения (см., напр.: [Women and Tech, 2016; Фонд развития интернет-инициатив... , 2018]).

Данные программы должны быть направлены на преодоление внутреннего стереотипа о том, что IT не женская профессия; формирование социальных и цифровых компетенций, необходимых девушкам для успешной профессиональной адаптации и идентификации, а также создания и реализации технологических проектов и стартапов [Knyazeva et al., 2016].

Во многих западных странах сейчас действуют организации (сообщества), специализирующиеся на популяризации программирования среди женщин, а также оказывающие женщинам безвозмездную помощь в освоении IT-компетенций. Среди них наиболее известны *PyLadies*, *Django Girls*, *Rails Girls*, *Linux Chix*, *Girls Who Code*, *Women Who Code*, *Girl Develop It*. В качестве примера можно привести российское женское сообщество, сформировавшееся в рамках форума «Women & Tech», который прошел в Москве в ноябре 2016 г. Форум позволил показать актуальную картину мира высоких технологий, познакомить участниц с экспертами, успешными проектами и обсудить будущее IT-технологий через призму женского лидерства.

Большим ресурсом в реализации указанных выше задач обладает создаваемая в России федеральная сеть детских технопарков «Кванториум» в рамках проектной траектории «IT-квантум», направленной на углубленное изучение детьми программирования и сетевых технологий. Необходима активизация некоммерческих неправительственных организаций в реализации социально-образовательных IT-проектов. В качестве примера можно привести проекты, реализуемые Агентством инновационного развития, направленные на поддержку научно-технического творчества молодежи в IT-сфере. Проекты включают организацию IT-школ, проводимых по всей стране, международных стажировок, научных исследований и пр.

В этом же направлении стоит работать ведущим отечественным IT-компаниям, расширяя горизонты возможностей для женщин и привлекая их в IT-отрасль.

Библиографический список

- Абрахманова Г. И., Ковалева Г. Г., Озерова О. К., Рыжикова З. А. Гендерный аспект в цифровой экономике // Информационное общество: мониторинг: информационный бюллетень. 2016. № 3 (8). С. 1—6.
- Делия В. П., Терентьева Е. В. Трансформация образа женщины в цифровой экономике // Имидж деловой женщины в эпоху цифровых трансформаций: материалы IV Международного женского конгресса. М.: Изд-во акад. имиджелогии, 2017. С. 22—28.
- Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе / под ред. О. Б. Савинской; Совет по вопр. управления и развития. М.: Вариант, 2017. 88 с.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/women16.pdf (дата обращения: 22.01.2018).
- Зарецкий Ю. Опасность и безопасность: социальный аспект // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 18—25.
- Калабихина И. Е. Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 5—16.
- Макеев А. В. Политика и безопасность: взаимосвязь и соотношение // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 1998. № 1. С. 129—141.
- Панкратов С. А., Рахлеев А. В. Угрозы и риски социальной безопасности современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филология. Социология и социальные технологии. 2008. № 1. С. 103—105.
- Силласте Г. Г. Женщина как объект и субъект социальной безопасности // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 62—71.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 15—24.
- Фонд развития интернет-инициатив: 10 женщин в мужском бизнесе. 2018. URL: <http://www.iidf.ru/media/articles/heroes/10-zhenshchin-v-biznese> (дата обращения: 22.01.2018).
- Фролова Н. А. Идеология социальной безопасности и правовая политика государства: теоретический и исторический аспект: монография. М.: АВА-БЕСТ, 2007. 144 с.
- Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.
- Что мешает женщинам делать карьеру в IT-сфере. 2015. URL: <http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/213511-why-women-leave-tech> (дата обращения: 22.01.2018).
- Berdousis I., Kordaki M. Computing and STEM in Greek tertiary education: gender representation of faculty members during the decade 2003—2013 // Gender and Education. 2018. Vol. 30, № 1. P. 1—21.
- Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Belyakova N. V., Romanova A. V. Threats to the social safety of educational environment in the Russian schools // Ponte. 2016. Vol. 72, № 12. P. 355—363.
- Knyazeva N., Gryaznukhin A. G., Kislyakov P. A., Esaulov V. I., Kekteeva Y. I., Polivara Z. V. Psychological and managerial problems of modern higher education // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6, iss. 1. P. 47—52.
- The ABC of Gender Equality in Education: Aptitude, Behaviour, Confidence / PISA, OECD Publishing. 2015. URL: <http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/pisa-2012-results-gender-eng.pdf> (дата обращения: 22.01.2018).
- The Global Gender Gap Report 2016. 2016. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016> (дата обращения: 22.01.2018).
- Women and Tech. 2016. URL: <http://wit.org.ru> (дата обращения: 22.01.2018).

References

- Abdrakhmanova, G. I., Kovaleva, G. G., Ozerova, O. K., Ryzhikova, Z. A. (2016) Gendernyi aspekt v tsifrovoi ekonomike [Gender aspect in digital economy], *Informatsionnoe obshchestvo: Monitoring: Informatsionnyi biulleten'*, no. 3 (8), pp. 1—6.
- Berdousis, I., Kordaki, M. (2018) Computing and STEM in Greek tertiary education: gender representation of faculty members during the decade 2003—2013, *Gender and Education*, vol. 30, no. 1, pp. 1—21.
- Chto meshaet zhenshchinam delat' kar'eru v IT-sfere* (2015) [What prevents women from making a career in IT-sphere], available from <http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/213511-why-women-leave-tech> (accessed 22.01.2018).
- Deliia, V. P., Terent'eva, E. V. (2017) Transformatsiia obraza zhenshchiny v tsifrovoi ekonomike [Transformation of the image of women in the digital economy], *Imidzh delovoi zhenshchiny v epokhu tsifrovoykh transformatsii*. Materialy IV Mezhdunarodnogo zhenskogo kongressa, Moscow: Izdatel'stvo Akademii imidzhelologii, pp. 22—28.
- Fond razvitiia internet-initsiativ: 10 zhenshchin v muzhskom biznese* (2018) [Internet Initiatives Development Fund: 10 women in men's business], available from <http://www.iidf.ru/media/articles/heroes/10-zhenshchin-v-biznese> (accessed 22.01.2018).
- Frolova, N. A. (2007) *Ideologiya sotsial'noi bezopasnosti i pravovaia politika gosudarstva: teoreticheskii i istoricheskii aspekt* [Ideology of social security and legal policy of the state: theoretical and historical aspect], Moscow: AVA-BEST.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Novye podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring women's representation in STEM-education and STEM-employment in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—16.
- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of development STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Kislyakov, P. A., Shmeleva, E. A., Belyakova, N. V., Romanova, A. V. (2016) Threats to the social safety of educational environment in the Russian schools, *Ponte*, vol. 72, no. 12, pp. 355—363.
- Knyazeva, N., Gryaznukhin, A. G., Kislyakov, P. A., Esaulov, V. I., Kekteeva, Y. I., Polivara, Z. V. (2016) Psychological and managerial problems of modern higher education, *International Review of Management and Marketing*, vol. 6, iss. 1, pp. 47—52.
- Makeev, A. V. (1998) Politika i bezopasnost': vzaimosviaz' i sootnoshenie [Politics and security: interrelation and correlation], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiya i politologiya, no. 1, pp. 129—141.
- Pankratov, S. A., Rakhleev, A. V. (2008) Ugrozy i riski sotsial'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii [Threats and risks of social security in modern Russia], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii, no. 1, pp. 103—105.
- Savinskaia, O. B. (ed.) (2017) *Zhenshchiny i STEM v tsifrovuiu epokhu: politika zaniatosti v megapolise* [Women and STEM in the digital age: employment policy in the metropolis], Moscow: Variant.
- Sillaste, G. G. (1998) Zhenshchina kak ob'ekt i sub'ekt sotsial'noi bezopasnosti [Woman as object and subject of social security], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 62—71.
- Soldatova, G. U., Nestik, T. A. (2011) Istoriko-evoliutsionnaia perspektiva chelovechestva: ot paradigmy konflikta k paradigme tolerantnosti [Historical and evolutionary perspective of humanity: from the paradigm of conflict to the paradigm of tolerance], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 15—24.

- The ABC of Gender Equality in Education: Aptitude, Behaviour, Confidence* (2015), available from <http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/pisa-2012-results-gender-eng.pdf> (accessed 22.01.2018).
- The Global Gender Gap Report 2016* (2016), available from <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016> (accessed 22.01.2018).
- Women and Tech* (2016), available from <http://wit.org.ru> (accessed 22.01.2018).
- Zaretskiĭ, Iu. (1995) *Opasnost' i bezopasnost': sotsial'nyĭ aspekt* [Danger and security: social aspect], *Sotsial'no-politicheskiĭ zhurnal*, no. 5, pp. 18—25.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016: Statisticheskiĭ sbornik* (2016) [Women and men of Russia: Statistics digest], Moscow, available from http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/women16.pdf (accessed 22.01.2018).

Статья поступила 25.04.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Кисляков Павел Александрович — доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, pack.81@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Labor Psychology and Special Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Шмелева Елена Александровна — доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Ивановская область, Россия, pos_ssru@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Associate Professor, Deputy Director for Science, Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Ivanovo Region, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 26—33
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.3

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 26—33
ББК 74.40
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.3

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС

В. Г. Доброхлеб

Институт социально-экономических проблем народонаселения,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru

Одним из инструментов определения динамики достижения равноправия мужчин и женщин является показатель, определяемый как гендерный разрыв. Индекс гендерного неравенства в мире составлял в 2016 г. 68 %. Международные исследования выявили, что в 2017 г. оно усилилось. Рейтинг России невысок: в 2016 г. наша страна занимала 75-е место из 144.

Эффективным инструментом достижения гендерного баланса является Концепция непрерывного образования. Население России имеет высокий образовательный потенциал. Однако при сравнении участия населения РФ и населения европейских стран в непрерывном образовании мы проигрываем лидерам.

В статье показано, что использование и наращивание образовательного потенциала мужчин и женщин всех возрастов в нашей стране призвано способствовать не только росту экономических показателей, намеченных в новых майских указах, но и снижению гендерного неравенства.

Ключевые слова: образование через всю жизнь, гендерный разрыв, гендерный баланс.

LIFELONG LEARNING AND GENDER BALANCE

V. G. Dobrokhleb

Institute of Social and Economic Problems of Population,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
vdobrokhleb@mail.ru

One of the tools for determining the dynamics of achieving gender equality is the indicator defined as the gender gap. The gender inequality index in the world was 68 % in 2016. International studies have found out that gender inequality in the world increased in 2017. Russia's rating has never been very high: in 2016 our country ranked 75th out of 144.

© Доброхлеб В. Г., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-02-50064 «Развитие системы образования пожилых граждан в условиях демографического старения России».

The Concept of lifelong learning is an effective tool for achieving gender balance. The population of Russia has a high educational potential. However, the comparison of Russia's and European countries population participation in continuous education is to our disfavor.

The article shows that the use and increase of educational potential of men and women of all ages in our country is designed to contribute not only to the growth of economic indicators outlined in the new May decrees, but to reduce gender inequality.

Key words: lifelong learning, gender gap, gender balance.

Вопросы равенства и справедливости многогранны. Равенство — не уравниловка, не одинаковость. В рамках стратифицированного подхода — это вопрос о механизмах распределения разнообразных ресурсов и доступа к ним. В гендерном анализе присутствует тезис о неравенстве по принципу предписанного пола, отношений господства — подчинения [Антология... , 2000]. Н. Л. Пушкарева предложила следующую дефиницию: «Гендер — это система отношений, которая является основой стратификации общества по признаку пола. Как фундаментальная составляющая социальных связей (одновременно устойчивая и изменчивая) гендер позволяет создавать, подтверждать и воспроизводить представление о “мужском” и “женском”, наделять властью одних (как правило, мужчин) и субординировать других...» [Пушкарева, 2005: 15].

В России, как и в большинстве современных государств, женщины по Конституции имеют равные с мужчинами права. Наша страна стала одной из первых, где женщины получили право участвовать в выборах, они имеют доступ и к рабочим, и к руководящим должностям. Вместе с тем лишь законодательно установленного равенства недостаточно для реально равноправного положения, например на рынке труда. Можно повторить за С. де Бовуар: «Быть женщиной — значит сегодня для автономного человеческого существа сталкиваться с особыми проблемами» [Бовуар, 2017: 864]. Следует добавить, что и мужчины сталкиваются с проблемами, основанными на гендерных стереотипах, скажем в сфере реализации родительских прав, отцовства. С предписываемыми гендерными ролями связаны и определенные ожидания общества [Финиарель, 2017].

Одним из инструментов установления динамики достижения равноправия мужчин и женщин выступает показатель, определяемый как гендерный разрыв, который позволяет выявить различия между мужчинами и женщинами в отношении выгод от образования, занятости, услуг и т. д. [Демография... , 2017]. Международные исследования показали, что гендерное неравенство в мире в 2017 г. усилилось. Для его ликвидации потребуется 100 лет, годом ранее этот срок был меньше — 83 года.

В нашей стране сохраняется гендерный разрыв между равенством возможностей мужчин и женщин разных возрастов. Всемирный экономический форум с 2006 г. ввел индекс гендерного неравенства, который используется для большинства стран мира. По данным последнего из опубликованных докладов ВЭФ, который включает измерения по 144 государствам, ни одна из стран не достигла полного равноправия между мужчинами и женщинами. Наибольший прогресс наблюдается в сфере здоровья и образования: глобальные значения соответствующих подындеков составили 96 и 95 %. Наиболее значительным

гендерный разрыв остается в экономической и политической сферах — 59 и 23 % соответственно. Сводный индекс гендерного неравенства в 2016 г. достигал 68 %. Рейтинг России все годы невысок: в 2016 г. наша страна занимала 75-е место из 144 [World Economic Forum, 2016].

Базовыми являются неравенства, касающиеся соотношения зарплат, стажа и экономической активности мужчин и женщин. Как показано в последнем докладе МЭФ, для достижения абсолютного равенства в этой области нужно 217 лет (год назад — 170) [Эксперты... , 2017].

Существенное значение для понимания направлений преодоления гендерного разрыва и вовлечения женщин в сферу цифровой экономики имеет сформированное почти пять десятилетий назад в социальной науке «направление, основанное на концепции “гендера”, признающее за обоими полами равное право на самореализацию во всех сферах жизнедеятельности общества» [Хасбулатова, 2012]. Переход к цифровой экономике несет новые вызовы как на мега- и макроуровнях, так и на микроуровне: в международной конкуренции выигрывают государства, которые становятся инновационными лидерами; страны, экономика которых быстрее перестраивается с учетом инновационных технологий, получают преимущество в темпах экономического роста; домохозяйства, у членов которых более высокий уровень человеческого капитала, имеют более широкие возможности для включения в цифровую экономику. Цифровая экономика трактуется по-разному, в том числе как «система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» [Прасолов, 2017].

Индикаторы цифровой экономики разнообразны. Важно, что Россия имеет ряд успехов, в том числе в доступности и использовании ИКТ: в 2016 г. 74 % домашних хозяйств владели компьютерами (в 2010 г. их доля была немногим более половины — 55 %); к Интернету имели доступ 75 % домохозяйств, что на треть больше, чем в 2010 г.; удельный вес населения в возрасте 15—72 лет, пользовавшегося Интернетом каждый день, к 2016 г. вырос в сравнении с 2010 г. вдвое и составил 58 %. При этом никогда не используют Интернет в нашей стране 19 % населения, а странах — лидерах по этому направлению (Дания, Люксембург, Норвегия) — 2 %. В нашей стране низок показатель удельного веса сектора ИКТ в валовой добавленной стоимости: в 2015 г. — 2,8 %. Россия отстает от Республики Корея — лидера в этом — почти в четыре раза (10,7 %). Удельный вес работников сектора ИКТ в общей численности работников организаций в 2015 г. в РФ был вдвое ниже, чем у стран-лидеров, и составлял 2,8 % [Индикаторы цифровой экономики, 2017]. Один из основных вызовов цифровой экономики для России — низкая доля современных рабочих мест, в том числе в сфере ИКТ.

Второй вызов затрагивает не только Россию, но и экономически развитые страны, и ряд развивающихся стран. Это связано с изменением демографической структуры населения, которое определяется нарастающим процессом демографического старения. Старение населения формируется фундаментальными сдвигами в процессах рождаемости и смертности. Рост продолжительности жизни дает возможность реализации иных жизненных стратегий. Активное долголетие может стать целью личного жизненного пути,

с одной стороны, и направлением социальной политики — с другой. В нашей стране отмечена демографическая гендерная асимметрия, которая затрагивает все три группы населения: детей и подростков, людей трудоспособного и старше трудоспособного возраста. При этом асимметрия имеет разнонаправленный характер: в первых двух группах численность мужчин выше, а в старших возрастах наблюдается значительное преобладание женских когорт. Из 36 685 тыс. людей старше трудоспособного возраста 25 905 тыс. составляют женщины, их почти на 15 млн больше, чем мужчин. Мужчинам-пенсионерам «предстоит прожить» 16,1 лет, пенсионеркам — 25,8. При этом текущее здоровье женщин и уровень их доходов ниже, чем у мужчин, а образование выше. Вероятно, поэтому в возрасте старше 50 лет и в городе, и на селе женщины — более активные пользователи Интернета: не реже одного раза в неделю используют Сеть 7,6 % мужчин в возрасте 50—54 лет и 9,3 % женщин. С увеличением возраста доля активных пользователей в целом снижается, но женщины выходят в Сеть чаще [Демография... , 2017].

Эффективным инструментом достижения гендерного баланса является Концепция непрерывного образования, которая впервые была представлена ЮНЕСКО (1965 г.) П. Ленграндом. Он считал, что человеку необходимы условия для полного развития его способностей на протяжении жизни. В этой связи по-новому рассматриваются этапы жизненного цикла человека, устраняющие традиционное деление на периоды учебы, труда и прекращения профессиональной занятости. В этом контексте непрерывное образование означает продолжающийся всю жизнь процесс, в котором важная роль отводится интеграции индивидуальных и социальных аспектов личности, а также ее реализации [Концепция... , 2017].

Население России имеет высокий образовательный потенциал. Так, в возрасте от 25 до 64 лет почти каждый третий мужчина имеет высшее образование — 284 на тысячу человек. Уровень образования женщин в нашей стране выше, чем у мужчин, — 339 %. Женщины старших возрастов (55—64 года) также обладают более высоким уровнем образования, чем их ровесники, — 217 % и 198 %. Однако при сравнении участия населения РФ и европейских стран в непрерывном образовании мы проигрываем лидерам. Например, в формальном образовании у нас участвуют 8 % населения в возрасте 25—64 лет, в Великобритании — почти вдвое больше — 15 %; дополнительным образованием охвачено в РФ 12 %, в Швеции — 69 %; самообразованием у нас занято 20 %, в Словакии (лидер по данному показателю) — 84 %. [Индикаторы образования, 2017: 40—44]. Глобальной угрозой наших дней становится отставание способности взрослого человека своевременно адаптироваться к переменам в окружающем его мире, участвовать в инновациях. В этих условиях важными становятся инвестиции в сферу образования, сопоставление показателей рейтингов Мирового банка, в том числе по размеру ВВП и уровню расходов на образование. По объему ВВП Россия занимала 10-е место в мире, а по уровню расходов на образование — 98-е (с долей расходов 4,1 % от объема ВВП) [The World Bank, 2014]. Можно говорить о том, что наша страна недостаточно вкладывает средств в развитие системы образования. Если рассматривать ВВП как результат деятельности людей, то мы наблюдаем разрыв между вкладом населения в ВВП и финансовыми вложениями на макроуровне в формирование системы образования.

Направления необходимых действий предложены в материалах ЮНЕСКО, которые показывают, что обучение на протяжении всей жизни является как философией, так и концептуальной основой, а также организационным принципом образования в XXI в. Признается, что Концепция обучения для расширения прав и возможностей имеет центральное значение, так как образование должно реагировать на эффективное решение проблем, связанных с быстрыми и постоянными изменениями. При этом акцент делается на обучение взрослых, особенно на грамотность и неформальное образование, а также альтернативное обучение как возможность развития для маргинализированных и обездоленных групп населения [UNESCO Education Strategy, 2014].

Российские исследования показывают, что концепцию «образование через всю жизнь» одобряют 100 % преподавателей вузов, 93 % руководителей предприятий также разделяют это мнение, 73 % работников считают, что в современных условиях необходимо постоянно повышать уровень знаний [Медведева, 2014]. Объем услуг дополнительного профессионального образования растет или не снижается только для работников крупных и успешных предприятий, которые действуют в приоритетных отраслях экономики. Для более мелких предприятий сохранение масштаба повышения квалификации достигается за счет более дешевых и краткосрочных программ. При этом более эффективными респонденты признают именно дорогие и длительные программы ДПО. Основной мотивацией получения дополнительного профессионального образования является ориентация на закрепление позиций на рабочем месте. Все более важную роль играет самообразование [Аврамова и др., 2015: 11]. Однако в связи с падением доходов населения затраты домохозяйств на эти цели будут снижаться.

Сегодня непрерывное образование в России, как правило, затрагивает людей молодых [Римашевская, Доброхлеб, 2017]. Введение действительно работающей системы «образования через всю жизнь» только начинается. Пока это направление весьма условно включает организацию системы профессиональной подготовки старших возрастных групп. Вместе с этим существует разрыв в области овладения новыми умениями и навыками, в том числе в области информационных технологий, как между странами, так и на национальном уровне между различными поколениями. Высокие темпы развития новых технологий изменяют социальную реальность, в которой нарастает функциональная неграмотность, в значительной степени затрагивающая пожилых и старых людей. В настоящее время разработана система компонентов, позволяющая понять структуру информационной грамотности. К ним отнесены: использование СМИ, современных библиотечных ресурсов, наличие критического мышления и информационная этика. Постоянно формируются новые виды грамотности. Без системы непрерывного образования невозможно оставаться в адекватных вызовах времени новых и постоянно расширяющихся границах грамотности [Доклад о человеческом развитии, 2016].

Наращение темпов внедрения новых технологий ведет к росту спроса на высококвалифицированных специалистов и одновременно к снижению потребности в работниках со средним уровнем квалификации. Исследования ПРООН показывают, что дефицит специалистов с высшим образованием и необходимой квалификацией во всем мире через три года составит 40 млн человек и еще около

95 млн работников с более низким уровнем образования, но новыми компетенциями будет не хватать [там же]. В связи с развитием цифровой экономики эта проблема будет затрагивать и Россию.

Использование и наращивание образовательного потенциала мужчин и женщин всех возрастов в нашей стране призвано способствовать не только росту экономических показателей, намеченных в новых майских указах [Новые майские указы... , 2018], но и снижению гендерного разрыва, соответствию гендерных ролей целям развития общества.

Для того чтобы быть в лидерах технологической гонки, необходимо активизировать создание высокоэффективных рабочих мест с учетом демографической динамики и гендерной демографической асимметрии; целенаправленно формировать систему непрерывного образования, охватывающего когорты женщин разных возрастов; усилить деятельность социально ответственного бизнеса, связанного с увеличением вложений в образование сотрудников, сбалансировать данные затраты в гендерном аспекте; с учетом демографической динамики сформировать национальную программу активного долголетия, затрагивающую все поколения страны.

Библиографический список

- Аврамова Е. М., Клячко Т. Л., Логинов Д. М. Мониторинг непрерывного профессионального образования: позиции работодателей и работников. М.: Дело, 2015. 52 с.
- Антология гендерных исследований / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск: Профилен, 2000. 384 с.
- Бовуар С. де. Второй пол. СПб.: Азбука, 2017. 928 с.
- Демография. Старшее поколение. 2017. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (дата обращения: 12.05.2018).
- Доклад о человеческом развитии. 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 19.03.2018).
- Индикаторы образования — 2017: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.
- Индикаторы цифровой экономики — 2017: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. URL: <https://www.hse.ru/data/2017/08/03/1173504122/ICE2017.pdf> (дата обращения: 22.02.2018).
- Концепция организации непрерывного образования взрослых. 2017. URL: <http://dpo24.ru/concept.html> (дата обращения: 10.05.2018).
- Медведева Е. И. Непрерывное образование: перспективы реализации в России // Электронное обучение в непрерывном образовании — 2014: Всероссийская научно-практическая конференция, 18—20 марта 2014 г., Ульяновск. Ульяновск: Ульянов. гос. техн. ун-т, 2014. С. 115—120.
- Новые майские указы Президента — 2018. 2018. URL: www.proprof.ru/stati/careera/prozaplata/mayskie-ukazy-2018 (дата обращения: 18.05.2018).
- Прасолов В. И. Цифровая экономика как ответ на вызовы XXI века. 2017. URL: <http://scipress.ru/economy/article/cifrovaya-ekonomika-kak-otvet-na-vyzovy-xxi-veka> (дата обращения: 29.01.2018).
- Пушкарева Н. Л. Что такое «гендер»? (характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: материалы Второй Международной научно-практической конференции / под ред. А. А. Павлова, В. А. Семенова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. гос. ун-та, 2005. С. 8—20.

- Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г. Непрерывное образование — основа устойчивого развития страны // Народонаселение. 2017. № 2. С. 42—50.
- Финиарель А. Гендерный дискурс в общественном сознании. 2017. URL: <https://sciencepop.ru/vopros-rebrom-realny-li-gendernye-problemy/> (дата обращения: 18.05.2018).
- Хасбулатова О. А. Гендерным исследованиям в системе высшего образования России десять лет. 2012. URL: <http://docplayer.ru/28071242-O-a-hasbulatova-gendernym-issledovaniyam-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-rossii-desyat-let.html> (дата обращения: 22.02.2018).
- Эксперты впервые за 10 лет зафиксировали увеличение гендерного неравенства. 2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/11/03/740456-uvlichenie-gendernogo-neravenstva#galleries%2F140737493628130%2Fnormal%2F1> (дата обращения: 12.05.2018).
- The World Bank: World Development Indicators — 2014. 2014. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info> (дата обращения: 28.04.2017).
- UNESCO Education Strategy, 2014—2021. 2014. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения: 18.05.2018).
- World Economic Forum. 2016. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/> (дата обращения: 24.02.2018).

References

- Avraamova, E. M., Kliachko, T. L., Loginov, D. M. (2015) *Monitoring nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia: pozitsii rabotodatelei i rabotnikov* [Monitoring continuous professional education: the position of employers and employees], Moscow: Delo.
- De Bovuar, S. (2017) *Vtoroi pol* [Second sex], St. Petersburg: Azbuka.
- Doklad o chelovecheskom razviii* (2016) [Human development report], available from http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (accessed 19.03.2018).
- Finiarel', A. (2017) *Gendernyi diskurs v obshchestvennom soznanii* [Gender discourse in the public consciousness], available from <https://sciencepop.ru/vopros-rebrom-realny-li-gendernye-problemy/> (accessed 18.05.2018).
- Gapova, E. I., Usmanova, A. R. (eds) (2000) *Antologiya gendernykh issledovaniĭ* [Anthology of gender studies], Minsk: Propilei.
- Khasbulatova, O. A. (2012) *Gendernym issledovaniyam v sisteme vysshego obrazovaniia Rossii desiat' let* [Gender studies in the system of higher education in Russia for ten years], available from <http://docplayer.ru/28071242-O-a-hasbulatova-gendernym-issledovaniyam-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-rossii-desyat-let.html> (accessed 22.02.2018).
- Kontsepsiia organizatsii nepreryvnogo obrazovaniia vzroslykh* (2017), available from <http://dpo24.ru/concept.html> (accessed 10.05.2018).
- Medvedeva, E. I. (2014) Nepreryvnoe obrazovanie: perspektivy realizatsii v Rossii [Continuing education: development prospects in Russia], in: *Elektronnoe obuchenie v nepreryvnom obrazovanii — 2014: Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia*, Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, pp. 115—120.
- Prasolov, V. I. (2017) *Tsifrovaia ekonomika kak otvet na vyzovy XXI veka* [Digital economics as a response to the challenges of the XXI century], available from <http://scipress.ru/economy/article/cifrovaya-ekonomika-kak-otvet-na-vyzovy-xxi-veka> (accessed 29.01.2018).
- Pushkareva, N. L. (2005) Chto takoe “gender”? (Kharakteristika osnovnykh kontseptsii) [What is “gender”? (Characteristics of the basic concepts)], in: Pavlov, A. A.,

-
- Semenov, V. A. (eds), *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie: Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Syktyvkar: Izdatel'stvo Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 8—20.
- Rimashevskaja, N. M., Dobrokhleb, V. G. (2017) Nепrерывное образование — основа устойчивого развития страны [Continuous education is the basis for sustainable development of the country], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 42—50.
- The World Bank: World Development Indicators — 2014* (2014), available from <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info> (accessed 28.04.2017).
- UNESCO Education Strategy, 2014—2021* (2014), available from <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (accessed 18.05.2018).
- World Economic Forum* (2016), available from <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/> (accessed 24.02.2018).

Статья поступила 23.05.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Доброхлеб Валентина Григорьевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 34—48
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.4

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 34—48
ББК 74.660.1
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.4

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ (STEM)
КАК ДЕВИЧИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР:
ДОСТИЖЕНИЯ, САМООЦЕНКА И СКРЫТЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН**

О. Б. Савинская, Т. А. Мхитарян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru

Рассматривается проблема гендерного неравенства, проявляющегося в процессе социализации школьников и молодежи и обусловливающего снижение мотивации девочек к выбору технических наук и STEM-профессий в качестве карьеры. Анализируются данные опроса школьников г. Москва и г. Губкин (Белгородская область). Подчеркивается, что, несмотря на объективно высокие достижения девочек, они значительно ниже мальчиков оценивают свои способности и реже связывают свое дальнейшее образование с техническими науками. Раскрывается важность обращения к бинарной логистической регрессии с эффектами взаимодействия для определения детерминант выбора STEM-дисциплин школьницами. Установлено, что родители, преподаватель математики, гендерные убеждения, профиль класса обучения, оценка своих знаний по математике и организация школьного учебного плана при конкретных сочетаниях влияют на выбор STEM-дисциплин школьницами. Развивается понятие «скрытый учебный план», предлагается шкала для его измерения. Выявлено, что наиболее значимым фактором выступает «организация учебной жизни и обучающие программы».

Ключевые слова: STEM, школа, профориентация, мотивация девочек, самооценка девочек, гендерные стереотипы, скрытый учебный план.

**STEM AS GIRLS' PROFESSIONAL CHOICE:
ACHIEVEMENTS, SELF-ESTEEM, AND HIDDEN CURRICULUM**

O. B. Savinskaya, T. A. Mkhitaryan

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, osavinskaya@hse.ru

This article explores the problem of gender inequality, manifested in the process of socialization of schoolchildren and young people. This problem leads to a decrease in the motivation of girls to choose technical sciences and STEM-professions as a career. The data was

---

© Савинская О. Б., Мхитарян Т. А., 2018

Публикация подготовлена в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”» в 2018 г. (проект № 18-05-0031), а также в рамках программы государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

collected by means of an online survey and completing the questionnaire at school. The final sample involved 438 schoolchildren who are enrolled in 5, 8 and 11 grades in Moscow and Gubkin (Belgorod region). The data analysis demonstrates that, despite the fact that the objective achievements of girls in math are high, they tend to underestimate their abilities and less often associate their higher education prospects with technical sciences. A binary logistic regression with the interaction effects was built to look for the determining factors of schoolgirls choice of STEM-field. The appeal to interaction effects allowed to make interpretation of results more meaningful. The regression model reveals that parents, math teachers, gender beliefs, class profiles, assessment of the math abilities and the organization of the school curriculum in certain combinations influence the choice of STEM-disciplines by school girls. It is noteworthy that the class profile and the organization of the school curriculum participated in all interaction effects. The notion of a “hidden curriculum” is developed; a scale is proposed for its measurement. The factor analysis reveals that the most significant factor is “the organization of the academic life and the education programs”.

Key words: STEM, school, professional choice, girls’ motivation, girls’ self-esteem, gender stereotypes, hidden curriculum.

Постановка проблемы

Проявление гендерного неравенства в средней школе — основа для дальнейшего расхождения профессиональных траекторий юношей и девушек в выборе и получении высшего и среднего специального образования, а вместе с этим — гендерной асимметрии в науке и промышленности. В современном мире, в котором наблюдается технологический переход к новой цифровой цивилизации, эта проблема стала приобретать еще большую остроту. Потеря научного, творческого и инновативного потенциала женщин уже признается обществоведами как экономически невыгодная. Признается также важность участия женщин в технических науках и техническом производстве как фактор стабильного развития общества. Для достижения полноценной включенности женщин в технологическое развитие общества XXI в. необходимо обратить внимание как на процессы освоения базовых навыков цифровой повседневности, так и на возможности профессионального лидерства женщин в новых высокотехнологичных отраслях экономики.

Одним из поводов для широкой общественной дискуссии о гендерном неравенстве в высокотехнологичных отраслях экономики принято считать доклад Американской ассоциации женщин с университетским образованием «Как школы недооценивают девочек» [Short Changing Girls... , 1991]. Он обнажил проблему постепенного снижения у девочек самооценки достижений в освоении дисциплин точных наук, и прежде всего математики. В американском исследовании участвовали ученики пятых, восьмых и одиннадцатых классов. Данное снижение было выявлено на протяжении обучения в средней школе, что в дальнейшем лишало девочек мотивации к поступлению в технические вузы. В противоположность этому самооценка мальчиков не снижалась. Работая в сотрудничестве с российской веткой Международной федерации женщин с высшим образованием и реагируя на полученные результаты своих коллег, мы провели исследование мотивации девочек к профессиональному развитию в сфере точных наук и рассмотрели барьеры, препятствующие этому.

Теоретическая рамка и основные понятия

Для изучения формирования гендерных различий в процессе социализации в школе применялся подход социального конструктивизма. Как утверждают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина, гендер — это «социальный статус, который определяет индивидуальные возможности в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивном поведении» [Здравомыслова, Темкина, 1997: 84—85]. Пол является биологическим фактором принадлежности к той или иной группе, который по большей части влияет на анатомо-физиологические свойства человека [Здравомыслова, Темкина, 1998]. Этот предписанный статус закрепляется за индивидуумом, в то время как гендер обладает аскриптивным качеством.

Еще одно важное понятие — социализация. Это сложный механизм приспособления к окружающей социальной среде, действующий путем сканирования и повторения существующих культурных паттернов. Калькируя поведение, человек сверяет свои действия и адаптируется к многосложной и комбинационной системе окружающего мира. Его шаблонные практики, в свою очередь, базируются на общественных потребностях, которые являются приоритетными в тот или иной промежуток времени. Безусловно, гендерное разделение накладывает свой отпечаток на процесс социализации, формируя определенные ролевые установки и разграничивая социальные права и обязанности. Здесь имеет место гендерная стереотипизация, которая действует в целях социального «энергосбережения» и простоты. Такие установки включаются уже в детстве благодаря гендерным различиям в родительском воспитании. С. Л. Бем отмечает: «Для социологов и антропологов анализ социализации начинается не с отдельного ребенка или отдельной социализирующей фигуры, а на уровне общей потребности социума готовить каждое следующее поколение молодых людей к тому, чтобы каждый из них занял нужное место в общественном устройстве. Так как социальная структура повсеместно базируется на гендерном разделении труда, эта подготовка должна включать в себя гендерно-дифференцированную “шлифовку” не только трудовых навыков, но также и психики» [Бем, 2004: 189]. Однако важность ранней социализации неукоснительна, ее факт подтверждается множественными кросс-культурными исследованиями, доказывающими наличие определенных подходов в воспитании, различающихся в зависимости от пола. Так называемые условия обучения и становятся главной причиной различий, точкой, где линии формирования определенных гендерных шаблонов расходятся. Для мальчиков и девочек отношения родителей, стиль их общения и ценностные установки, которые обращены к детям, являются ключевым фактором в их ранней социализации, предопределяющей дальнейшие линии поведения.

Таким образом, можно утверждать, что гендерная идентичность — это социально конструируемый феномен, который неизменно проходит по двум линиям — добровольной и принудительной. Человек не всегда непременно должен получить одобрение общества на то или иное действие, часто его выбор происходит индивидуально и автономно. Однако в большинстве случаев мы ограничены строгим надзором общества, которое следит за соблюдением общепринятых норм и принуждает к их выполнению.

Факт принуждения и обязательства подтверждается мыслью М. Киммел: «...социальные институты нашего мира — рабочее место, семья, школа, политика — также являются гендеризованными институтами. Именно в этих сферах доминантные определения усиливаются и репродуцируются, именно в этих сферах применяются дисциплинарные санкции к “отклоняющимся от нормы”. Мы становимся гендеризованными индивидами в гендерном обществе» [Киммел, 2006: 464]. Таким образом, школа — это один из главнейших этапов в непрерывном процессе гендерной социализации, на котором формируются гендерные роли. Образование обладает высокогендеризованным качеством, которое подчас блокирует возможность равенства, подтверждение тому — многочисленные исследования.

Исследования проблемы различий в освоении математики проводятся уже многие десятилетия. Так, начиная с 70-х гг. XX в. ученые фокусируются на выявлении различий между мальчиками и девочкам и поиске причин их возникновения: является ли причиной этого генетическая природа пола [Stanley, Benbow, 1980], развитость отдельных навыков, которые помогают усваивать математические знания [Maccoby, Jacklin, 1974] или готовность к экспериментированию [Hyde et al., 1990].

За последние десятилетия в научной литературе сформировался корпус исследований, которые все больше включают гендерный подход в изучение различий в освоении STEM-дисциплин. Гендерная асимметрия обобщается в работе Ю. Кси, М. Фанга и К. Шаумана, обсуждаются причины такой ситуации [Xie et al., 2015]. Л. Габей-Егози, Й. Шейвит, М. Йэш говорят о роли гендерных стереотипов и ролевых ожиданий: девочки считают себя непохожими на тех, кто работает в STEM-областях, в то время как мальчики не видят себя на месте тех, кто выбрал бы гуманитарные науки [Gabay-Egozi et al., 2015]. Это выступает причиной разного определения профессиональных направлений в качестве своей будущей профессии. С. Сеси и В. Уильямс также считают, что области науки не являются гендерно-нейтральными [Ceci, Williams, 2007: 199—210]. Это подталкивает мальчиков и девочек по-разному оценивать свои способности к освоению гуманитарных и технических дисциплин. Дж. Шелли полагает, что гендерные убеждения — один из важных феноменов, препятствующих гендерному равенству в различных областях профессиональной деятельности, и описывает ситуацию, подтверждающую то, что математика стала восприниматься обществом как «мужская» дисциплина [Shelley, 2001].

В формировании жизненных и профессиональных стратегий школьников важную роль играют «значимые другие»: родители, учителя, атмосфера в школе, ровесники. В статье Л. Габей-Егози, Й. Шейвит, М. Йэш утверждается, что родители, сверстники и учителя конструируют у мальчиков и девочек в процессе взаимодействия определенные гендерные ожидания. После чего школьники усваивают эти ожидания, выдавая их через какое-то время за свои собственные. В исследованиях авторов этой статьи также оказалось значимым влияние учителя на образовательный процесс: преподаватели склонны относиться к мальчикам и девочкам по-разному. Они занижают успехи девочек в технических науках, ожидая от них высоких результатов в гуманитарных дисциплинах. Обратная тенденция прослеживается в отношении к мальчикам, чьи достижения приуменьшаются в гуманитарных науках, а в технических завышаются. Более

того, Л. Габей-Егози и его коллеги делают акцент еще на одном факторе: школьники, обращаясь к друзьям своего пола за советом, осваивают то поведение, которое характерно для их гендерной категории [Gabay-Egozi et al., 2015]. С. Сеси и В. Уильямс также показали, что родители, учителя и сверстники играют важную роль в ориентированности школьников на STEM-дисциплины. Они отмечают, что мужчины предпочитают работу, связанную с дальнейшим успехом, а женщины склонны выбирать такую профессиональную деятельность, существенной частью которой являются взаимодействия с другими людьми [Ceci, Williams, 2007: 199—210]. А. Макдэниел утверждал, что карьерные ожидания подростков объясняют наличие гендерной сегрегации в выборе специальностей в университете и в предпочтении той или иной профессии уже во взрослой жизни [McDaniel, 2016].

Российский контекст формирования мотивации девочек и женщин к выбору технических наук в качестве профессионального пути раскрыт в работах таких авторов, как Ю. В. Кузьмина [Kuzmina, 2016], М. М. Малышева [Малышева, 2016], Е. А. Михайлова [Михайлова, 2016], О. Б. Савинская [Савинская, 2016], О. А. Хасбулатова [Хасбулатова, 2016], И. Е. Калабихина [Калабихина, 2017], Е. А. Савостина и И. Н. Смирнова [Савостина и др., 2017]. Они изучают проблему асимметрии в образовании и занятости мужчин и женщин в STEM-сфере и говорят о необходимости создания специальных механизмов в политиках образования и занятости, чтобы добиваться равных возможностей в выборе жизненного пути.

В последние годы специалисты видят причины гендерно-различающейся социализации школьников в скрытом учебном плане. Это комплексное понятие было введено в научный оборот еще Ф. Джексонном, рассматривавшим его широко, без соотнесения с гендерными различиями обучающихся. В российских общественных науках на данное понятие внимание было обращено в начале 2000-х гг. Так, Е. Р. Ярская-Смирнова употребляет понятие «скрытый учебный план» в контексте гендерного неравенства, обозначая его как «метакоммуникацию... посредством которой осуществляется социальный контроль». И добавляет: «Скрытый учебный план — это, во-первых, организация самого учреждения, включая гендерные отношения на работе, гендерную стратификацию учительской профессии. Во-вторых, сюда относится содержание предметов, а в-третьих, стиль преподавания. Эти три измерения скрытого учебного плана не просто отражают гендерные стереотипы, но и поддерживают гендерное неравенство» [Ярская-Смирнова, 2000: 295]. Анализу учебников и других методических пособий для средней школы были посвящены работы Л. В. Штылевой [Штылева, 2000, 2005]. Влияние учительского сообщества и содержания учебников на социализацию девочек и мальчиков отмечали Х. Форгасз, Г. Ледер и П. Клостерман [Forgasz et al., 2004]. Разрабатываются также методики преодоления гендерной стереотипизации, заложенной в традиционном обучении [Morrell, Parker, 2013].

Методология и метод

В данном исследовании изучались мнения школьников 5, 8 и 11-х классов г. Москва и г. Губкин (Белгородская обл.). Это тот жизненный этап, когда мальчики и девочки начинают формировать свои социальные установки: рассуждать о будущей профессии, соотносить свой выбор с гендерными ожиданиями, связанными с той или иной сферой, и, наконец, оценивать свои навыки и способности,

необходимые для будущей работы. Изучение ситуаций в периферийном городе и мегаполисе позволяет выявить, насколько схоже или различно влияние социальной среды на жизненные ориентиры школьников.

Данные собирались методами онлайн-опроса и анкетирования. В опросе приняли участие 700 человек. После этого был проведен «ремонт» выборки, который состоял в выравнивании групп школьников по полу и классам случайным образом. На конечном этапе она включила в себя 438 человек, из которых 46 % составляли мальчики, 54 % — девочки. В итоговой выборке школьники равномерно распределились по трем классам — 156 человек в каждом классе.

Результаты

Перед учащимися стояла задача выбрать из представленных областей науки ту, которую они хотели бы изучать в дальнейшем. Результаты опроса показали, что приоритетные направления для мальчиков — это естественные и технические науки, отвечающие за STEM-дисциплины. Девочки своим выбором продемонстрировали противоположную тенденцию, планируя изучать искусства и гуманитарные науки. Различия в выборе оказались статистически значимыми. Только 35 % девочек предпочли STEM-дисциплины (технические и естественные), в то время как у мальчиков этот показатель был выше практически вдвое, (65 %). Мы намеренно опрашивали 5, 8 и 11-е классы, чтобы проследить динамику изменений в выборе школьников относительно их возраста. Однако девочки уже с 5-го класса не считают для себя STEM-сферу приоритетной, таких оказалось большинство — 64,9 % (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов школьников на вопрос
«Какую область науки ты хотел бы изучать в будущем?»,
% от всех ответивших (N = 438)**

Науки	Мальчики	Девочки
Технические	35,5	7,8
Естественные	28,9	27,3
Гуманитарные/общественные	21,7	37,6
Искусства	13,9	27,3

Оценивая свои способности, только 10 % девочек 11-го класса указали на высокую компетентность в математике, в то время как у мальчиков эта цифра достигает 38 %. Примечательна и противоположная динамика самооценки мальчиков и девочек: у девочек она падает с каждым последующим классом — с 17 % в 5-м классе до 10 % в 11-м, а у мальчиков, напротив, растет — с 20 % в 5-м классе до 38 % в 11-м (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как ты оцениваешь свои успехи в математике (алгебре)?», % (N = 438)

Класс	Самооценка по математике	Мальчики	Девочки
5-й	Очень высоко	22,4	17,6
	Скорее высоко	49,3	63,5
	Скорее низко	25,3	16,5
	Очень низко	3,0	2,4
	<i>Всего</i>	100,0	100,0
8-й	Очень высоко	23,2	14,1
	Скорее высоко	53,6	52,9
	Скорее низко	13,0	22,4
	Очень низко	10,2	10,6
	<i>Всего</i>	100,0	100,0
11-й	Очень высоко	33,8	14,9
	Скорее высоко	57,4	55,2
	Скорее низко	4,4	20,7
	Очень низко	4,4	9,2
	<i>Всего</i>	100,0	100,0

Интересным наблюдением стало то, что у девочек оценка своих способностей совершенно не коррелирует с их реальными успехами — оценкой, которую им поставили по математике за последнюю четверть. Девочки в 5-м классе имеют более высокие оценки по математике, что же касается 8-го и 11-го классов, то здесь успеваемость мальчиков и девочек одинаковая: различия оказались статистически незначимы. Таким образом, данный вопрос требует особого внимания, необходимо выявление причин, которые приводят к неоправданной и снижающейся год от года самооценке девочек (табл. 3).

Кроме того, отмечая противоречие между хорошей успеваемостью девочек по математике и их низкой самооценкой, следует подчеркнуть, что эта тенденция проявилась как в Москве, так и в Губкине: статистически значимых различий обнаружено не было.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какая оценка по математике/алгебре была у тебя итоговой за последнюю четверть?», % (N = 438)

Класс	Оценка	Мальчики	Девочки
5-й	3	19,7	8,3
	4	56,4	58,8
	5	23,9	32,9
	<i>Всего</i>	100,0	100,0
8-й	3	23,9	19,8
	4	59,2	52,3
	5	16,9	27,9
	<i>Всего</i>	100,0	100,0
11-й	3	17,8	8,0
	4	54,8	40,9
	5	27,4	51,1
	<i>Всего</i>	100,0	100,0

Выявив существующее неравное распределение мальчиков и девочек в выборе STEM-дисциплин, мы посчитали необходимым установить, что сильнее всего влияет на это смещение. С помощью бинарной логистической регрессии удалось обнаружить: одной из причин, негативно влияющих на выбор STEM-дисциплин в качестве направления для изучения, является низкая оценка своих способностей к данным дисциплинам. В нашем случае школьникам предлагалось оценить свои способности к математике по четырехбалльной шкале. Так, мы выявили, что если девочки оценивают свои знания невысоко, то в 73 % случаев они не выбирают STEM-дисциплины, при этом оценка учителя не оказывает статистически значимого влияния на профессиональный выбор.

Сделанный вначале теоретический обзор продемонстрировал комплексность феноменов, оказывающих влияние на предварительный профессиональный выбор. Решение о будущем карьерном направлении в большинстве случаев обусловлено не одним автономным предиктором, а их совокупностью. В связи с чем результаты, полученные с помощью бинарной логистической регрессии на главных эффектах (т. е. при обращении к предикторам в их исходном виде, без учета сочетаний их категорий), недостаточны для детального погружения в изучаемую проблему. Поэтому было принято решение построить регрессионную модель с эффектами взаимодействия — с сочетаниями категорий предикторов, что позволило сделать интерпретацию более глубокой и содержательной.

Оказалось, что *девочки не выбирают STEM*, если они обучаются в классе социально-экономического профиля, при этом они не получают помощи в изучении математики от своих родителей, при этом в их школе выражена гендерно-ориентированная организация учебной жизни¹. Также *девочки не выбирают STEM*, если они обучаются в классе гуманитарного профиля, при этом они не посещают репетитора по школьным предметам, при этом гендерно-ориентированная организация учебной жизни в их школе является выраженной и при этом их учитель математики характеризуется авторитарным стилем преподавания². Так, выяснилось, что профиль класса обучения и гендерно-ориентированная организация учебной жизни (разделение на уроках труда девочек и мальчиков и предоставление им заданий, подчеркивающих их гендерные роли) оказывают наряду с другими факторами значимое влияние на невыбор STEM-дисциплин школьницами в обоих представленных случаях.

Важно также рассмотреть, в каком случае девочки отдают предпочтение STEM-дисциплинам. *Школьницы выбирают STEM*, если они обучаются в классе без профиля, при этом оценивают уровень своих знаний по математике как очень высокий («Я схватываю новые знания в математике лучше, чем мои

---

¹ Переменная была получена с помощью метода главных компонент на предыдущих этапах анализа. В этом факторе основной акцент делается на содержании школьных уроков. К примеру, на уроках труда мальчикам и девочкам предлагается выполнение заданий, напрямую отражающих их гендерные различия.

² Переменная была получена с помощью метода главных компонент на предыдущих этапах анализа. Этот фактор характеризует учителя математики, который при преподавании ориентирован на свои убеждения, в том числе и гендерные. Он субъективен, чаще всего не поощряет положительных качеств учеников, акцентирует внимание на отрицательных качествах.

одноклассники)), при этом они получают помощь от родителей в выполнении домашнего задания по математике, при этом они считают математику «женской» дисциплиной и при этом, по их оценке, гендерно-направленная организация учебной жизни в школе слабо выражена (отсутствует разделение на уроках труда девочек и мальчиков).

Полученные категории в эффектах взаимодействия не могут быть рассмотрены вне заданного контекста. Это значит, что гендерно-направленная организация учебной жизни сама по себе не оказывает достаточного влияния на выбор или невыбор STEM-дисциплин. Однако в сочетании с остальными категориями переменных ее влияние на выбор STEM-дисциплин достаточное.

По результатам проведенной бинарной логистической регрессии оказалось, что профиль класса, помощь со стороны родителей в изучении математики, существующие гендерные убеждения, оценка своих способностей к данной дисциплине, стиль преподавания учителя математики и гендерно-ориентированная организация учебной жизни при определенных сочетаниях становятся условиями выбора или невыбора STEM-дисциплин в качестве своей дальнейшей профессиональной траектории. Причем последние две переменные отвечают за концепт «скрытый учебный план», что свидетельствует о непосредственном участии школы в конструировании у учеников «мужских» и «женских» ценностных ориентиров и форм поведения. Это с большой вероятностью демонстрирует девочкам: их жизненный путь отличен от мужского, что не может не повлиять и на их профессиональный выбор.

Одним из решений выявленного противоречия между реальными достижениями девочек в освоении математики, их субъективной оценкой и выбором дальнейшего профессионального пути является изучение скрытого учебного плана, который аккумулирует в себе гендерные стереотипы и гендеризованные практики в школьной жизни детей от 5-го до 11-го класса.

На наш взгляд, разработка комплексного понятия «скрытый учебный план» — непростая задача, поскольку практики внеклассной деятельности в разных школах существенно различаются. Тем не менее мы выделили общее в них и оценили, как складывается поведение детей на переменах, в кружках и на творческих занятиях, при выполнении домашней работы и общении после школы, на уроках, экскурсиях, субботниках, в процессе другой волонтерской деятельности на благо своей школы и т. д. В отличие от анализа проявлений скрытого учебного плана на страницах учебников и методических пособий [Штылева, 2000], мы обратились к практикам школьной и внешкольной деятельности, что оказалось более удобным для их измерения методом опроса. В целях изучения различных аспектов скрытого учебного плана было разработано 28 суждений, по отношению к которым опрошенные школьники выразили уровень своего согласия по пятибалльной шкале. Фрагментарно суждения представлены в табл. 4. На основании собранных данных по суждениям при помощи категориального факторного анализа были выявлены три фактора, формирующие скрытый учебный план.

Первый фактор характеризуется организацией учебной жизни в школе и обучающими программами, предопределяющими деятельность учителей. В качестве примера можно привести раздельное обучение по предмету «Труд»,

или «Технология», разделение на группы на уроках физкультуры. Вторая ветвь отвечает за организацию внеучебной жизни школьников — субботников и праздничных мероприятий, на которых мальчиков и девочек разделяют, давая каждой группе разное задание. К примеру, девочки должны украшать кабинет, а мальчики расставлять стулья. И наконец, третьей ветвью стала агрессия со стороны гендерной группы. Здесь девочки и мальчики признают, что если они не будут следовать правилам, относящимся к их гендерной группе, то, по всей вероятности, столкнутся с насмешками со стороны школьников противоположного пола. Взаимосвязь факторов с отдельными суждениями частично представлена в табл. 4.

Таблица 4

**Матрица компонент трех факторов, формирующих скрытый учебный план
(фрагмент суждений, представленных в анкете)**

Суждение	Компоненты факторов		
	1	2	3
В нашей школе на уроках труда мальчиков и девочек делят на разные группы	0,649	-0,432	-0,477
В нашей школе на уроках труда девочки и мальчики выполняют разные задания	0,669	-0,413	-0,456
Если я не справляюсь с каким-нибудь заданием, то мальчики-одноклассники могут меня засмеять	0,201	-0,343	0,608
Я иногда ограничиваю себя в действиях, чтобы девочки-одноклассницы не смеялись надо мной	0,458	0,032	0,646
Я иногда ограничиваю себя в действиях, чтобы мальчики-одноклассники не смеялись надо мной	0,483	-0,153	0,542
Во время субботников мальчики выполняют физически тяжелый труд в отличие от девочек	0,393	0,574	0,051
Во время школьной практики девочки чаще выполняют уборку, а деятельность мальчиков связана с тяжелой физической нагрузкой	0,313	0,615	-0,249
Во время подготовки зала к мероприятию девочки чаще занимаются его украшением, а мальчики помогают перемещать стулья и парты	0,456	0,604	-0,016

Для более детальной интерпретации обратимся к рисунку. Здесь мы наблюдаем, что самым ярко выраженным фактором, с которым согласились большинство школьников, является гендерно-направленная организация учебной жизни. Остальные два фактора проявлены в жизни учащихся в меньшей степени.

Степень выраженности трех факторов

Полученные три фактора демонстрируют нам, что школа принимает непосредственное участие в конструировании у школьников «мужских» и «женских» ценностных ориентиров и форм поведения. Вероятно, большинство девочек понимают, что их жизненный путь отличен от мужского, и это влияет на их профессиональный выбор.

Описанный опыт разработки и измерения понятия «скрытый учебный план» можно считать новаторским. Эти исследования позволяют нам найти те реперные точки, в которых необходимо менять образовательные практики, разрабатывать новые методики преподавания предметов, так же как и методики воспитательной работы в школе, которые бы стимулировали девочек не снижать самооценку, в том числе и в случае высокой успеваемости по математике и другим точным наукам. Ярким примером проблематизации устоявшихся практик разработки и применения обучающих программ для школы стало обращение внимания на отдельные уроки труда [Савостина и др., 2017], где девочки обучаются обслуживающему низкостатусному труду (приготовление пищи, кройка и шитье), а мальчики осваивают информационные технологии.

Дискуссия

Представленное исследование подтвердило, что гендерные установки и стереотипы, присущие повседневной школьной жизни, сужают возможности выбора направленности обучения и профессии и для девочек и для мальчиков, если он не вписывается в «фарватер» нормативных представлений, бытующих в обществе и зафиксированных в образовательной программе. Для снижения формирующегося со школьных лет гендерного неравенства в выборе профессии и профессиональной карьеры необходимо создавать специальные педагогические методики. Так, например, С. Моррел и С. Паркер разработали методику микросообщений, которая изменяет стилистику общения с девочками, повышая их мотивацию к освоению STEM-дисциплин [Morrell, Parker, 2013]. Методика

еще проходит испытание жизнью, однако подобного рода инициативы важны для появления устойчивого опыта решения проблемы.

Исследование показывает, что задачи политики занятости по выравниванию шансов женщин и мужчин сделать карьеру в технических профессиях следует решать начиная со школьной профориентации. И эта профориентация должна быть не просто итоговым скринингом уже развитых способностей и потенциальным профессиональным выбором самого старшеклассника. Элементы профориентации необходимо закладывать в методики системного поощрения и мотивации девочек и мальчиков, выравнивания их самооценки собственных достижений.

Предложенное исследование развивает, но не закрывает тему гендерного равенства в освоении технических наук. Так, в данной работе акцент был сделан на достижениях мальчиков и девочек в освоении математики. В последующих исследованиях было бы верным расширить поле изучения, вместе с тем подробнее рассмотреть, как формируются программы и чем обосновывается разделение видов деятельности для мальчиков и девочек на уроках труда. Нам представляется важным в будущем изучить роль поддержки родителей, и в частности матери, при формировании у мальчиков и девочек субъективной оценки своих достижений.

Библиографический список

- Бем С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Валдай-96: материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. М.: Моск. центр гендер. исслед., 1997. С. 84—89.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 171—182.
- Калабихина И. Е.* Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 5—16.
- Киммел М.* Гендерное общество / пер. с англ. под ред. О. Оберемко, И. Тартаковской. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
- Мальшева М. М.* Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // Народонаселение. 2016. № 3. С. 76—85.
- Михайлова Е. А.* Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 25—38.
- Савинская О. Б.* Гендерное равенство в STEM-программах дошкольного образования как фактор успешного технологического развития России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 16—24.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.* STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 34—44.
- Хасбулатова О. А.* Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.

- Штылева Л. В.* Педагогика и гендер: развитие гендерного подхода в образовании // *Женщина в российском обществе*. 2000. № 3. С. 61—66.
- Штылева Л. В.* Гендерный подход в образовании: проблемы разработки и институционализации // *Мир образования*. 2005. № 1. С. 86—97.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // *Гендерные исследования*. 2000. № 5. С. 295—301.
- Ceci S., Williams W.* Why Aren't More Women in Science?: Top Researchers Debate the Evidence. Washington (DC): American Psychological Association, 2007. 254 p.
- Forgasz H., Leder G., Kloosterman P.* New perspectives on the gender stereotyping of mathematics // *Mathematical Thinking and Learning*. 2004. Vol. 6, № 5. P. 389—420.
- Gabay-Egozi L., Shavit Y., Yaish M.* Gender differences in fields of study: the role of significant others and rational choice motivations // *European Sociological Review*. 2015. Vol. 3, № 31. P. 284—297.
- Hyde J., Fennema E., Lamon S.* Gender differences in mathematics performance // *Psychological Bulletin*. 1990. № 107. P. 139—155.
- Kuzmina Y.* Can teacher practices reduce the gender gap in mathematics interest for students with different achievements? // *HSE Working Papers. Ser.: Education*. 2016. URL: <https://www.researchgate.net/publication/307932285> (дата обращения: 22.10.2017).
- Maccoby E., Jacklin C.* The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974. 238 p.
- McDaniel A.* The role of cultural contexts in explaining cross-national gender gaps in STEM expectations // *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32, № 1. P. 122—133.
- Morrell C., Parker C.* Adjusting micromessages to improve equity in STEM // *Diversity & Democracy*. 2013. Vol. 16, № 2. URL: http://www.aacu.org/diversityDemocracy/vol16no2/morrell_parker.cfm (дата обращения: 22.10.2017).
- Shelley J.* Gender and the career choice process: the role of biased self-assessments // *American Journal of Sociology*. 2001. Vol. 106, № 6. P. 1691—1730.
- Short Changing Girls, Short Changing America. Washington (DC): American Association of University Women, 1991. URL: <https://www.aauw.org/files/2013/02/shortchanging-girls-shortchanging-america-executive-summary.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).
- Stanley J., Benbow C.* Sex differences in mathematical ability: fact or artifact? // *Science*. 1980. Vol. 210, iss. 4475. P. 1262—1264.
- Xie Y., Fang M., Shauman K.* STEM education // *Annual Review of Sociology*. 2015. № 41. P. 331—357.

References

- Bem, S. (2004) *Linzy genera: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [Lens of gender: Transformation of views on the problem of gender inequality], Moscow: ROSSPEN.
- Ceci, S., Williams, W. (2007) *Why Aren't More Women in Science?: Top Researchers Debate the Evidence*, Washington, DC: American Psychological Association.
- Forgasz, H., Leder, G., Kloosterman, P. (2004) New perspectives on the gender stereotyping of mathematics, *Mathematical Thinking and Learning*, vol. 6, no. 5, pp. 389—420.
- Gabay-Egozi, L., Shavit, Y., Yaish, M. (2015) Gender differences in fields of study: the role of significant others and rational choice motivations, *European Sociological Review*, vol. 3, № 31, pp. 284—297.
- Hyde, J., Fennema, E., Lamon, S. (1990) Gender differences in mathematics performance, *Psychological Bulletin*, no. 107, pp. 139—155.

- Iarskaia-Smirnova, E. R. (2000) Gendernoe neravenstvo v obrazovanii: poniatie skrytogo uchebnogo plana [Gender disparity in education: the concept of a hidden curriculum], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 295—301.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Novye podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring women's representation in STEM-education and STEM-employment in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—16.
- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of the development of STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Kimmel, M. (2006) *Gendernoe obshchestvo*, Moscow: ROSSPĖN.
- Kuzmina, Y. (2016) Can teacher practices reduce the gender gap in mathematics interest for students with different achievements?, *HSE Working Papers*, ser. Education, available from <https://www.researchgate.net/publication/307932285> (accessed 22.10.2017).
- Maccoby, E., Jacklin, C. (1974) *The Psychology of Sex Differences*, Stanford: Stanford University Press.
- Malysheva, M. M. (2016) Estestvennye i tekhnicheskie nauki dlia zhenshchin v XXI veke [Natural and technical sciences for women in the XXI century], *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 76—85.
- McDaniel, A. (2016) The role of cultural contexts in explaining cross-national gender gaps in STEM expectations, *European Sociological Review*, vol. 32, no. 1, pp. 122—133.
- Mikhailova, E. A. (2016) Realizatsiia professional'nogo potentsiala rossiiskikh zhenshchin: sotsiologicheskoe izmerenie [Realizing the professional potential of Russian women: the sociological dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 25—38.
- Morrell, C., Parker, C. (2013) Adjusting micro messages to improve equity in STEM, *Diversity & Democracy*, vol. 16, no. 2, available from http://www.aacu.org/diversityDemocracy/vol16no2/morrell_parker.cfm (accessed 22.10.2017).
- Savinskaia, O. B. (2016) Gendernoe ravenstvo v STEM-programmakh doshkol'nogo obrazovaniia kak faktor uspeshnogo tekhnologicheskogo razvitiia Rossii [Gender equality in the early STEM-education as a factor of Russia's successful technological development], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 16—24.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodězhi: (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories of youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 34—44.
- Shelley, J. (2001) Gender and the career choice process: the role of biased self-assessments, *American Journal of Sociology*, vol. 106, no. 6, pp. 1691—1730.
- Short Changing Girls, Short Changing America* (1991), Washington, DC: American Association of University Women, available from <https://www.aauw.org/files/2013/02/shortchanging-girls-shortchanging-america-executive-summary.pdf> (accessed 22.10.2017).
- Shtyleva, L. V. (2000) Pedagogika i gender: razvitie gendernogo podkhoda v obrazovanii [Pedagogy and gender: development of the gender approach in education], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 61—66.
- Shtyleva, L. V. (2005) Gendernyi podkhod v obrazovanii: problemy razrabotki i institutsionalizatsii [Gender approach in education: problems of development and institutionalization], *Mir obrazovaniia*, no. 1, pp. 86—97.
- Stanley, J., Benbow, C. (1980) Sex differences in mathematical ability: fact or artifact?, *Science*, vol. 210, iss. 4475, pp. 1262—1264.
- Xie, Y., Fang, M., Shauman, K. (2015) STEM education, *Annual Review of Sociology*, no. 41, pp. 331—357.

- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (1997) Sotsial'naia konstruktsiia gendera i gendernaia sistema v Rossii [The social construction of gender and the gender system in Russia], in: Valdai-96: Materialy Pervoi Rossiiskoi letnei shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniiam, Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, pp. 84—89.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (1998) Sotsial'noe konstruirovaniie gendera kak feministkaia teoriia [Social construction of gender as a feminist theory], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3—4, pp. 171—182.

Статья поступила 12.04.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Савинская Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Мхитарян Тамара Арменовна — студентка бакалавриата программы «Социология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, mkhitaryan.tamara@gmail.com (student of “Sociology” BA program, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 49—66
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.5

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 49—66
ББК 74.660.1
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.5

ГЕНДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ОРИЕНТАЦИИ ДЕВОЧЕК НА STEM-ОБРАЗОВАНИЕ И STEM-ПРОФЕССИИ

Л. В. Штылева

Институт изучения детства, семьи и воспитания,
Российская академия образования, г. Москва, Россия, many-ny@rambler.ru

Рассматривается гендерный аспект педагогических взглядов современных учителей и воспитателей ДОУ как важный фактор социализации девочек и девушек, ориентации их на традиционные или технологические сферы труда и профессии, гуманитарные или естественно-научные и математические дисциплины школьного образования. Сравнительный анализ результатов авторских исследований 2000—2001 и 2017 гг. подтвердил несоответствие гендерного компонента мировоззрения педагогов социокультурным вызовам современности. Установлено, что педагогические идеалы маскулинности и фемининности, а также представления педагогов о гендерном разделении сфер профессиональной самореализации женщин и мужчин за 16 лет не претерпели существенных изменений и являются препятствием на пути вовлечения женской молодежи в STEM-образование, ориентации школьниц на STEM-профессии. Сформулированы предложения в адрес педагогической науки и высшей школы, направленные на модернизацию гендерного компонента педагогической культуры школьного образования, приведение ее в соответствие с вызовами информационного общества.

Ключевые слова: педагогическая культура, гендерный компонент, социально-педагогические идеалы, STEM-образование, STEM-профессии.

© Штылева Л. В., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-013-01207 «Гендерные трансформации в ментальности учащейся молодежи российских мегаполисов и провинции».

GENDER COMPONENT OF PEDAGOGICAL CULTURE AND THE PROBLEM OF ORIENTATION OF GIRLS AT STEM-EDUCATION AND STEM-PROFESSIONS

L. V. Shtylyova

Institute for Study of Childhood, Family and Education, Russian Academy of Education,
Moscow, Russian Federation, many-ny@rambler.ru

The article deals with the views of pre-school educational institution staff on gender issues. This is considered to be a major factor of girls socialization, orienting them towards mostly traditionally feminine professions or those known as STEM ones. The choice is basically between professions associated with humanities and those associated with sciences. The comparative analysis of the research conducted in 2000—2001 and 2017 showed that teachers views on gender aspect of education have not undergone substantial changes and could be viewed as a factor that hinders girls involvement in STEM-education. The author suggests some ideas which could be made use of by teachers in order to create a more balanced situation between information oriented society and gender aspect of education.

Key words: pedagogical culture, gender component, social and pedagogical ideals, STEM-education, STEM-professions.

Постановка проблемы

Проблемы ориентации современных старшеклассниц на наукоемкие инженерно-технические сферы, привлечения школьниц к более активным занятиям математикой и информатикой в последнее время поднимаются в научных трудах о STEM-образовании и STEM-занятости молодого поколения (И. Е. Калабихина, Е. В. Креховец, Л. А. Леонова, М. М. Малышева, О. Б. Савинская, Е. А. Савостина, И. Н. Смирнова, О. А. Хасбулатова и др.). Социологи обращают внимание на тенденции рынка труда и указывают стратегические направления изменений, которые следует учитывать в общем и профессиональном образовании. Исследования в области гендерной и педагогической психологии выявляют, кто и как влияет на формирование профессиональных интересов и жизненных стратегий молодого поколения, какое влияние оказывают на образовательные и профессиональные стратегии учащейся молодежи гендерные стереотипы общественного сознания и как в современном образовании формируются специфические гендерные фобии. Результат этих фобий, по мнению ученых, проявляется в слабом интересе девочек к математике и информатике, к техническому конструированию и работе с современными технологиями (И. С. Клецина, О. И. Ключко, Л. В. Попова, Л. Э. Семенова, В. Э. Семенова, А. Г. Тулегенова и др.). В итоге, по заключению исследователей, девочки гораздо реже, чем могли бы, рассматривают работу в высокотехнологичных областях в качестве своего желаемого будущего, между тем как «...женщинам в IT работается комфортнее, и они гораздо больше удовлетворены условиями труда, оплатой, коллективом» [Яковлева, 2018]. Иначе говоря, наблюдаются существенные различия между мужчинами и женщинами в получении пользы (выгоды) от образования, когда женщины, несмотря на успехи в школе и вузе, гораздо меньше, чем мужчины, представлены в самых технологичных и высоко оплачиваемых отраслях экономики.

В современной социологии такое положение именуют гендерным разрывом. *Обсуждаемая в данной статье проблема — причины и факторы формирования гендерного разрыва в STEM-образовании и STEM-занятости.*

Авторы большинства публикаций по гендерным аспектам STEM-образования и занятости женской молодежи в высокотехнологичных отраслях апеллируют непосредственно к *школьному образованию*, видя в нем одновременно и источник проблемы, и стратегический ресурс ее решения. Между тем в недавно опубликованном исследовании Е. А. Савостиной, И. Н. Смирновой, О. А. Хасбулатовой указывается на снижение значимости современной школы и учительства в профессиональной ориентации молодежи: «Оценивая роль школы в выборе профессии, старшеклассники обоего пола отвели учителям 10-е место, а урокам технологии — последнее, 16-е место» [Савостина и др., 2017: 38]. На наш взгляд, в этом нет противоречия, так как коренным образом изменились условия и жизни, и профориентации школьников. С одной стороны, школа перестала быть ключевым драйвером профориентации. Канули в прошлое отлаженная система экскурсий на предприятия, производственная практика на шефствующих предприятиях, традиционные встречи с передовиками и представителями разных профессий и т. п. Одновременно изменился характер и спектр профессий, часть которых кардинально модернизировалась, а часть — исчезла, появились новые профессии. С другой стороны, с возникновением Интернета беспрецедентно расширился доступ молодежи к информации о различных сферах труда и профессиях, в том числе и новых. Многократно выросло влияние массмедиа, обусловленное увеличением количества программ и круглосуточным вещанием TV.

Роль школы и учителя в изменившихся условиях не уменьшилась, а усложнилась и возросла. В условиях перехода к постиндустриализму важнейшая задача педагога, и как предметника, и как воспитателя, помочь каждому ребенку, независимо от половой принадлежности, осознать свою индивидуальность, склонности и потребности, чтобы в соответствии с ними и вызовами времени выбрать образовательный маршрут, ориентированный в будущее. Этой задаче подчинена, в частности, стратегия вариативности школьных программ и учебников, методология и логика контрольно-измерительных инструментов и технологий ЕГЭ и ИГА, где вариативность уровней сложности контрольно-испытательных заданий и задач коррелируется с последующим выбором сферы и уровня профобразования.

С точки зрения гендерного подхода к образованию следует обратить внимание на социально-педагогические факторы, которые обуславливают *специфику гендерной «маршрутизации» познавательных интересов и профориентации школьников и школьниц.*

В 1990-х в исследовании Л. В. Поповой на примере учащихся специализированных московских школ было показано, что даже высокоразвитые способности не являются гарантией будущих успехов девочек. У одаренных школьниц подростковый возраст выступает одним из критических периодов, на который приходятся резкие изменения в сферах интересов, в отношении к учебе, в восприятии будущего. Как выяснилось, несмотря на высокие способности и перспективы учиться в наиболее престижных вузах страны, девочек отличала

склонность к выбору профессий, более низких по социально-экономическому статусу (оператор ЭВМ, но не программист), имеющих исполнительский или обслуживающий характер (секретарь-референт), они чаще, чем мальчики, видели трудности, стоящие на их профессиональном пути [Попова, 1996]. Заниженная самооценка одаренных девочек обуславливалась влиянием ряда факторов школьной среды, среди которых сексизм отечественных школьных учебников, стереотип о невозможности совмещения женщиной успешной профессиональной деятельности и счастливой семейной жизни, полоролевые стереотипы учителей, воспроизводящих патриархатные взгляды на жесткое разграничение функций полов и порождающих внутренние конфликты у талантливых учениц. В заключение отмечалось, что под влиянием полоролевых стереотипов девочки с ярко выраженными способностями не выделяют активную, деятельную жизнь, уверенность в себе, высокие притязания и образованность в качестве ценностей, обеспечивающих самореализацию. Ориентированность девочек на обслуживание семьи в определенной степени предопределяет их будущий заниженный статус [там же]. Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что в исследовании 1996 г. речь шла о влиянии гендерного компонента педагогической культуры на формирование жизненных стратегий одаренных школьников и школьниц.

Цель данной статьи — рассмотреть современное состояние *гендерного компонента педагогической культуры*, под которым подразумевается совокупность педагогических явлений, репрезентирующих отражение гендерных характеристик в социально-педагогическом идеале, институте и процессе образования, непосредственно в ежедневной практике обучения и воспитания мальчиков и девочек как будущих мужчин и женщин.

Важнейшим элементом гендерного компонента педагогической культуры, как показали наши исследования, являются *гендерные представления и идеалы педагогов*, положенные в основу социально-педагогических идеалов воспитания мальчиков и девочек и специфики педагогического взаимодействия учителя с учащимися женского и мужского пола. Наш многолетний опыт гендерного образования педагогов показал, что если учитель обладает гендерной компетентностью и поддерживает идеи гендерного равенства, то он в состоянии компенсировать гендерно-асимметричный контекст окружающей среды (в рамках своего общения с классом на уроке и во внеклассной деятельности и т. д.), вовлечь учащихся в гендерное просвещение и самообразование, создать на уроке и во внеклассной работе гендерно-чувствительную среду и, таким образом, содействовать самоактуализации творческого потенциала каждого учащегося независимо от половой принадлежности.

Методология и методика исследования

В исследованиях гендерного аспекта педагогической культуры мы исходим из убеждения, что гендерные представления учителей и воспитателей ДОО обуславливают их дифференцированный подход к обучению и воспитанию мальчиков и девочек в рамках как совместного, так и отдельного образования. В основу методологии исследования положены гендерный подход и анализ. Согласно гендерному подходу, мальчикам и девочкам в образовании должны быть созданы

равные условия для раскрытия их способностей и задатков, для чего в случае гендерного разрыва должны приниматься меры, способствующие выравниванию условий. Гендерный анализ исходит из того, что различия в поведении мужчин и женщин (мальчиков и девочек) обуславливаются скорее социокультурными нормами, нежели физиологическими или биологическими особенностями полов.

Исследования 1990-х — начала 2000-х гг. показали, что российские педагоги подразделяли школьные дисциплины и занятия на «женские» и «мужские»: как правило, относили математику, физику и информатику, работу с техникой и инструментами к сфере, предпочтительной для мальчиков, а девочек ориентировали на гуманитарные дисциплины и обслуживающие сферы труда (О. А. Воронина, Н. В. Осетрова, Л. В. Попова, А. В. Смирнова и др.). При этом учителя необоснованно приписывали мальчикам априори более высокий уровень способностей к математике, физике и информатике и не ожидали проявления способностей к этим предметам у девочек, не мотивировали их к углубленным занятиям естественно-математическими дисциплинами. По данным исследований психологов (напр., Л. В. Поповой), педагоги объясняли разными причинами успехи и неудачи мальчиков и девочек в образовании. Успехи мальчиков — одаренностью, а неудачи — разгильдяйством и ленью. Успехи девочек интерпретировались исключительно как результат упорства, трудолюбия и усидчивости, а неудачи — как естественное следствие более низкого уровня способностей. Незаинтересованность учителей в ориентации девочек на математические и естественно-научные дисциплины, как показали исследования, была обусловлена их собственными представлениями о различиях между женским и мужским предназначением, между женским и мужским трудом. В неформальном общении педагогами неоднократно высказывалась точка зрения, что «мальчики станут мужчинами и им придется овладеть “серьезной” профессией, чтобы “кормить семью”, а девочки “родят и математику забудут”». По мнению ученых, именно «...вера в то, что есть “мужские” и “женские” профессии» — наиболее вредоносный гендерный стереотип, который «...негативно сказывается как на мужчинах, так и на женщинах» [Яковлева, 2018]. Таким образом, при активном участии педагогов в школьном (и не только) образовании длительное время поддерживаются фактически неравные условия для самоактуализации и развития личностного потенциала мальчиков и девочек.

На наш взгляд, основной причиной приверженности российских педагогов традиционной парадигме в воспитании молодого поколения является отсутствие критической рефлексии психолого-педагогической сущности и социальных последствий стихийного полоролевого подхода, укорененного в практиках школьного и дошкольного образования. В современных условиях в его основе лежит гендерная необразованность учителей и педагогов ДОУ, недостаточная разработанность в отечественной педагогике внятной теории гендерного компонента педагогической культуры и образования.

С целью изучения ключевой составляющей гендерного компонента педагогической культуры — гендерных представлений педагогов — было проведено два исследования по единой методике с интервалом в 16 лет.

Первое исследование проведено нами в 2000—2001 гг. среди педагогов г. Мурманска и Мурманской области, слушателей факультета повышения

квалификации руководителей образования Мурманского государственного педагогического университета. В качестве генеральной совокупности выступили педагоги ДОУ и средних школ, руководители образовательных учреждений, которые обучались в тот период гендерному подходу к образованию на курсах ФПК и участвовали в образовательно-исследовательских проектах по дошкольному и школьному образованию (2000—2001 гг.). Объем исследовательской выборки — 166 респондентов, 164 из которых — лица женского пола. Все участники исследования имели высшее педагогическое образование. Четверть всех опрошенных — педагоги дошкольного образования. Возраст респондентов — в интервале от 28 до 52 лет, педагогический стаж — от 5 до 25 лет.

Второе исследование проведено в феврале — апреле 2017 г. в Москве среди педагогов Московского кадетского корпуса — Пансиона воспитанниц Министерства обороны РФ (Пансион). В нем приняли участие 105 педагогов Пансиона (учителя-предметники, воспитатели и методисты, психологи), в том числе 2 мужчины. Возраст респондентов — в интервале от 24 до 55 лет. Все участники имели высшее педагогическое образование и стаж педагогической работы от 3 до 25 лет.

Сбор данных осуществлялся посредством письменного анкетирования респондентов по целевым модификациям опросника «Что я думаю о женском и мужском в образовании?» [Штылева, 2003], а также в результате анализа тематических эссе участников семинаров. Гендерные представления педагогов, исследуемые с помощью опросника, касались двух важных и связанных между собой аспектов гендерного образования: восприятия педагогами *гендерных различий между полами и гендерных идеалов воспитания молодого поколения*.

В частности, исследовалось восприятие педагогами следующих проблем: феномена различий между полами, гендерных различий в профессиональных ролях, причин (обусловленности) различий между мальчиками и девочками в обучении и воспитании. Одновременно изучались содержание гендерных идеалов работников образования, источники их представлений о различиях между мальчиками и девочками в образовании.

Обработка эмпирических данных исследования 2000—2001 гг. осуществлялась с помощью контент-анализа (все количество выборов в каждом вопросе взято за 100 %) и сравнительного анализа текстов. Обработка данных второго исследования (2017 г.) проводилась методами группировки и типологизации данных, ранжирования, сравнения средних чисел, частотного анализа и анализа соответствий.

Результаты исследования 2000—2001 гг.

Первый пункт опросника «Что значит быть настоящей женщиной или настоящим мужчиной? Какие женские и мужские качества ассоциируются у Вас с этими понятиями?» ориентирован на выявление представлений педагогов об идеалах маскулинности и фемининности, о сходствах и различиях в их характеристиках, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности женщин и мужчин. Респондентам было предложено продолжить неоконченные фразы («Быть настоящей женщиной означает быть...» и «Быть настоящим мужчиной означает быть...»), вписав по 5—6 «женских» и «мужских» качеств в соответствующие разделы таблицы.

В результате анализа полученных ответов было выявлено несколько сфер репрезентации женского и мужского, в которых, по мнению респондентов, наиболее заметны отличия, и сравнить их соотношение в идеальных образах женщин и мужчин (табл. 1). Сравнение характеристик репрезентации идеальной маскулинности и фемининности показало, что настоящая женщина, по мнению педагогов, должна в первую очередь быть матерью, хозяйкой и женой. При этом она должна уделять много внимания своей внешности (следить за собой, быть обаятельной, красивой, привлекательной, элегантной и т. д.), одновременно быть умной и мудрой, образованной и независимой. В отношениях с другими людьми у настоящей женщины должны преобладать такие качества, как доброта, нежность, любовь, ласка и терпение.

Настоящий мужчина, по оценкам педагогов, должен быть прежде всего умным, добрым, надежным, мужественным, порядочным и хорошим отцом. Образ идеального мужчины в представлениях женщин-педагогов — это образ высокоинтеллектуального семьянина, заботящегося о женщине, у которого на первом месте — интеллектуальная (профессиональная) сфера, а уже потом семья и все остальное (табл. 1).

Таблица 1

Идеалы маскулинности и фемининности

Быть настоящей женщиной это быть...	Количество выборов, %	Быть настоящим мужчиной это быть...	Количество выборов, %
<i>Внешность и манера поведения</i>			
Обаятельной	2,8	–	–
Красивой	1,6	–	–
Привлекательной	1,4	–	–
Элегантной	1,2	–	–
<i>Отношение к браку, семье, детям</i>			
Любящей (хорошей) матерью	5,6	Любящим (хорошим) отцом	4,1
Любящей (хорошей) женой	2,9	Умеющим материально обеспечить семью	3,4
Хозяйственной, домовитой	4,7	–	–
<i>Интеллектуальная сфера</i>			
Умной	5,3	Умным	9,2
Мудрой	2,0	Образованным	6,1
Образованной	1,8	–	–
<i>Отношение к себе</i>			
Женственной	5,1	Мужественным	4,1
Независимой	2,2	Уверенным в себе	3,1
<i>Сфера межличностных отношений</i>			
Доброй	6,8	Добрым	6,3
Нежной	3,4	Надежным	5,5
Любящей	3,0	Заботливым	3,5
Ласковой	2,5	Ответственным	3,4
Терпеливой	2,5	Внимательным	2,9
Коммуникабельной	2,4	Любящим	1,8
Любимой	2,4	Порядочным	4,3

Представления педагогов о полотипических и полоролевых различиях между женщинами и мужчинами нашли свое подтверждение и в ответах на вопрос о правомерности разделения профессий на «женские» и «мужские»: «Как вам кажется, существуют ли по-настоящему “женские” и “мужские” профессии? Если “да”, то приведите примеры». Все респонденты дали утвердительный ответ и указали профессии. При этом примеров «мужских» профессий оказалось в 2 раза больше, чем «женских», что подтвердило ориентацию «мужского» образа и доминирующей сферы жизни мужчины на профессиональную деятельность (табл. 2).

«Женские» профессии распределились по следующим сферам: наука и образование, торговля и бытовое обслуживание, медицина, промышленность (легкая и пищевая), государственная и муниципальная служба, культура и искусство, сельское хозяйство, строительство, связь, сфера управления и др. Наибольшее количество выборов получили такие сферы и профессии, как *образование* (воспитатель ДОУ, помощник воспитателя ДОУ, учитель, педагог), *сфера обслуживания* (продавец, уборщица, портниха, парикмахер), *медицина* (медсестра, врач), *легкая промышленность* (швея, ткачиха). Среди «типично женских профессий», получивших наибольшее количество выборов, — воспитатель (13,1 %), продавец (7,0 %), медсестра (6,2 %), помощник воспитателя (4,5 %), учитель (4,3 %), секретарь-референт (4,0 %). «Мужские профессии» и сферы дополнились новыми: тяжелая промышленность, силовые структуры (милиция, МЧС, армия), транспорт, политика, коммерческая деятельность (бизнес). Отличительной характеристикой перечня «мужских» профессий от перечня «женских» стало преобладание профессий, связанных с тяжелым физическим трудом и с опасностью (риском) для жизни. Наибольшее количество выборов среди сфер профессиональной самореализации мужчин получили: *тяжелая промышленность* (в том числе добывающая — горнодобыча), *пищевая* (в частности, рыбодобывающая), *транспорт, строительство, силовые структуры* (в том числе вооруженные силы). Среди «типично мужских профессий» наибольшее количество выборов получили: шахтер (7,8 %), моряк (5,5 %), военнослужащий (5,2 %), летчик (4,8 %), водитель (4,4 %), слесарь (3,4 %).

По мнению педагогов, у мужчин, во-первых, гораздо больше сфер (и возможностей) профессиональной самореализации, чем у женщин, что, на наш взгляд, объясняется укорененными в культуре представлениями о главном предназначении мужчины — быть добытчиком, а также представлениями об универсальности мужского потенциала, способного реализоваться практически в любой сфере деятельности (перечни мужских и женских профессий, за небольшими исключениями, совпадают).

Во-вторых, перечисленные в ответах «типично женские» профессии, в отличие от большинства «типично мужских», не связаны с техникой и технологиями, требующими высокого уровня образования и профессиональной подготовки, характеризуются как обслуживающие и вспомогательные (за исключением профессии «учитель»).

Наконец, «типично мужские» профессии в представлениях учителей и педагогов ДОУ, как правило, связаны с тяжелыми физическими и психологическими нагрузками, предполагающими использование «типично мужских

качеств» (ловкость, сила, умение быстро концентрироваться, сосредоточиваться, долго сохранять пристальное внимание, быстро ориентироваться в ситуации и принимать решения и др.).

Таблица 2

О «женских» и «мужских» профессиях

Категории / профессиональные сферы	Количество выборов, %	
	«Женские» профессии	«Мужские» профессии
Наука и образование	29,5	2,4
Сфера обслуживания	25,0	1,1
Коммерческая деятельность, сфера бизнеса	0,0	0,6
Медицина	14,0	2,7
Промышленность (легкая/тяжелая)	12,3	31,4
Силовые структуры в целом (МВД, МЧС, МО)	0,0	13,9
В том числе:		
армия	0,0	10,1
Сельское хозяйство	1,0	1,7
Служащие	8,8	1,4
Культура и искусство	5,4	0,3
Домоводство, быт	2,7	0,1
Транспорт	0,0	16,7
Строительство	0,3	18,7
Связь	0,5	0,0
Политика	0,0	0,5
Сфера управления	0,5	1,2
Другие отрасли и профессии	2,9	4,4
Руководящие должности в разных сферах	0,5	2,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что педагогам присущи стереотипные представления о настоящей женщине и настоящем мужчине, разделении профессий по признаку пола, свойственные традиционной культуре XIX — первой половины XX в. Образ настоящей женщины в представлениях педагогов ассоциируется прежде всего с образом женщины-матери и хранительницы домашнего очага, наделенной соответствующими морально-нравственными качествами, позволяющими ей заботиться о членах семьи, поддерживать психологический комфорт в доме. Современность добавила к набору традиционных качеств «нормативной женственности» обязательное сочетание красоты, образования и интеллектуального развития. Настоящий мужчина описан педагогами как умный и образованный профессионал, способный обеспечить материально семью и заботиться о благополучии ее членов.

Типично женские профессиональные сферы в представлениях педагогов также были связаны с обслуживанием, уходом и вспоможением, воспитанием и обучением детей, а мужские — с современной техникой, сложным производством и военными технологиями.

Наше региональное исследование подтвердило обусловленность социально-педагогических идеалов гендерной социализации мальчиков и девочек в образовании гендерными идеалами и представлениями педагогов. Так, размышляя над вопросом о различиях в воспитании девочек и мальчиков, педагоги видели свою задачу в подготовке девочек к семейной жизни, роли матери и ведению домашнего хозяйства (42,0 % всех выборов против 13,2 % по тем же позициям в воспитании мальчиков), в воспитании соответствующих этим задачам качеств: доброты, ласки, нежности, аккуратности, мягкости и др.

В воспитании мальчиков приоритетной задачей названа подготовка к трудовой деятельности и образованию (21,7 против 0,8 % по той же позиции у девочек), а среди наиболее значимых качеств — ответственность, сила воли, выносливость, смелость, целеустремленность, умение принимать решения и др.

Как следовало из ответов на соответствующий вопрос анкеты, во взглядах на различия в обучении и воспитании мальчиков и девочек более половины педагогов руководствовались гендерными стереотипами обыденного сознания, которые они отнесли к категориям «здравый смысл», «традиции и обычаи». Лишь каждый пятый педагог считал, что пользовался сведениями из институтского курса педагогики, психологии или современной научно-методической литературы.

Обобщая результаты первого исследования, подчеркнем, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. ключевой элемент гендерного компонента педагогической культуры, обуславливавший формирование гендерных стратегий школьников и школьниц как в образовании, так и при выборе будущей профессии, в целом не способствовал поощрению девочек к занятиям естественно-научными дисциплинами и подготовке к STEM-профессиям. В социально-педагогическом идеале воспитания девочек в тот период господствовали матримонильные установки, которые резко диссонировали и с социально-экономической реальностью перехода России к рыночным отношениям (тотальное снижение уровня жизни абсолютного большинства семей, безработица и усиление конкуренции за рабочие места), и с появлением новых сфер и направлений самореализации (предпринимательство, IT-индустрия и др.).

Таким образом, исследуя взаимосвязь между гендерным аспектом педагогической культуры и ориентацией школьниц на STEM-образование и профессии в русле STEM, мы приходим к заключению, что необходимы изменения в первую очередь в гендерных представлениях и идеалах тех, кто учит и воспитывает молодое поколение.

Результаты исследования 2017 г.

Приступая в 2017 г. к исследованию гендерных представлений педагогов образцово-показательного учреждения общего образования федерального уровня — «Московский кадетский корпус — Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ», мы предполагали, что за 16 лет, прошедших после первого исследования, ситуация изменилась. Наши надежды были основаны на том, что в минувшие годы

бурно развивались гендерные исследования, гендерная проблематика активно обсуждалась на федеральных каналах TV и в Интернете, в печати появилось множество публикаций по вопросу гендерного равенства полов в семье и обществе. Наконец, в педагогической печати также появилось немало трудов по вопросам гендерной социализации школьников и гендерного подхода к образованию, защищены десятки диссертаций, проведены конференции, изданы монографии и методические пособия. Что же показало исследование?

Таблица 3

Идеалы маскулинности и фемининности (2017 г.)

№ п/п	Быть настоящей женщиной это быть...	Количество выборов, %	Быть настоящим мужчиной это быть...	Количество выборов, %
1	Заботливой, нежной	47,5	Ответственным	42,0
2	Доброй	33,5	Сильным	37,0
3	Женственной	22,0	Умным	27,5
4	Мудрой	19,5	Мужественным	25,5
5	Красивой, привлекательной	15,5	Надежным	20,0
6	Любящей	14,5	Смелым	20,0
7	Хозяйственной	13,0	Добрым	13,5
8	Терпеливой	12,0	Целеустремленным	12,0
9	Отзывчивой	9,1	Щедрым	9,0
10	Образованной	9,1	Внимательным	7,5
11	<i>Хорошей матерью</i>	7,8	Справедливым	6,5
12	Ответственной	7,5	Работающим	6,0
13	Аккуратной	6,5	Честным	4,5
14	Ласковой	6,2	<i>Хорошим отцом</i>	3,0
15	Внимательной	5,5	Оптимистом	2,5
16	Мягкой	5,5	Благородным	2,0
17	Понимающей	5,0	Хозяйственным	2,0
18	Романтичной	4,5	Веселым	1,0
19	Воспитанной	4,0	Рациональным	1,0
20	Стильной	3,5	–	–
21	Самодостаточной	3,5	–	–
22	Целеустремленной	3,5	–	–
23	Ухоженной	3,0	–	–
24	Энергичной	3,0	–	–
25	Сдержанной	2,0	–	–
26	Самоотверженной	1,5	–	–

Ответы педагогов Пансиона на вопрос «Что значит быть настоящей женщиной или настоящим мужчиной? Какие женские и мужские качества ассоциируются у Вас с этими понятиями?» распределились аналогично ответам первого исследования (табл. 3). Среди женских характеристик лидирующее положение сохранили эмоционально-чувственные, а среди мужских характеристик — интеллектуально-волевые.

Сравнение результатов исследований

Показательно сравнение характеристик настоящей женственности и настоящей мужественности в первом и втором исследованиях, ранжированных, в соответствии с условиями опросника, по первым шести позициям (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительные данные опросов 2000—2001 и 2017 гг.

№ п/п	Быть настоящей женщиной это быть...		Быть настоящим мужчиной это быть...	
	2000—2001	2017	2000—2001	2017
1	Доброй	Заботливой, нежной	Умным	Ответственным
2	<i>Хорошей матерью</i>	Доброй	Добрым	Сильным
3	Умной	Женственной	Образованным	Умным
4	Женственной	Мудрой	Надежным	Мужественным
5	Хозяйственной	Красивой, привлекательной	Порядочным	Надежным
6	Нежной	Любящей	<i>Хорошим отцом</i>	Смелым

В общем списке характеристик идеальной женщины в исследовании 2017 г. оказалось значительно меньше качеств, связанных с образованностью и интеллектом, в то время как в списке характеристик идеального мужчины эти качества сохранились в приоритетной группе. (Под мудростью женщины, скорее всего, подразумевается не образованность и высокий интеллект, а умение поступать в соответствии с житейским опытом.) Учитывая, что опрос 2017 г. проходил среди педагогов элитарного столичного учебного заведения с идеальными материально-техническими условиями, высоким уровнем научно-технического и информационного обеспечения учебно-воспитательного процесса и высокими требованиями к результатам обучения и воспитания пансионеров, мы пока не можем объяснить полученный результат. Тем более что воспитанницы Пансиона с большим успехом участвуют в конкурсах и олимпиадах, в том числе по математике и естественно-научным дисциплинам. Среди них немало победительниц всероссийских турниров и олимпиад.

Мы отметили, что среди приоритетов в списках женских и мужских характеристик (1—6-я позиции) в ответах педагогов Пансиона, в отличие от результатов предыдущего опроса педагогов Мурманска, не упомянуты материнство и отцовство. Так, в рейтинге женского списка 2017 г. характеристика «быть хорошей матерью» находится на 11-м месте (из 26) против 2-го места (из 17)

в опросе 2000—2001 гг. Характеристика «быть хорошим отцом» в перечне желательных мужских качеств 2017 г. оказалась в последней трети списка (на 14-м месте из 19) против 6-го места (из 13) в опросе 2000—2001 гг.

Если обобщить результаты исследования гендерных представлений педагогов Пансиона относительно идеалов маскулинности и фемининности, то на передний план объединенного портрета идеальной женственности выходят характеристики идеальной современной домохозяйки, находящейся на содержании (мужа) и сочетающей уход за собой и мужем с другими внутрисемейными обязанностями. Характеристики, присущие современной работающей женщине (самодостаточная, целеустремленная, энергичная, самоотверженная), оказались в конце списка и получили самый низкий рейтинг.

Мы склонны предположить, что гендерный аспект социально-педагогического идеала воспитания девочек и девушек в представлениях педагогов Пансиона сформировался под массивным давлением традиционалистского дискурса, легитимированного в начале 2000-х гг. государством в союзе с Российской православной церковью, активно подхваченного телевидением и другими СМИ. С нашей точки зрения, идеал воспитания традиционной женственности, ставящий во главу угла домашнюю сферу жизни и репродуктивную функцию женщины, противоречит идеалам личностного подхода в образовании, установке на максимальное развитие талантов и способностей каждого, независимо от половой принадлежности, диссонирует с Целями тысячелетия ООН и другими международными документами по гендерному равенству и правам человека. И конечно, он совсем не отвечает задачам привлечения женщин к участию в технологическом прорыве XXI в., от решения которых зависит и качество нашей жизни, и политическое будущее России в мире.

Портрет настоящего мужчины в представлениях педагогов Пансиона, как и в предыдущем опросе, противопоставлен идеалу фемининности, характеризуется перечнем традиционных качеств мужчины, занятого профессиональной деятельностью. В отличие от результатов предыдущего опроса, профессиональная занятость идеального мужчины в значительно большей степени ассоциируется с принадлежностью к силовым структурам. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что из 6 личностных характеристик приоритетной части списка 5 — производные воли (ответственность, сила, мужество, надежность, смелость). Иными словами, по сравнению с представлениями педагогов начала 2000-х гг. об идеальном мужчине как интеллигентном профессионале и заботливом отце образ настоящего мужчины в представлениях педагогов 2017 г. изменился и соответствует идеалу брутального героя-воина. Можно предположить, что на представления педагогов об идеальной мужественности в последние годы повлияли взаимоисключающие и противоборствующие силы: с одной стороны — не умолкающая в нашем обществе дискуссия о «феминизации маскулинности», а с другой — растиражированный и активно продвигаемый отечественным кинематографом образ брутального бойца, решительно и безжалостно сметающего все на своем пути. И наконец — всплеск гомофобии и «гендерной паники» (А. А. Темкина) в российском обществе 2010-х гг. на общем фоне утверждения культа силы и нарастания традиционализма в государственной идеологии.

Отвечая на вопрос «Как Вам кажется, существуют ли по-настоящему “мужские” и “женские” профессии? Если ваш ответ “да”, приведите примеры (до 6—8 позиций в каждом подразделе)», педагоги вновь согласились с тем, что профессии делятся по признаку пола (табл. 5).

Таблица 5

О «женских» и «мужских» профессиях

№ п/п	«Женские» профессии	Количество выборов, %	«Мужские» профессии	Количество выборов, %
1	Воспитатель, няня	29,0	Шахтер	23,0
2	Швея, ткачиха	11,0	Пожарный	19,0
3	Педагог, учитель	10,5	Водитель	18,5
4	Медсестра	9,5	Военный	17,5
5	Косметолог	8,5	Летчик	15,5
6	Библиотекарь	7,5	Машинист	11,5
7	Врач	7,0	Спасатель	9,5
8	Бухгалтер	6,5	Грузчик	9,0
9	Секретарь	9,0	Строитель	8,5
10	Стюардесса	3,5	Сантехник	8,0
11	Парикмахер	3,5	Слесарь	7,5
12	Доярка	3,0	Полицейский	5,5
13	Психолог	3,0	Сталевар	5,0
14	Флорист	2,0	Лесоруб	5,0
15	Повар	1,5	Металлург	4,0
16	Сиделка	1,5	Инженер	3,5
17	Администратор	1,0	Космонавт	3,0
18	Маляр	0,5	Врач	3,0
19	–	–	Токарь	2,0
20	–	–	Капитан	1,5
21	–	–	Механик	1,5
22	–	–	Дипломат	1,5
23	–	–	Священник	1,5
24	–	–	Президент	1,0
25	–	–	Директор	1,0
26	–	–	Актер	0,5

Как и в исследовании 2000—2001 гг., перечень «мужских» профессий, указанных педагогами Пансиона, оказался на 30 % длиннее списка «женских» профессий. В основе большинства перечисленных «женских» профессий функции ухода,

заботы, обслуживания витальных и культурно-образовательных потребностей. Сравним ранжированные результаты опросов 2000—2001 и 2017 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительные данные опросов 2000—2001 и 2017 гг.

№ п/п	Женские профессии		Мужские профессии	
	2000—2001	2017	2000—2001	2017
1	Воспитатель ДОУ	Воспитатель ДОУ, няня	Шахтер	Шахтер
2	Продавец	Швея, ткачиха	Моряк	Пожарный
3	Медсестра	Учитель	Военнослужащий	Водитель
4	Помощник воспитателя (няня)	Медсестра	Летчик	Военный
5	Секретарь/референт	Косметолог	Водитель	Летчик
6	Учитель	Библиотекарь	Слесарь	Машинист
7	Врач	Врач	Сталевар	Спасатель
8	Швея	Бухгалтер	Строитель	Грузчик

Среди женских профессий лидирующее положение в 2017 г., как и в 2000—2001 гг., заняла профессия педагога дошкольного образования, включая самую низшую ступень профессиональной лестницы — помощника воспитателя (няня). Если в 2000—2001 гг. результаты опроса по данному пункту мы могли объяснить тем, что среди респондентов не меньше четверти составляли педагоги дошкольного образования, то результаты опроса 2017 г. вызвали у нас удивление. За минувшие годы значительно расширился список профессий, в которых женщины нашли себя и достигли выдающихся результатов, стали общеизвестными примеры профессиональной занятости мужчин в ранее «традиционно женских» профессиях и сферах труда. Все это, на наш взгляд, должно было, как минимум, поколебать уверенность педагогов в целесообразности деления профессий по половому признаку.

Как уже отмечено ранее, представления о «типично мужских» профессиях у педагогов Пансиона соответствуют идеалу брутальной маскулинности. Ведущие признаки «мужских» профессий — физическая тяжесть, опасность, высокий риск для жизни и ответственность — коррелируют с морально-волевыми характеристиками идеальной маскулинности, описанной педагогами в ответах на первый вопрос.

Из вышеизложенного следует, что гендерные представления педагогов Пансиона не вышли за рамки традиционных гендерных стереотипов, противопоставляющих «женские» и «мужские» личностные качества, подразделяющих сферы занятости и профессии не по способностям и стремлению людей к самореализации, а по половому признаку. Примечательно, что высокотехнологичные профессии, связанные с информатикой и новыми технологиями, не упомянуты педагогами ни в 2000—2001 гг., ни в 2017 г.

Как свидетельствуют ответы на вопрос «Чем Вы руководствуетесь во взглядах на половые различия в обучении и воспитании школьников?», 40,0 % педагогов руководствуются «здравым смыслом», 13,0 % — «знаниями из институтского курса психологии», 9,0 % — «сведениями из институтского курса педагогики», 6,0 % — «традициями», 3,5 % — «данными из современной научно-педагогической литературы», 3,0 % — «примерами из своего детства». Но, как показали последние исследования теоретико-методологического обеспечения профессиональной подготовки педагогов [Ключко, 2016], гендерный компонент педагогической культуры и образования так и не представлен в стандартах, программах и учебниках высшего психолого-педагогического образования, а большинство современных статей и пособий по «гендерной педагогике» на самом деле написано на основе квазигендерного (т. е. биодетерминированного полоролевого) подхода.

Сравнивая результаты исследований 2000—2001 и 2017 гг., мы приходим к заключению, что ожидаемых изменений в гендерных идеалах и представлениях педагогов не произошло. Гендерное мировоззрение педагогов в большей степени соответствует традиционной культуре XIX — середины XX в., нежели эпохе цифровой и технологической революций XXI в. В итоге педагоги в воспитании современных учащихся по-прежнему руководствуются гендерными стереотипами традиционной культуры, создавая невидимые, но вполне действенные барьеры на пути развития интереса девочек к STEM-образованию и STEM-профессиям, ориентируя их, преимущественно, на профессии социально-гуманитарного, художественного профиля, на вспомогательные и обслуживающие сферы занятости.

Заключение

Проблема гендерного разрыва, т. е. недопредставленности женской молодежи в современных наукоемких и технологических профессиях, обусловлена взаимодействием целого комплекса факторов, среди которых свою роль играют и просчеты в гендерной политике государства, закосневшие традиции гендерной стереотипии на рынке труда и в образовании; и методические просчеты в обучении школьников математическим и естественно-научным дисциплинам в целом; и специфика девичьей гендерной сензитивности, обусловленной пиками полового созревания в подростковом и юношеском возрасте. На наш взгляд, фундирующий вклад в формирование гендерного разрыва в STEM-образовании и STEM-занятости принадлежит педагогической науке, ответственной за торможение разработки теории гендерного компонента педагогической культуры и образования, и соответственно педагогическому образованию, ответственному за недостатки в психолого-педагогической подготовке современных педагогов к работе с гендерными аспектами социализации мальчиков и девочек в образовании.

Для того чтобы педагоги стали сознательными сторонниками вовлечения девочек и девушек в технологическое образование и ориентации женской молодежи на STEM-профессии, нужны изменения в стандартах и программах педагогического образования всех без исключения уровней. Необходимо интегрировать в них гендерный компонент, чтобы еще на студенческой скамье помочь будущим педагогам деконструировать гендерные стереотипы обыденного

сознания и сформировать гендерную компетентность, развить общую и профессиональную гендерную сензитивность.

Особое внимание должно быть обращено на гендерное просвещение педагогов дошкольного образования и начальной школы, поскольку возраст от 3 до 9 (10) лет — наиболее сензитивный период формирования как гендерных идеалов и образов поведения индивидуума, так и гендерных стереотипов группового и межличностного взаимодействия между полами.

Для успешного решения указанных проблем требуются солидарные усилия со стороны Министерства образования и науки РФ, РАО, РФФИ, высшей школы и педагогической науки, женских неправительственных организаций и неправительственных фондов, ориентированных на поддержку гуманитарного развития российского общества.

От Министерства образования и науки РФ, РАО, РФФИ и ВАК необходима системная поддержка гендерных исследований в образовании. Кроме того, нужна грантовая и информационная поддержка работы учителей, как по непосредственному вовлечению девочек в занятия математикой и информатикой, программированием, робототехникой и конструированием, по ориентации школьниц на высокотехнологичные профессии и сферы занятости, так и по гендерному просвещению мальчиков и девочек в целом.

Эффективным средством гендерного образования педагогов являются тематические конференции, летние и зимние школы по гендерному подходу в образовании, на которых под углом зрения преодоления гендерного разрыва должны обсуждаться целевые индикаторы, а также различные факторы школьной среды, которые сегодня, возможно, ускользают от нашего внимания.

Неоценимый вклад в пропаганду и информационную поддержку образа современной женщины, преуспевающей в STEM-профессии, в сферах информационных и других высоких технологий, могут внести организации, объединяющие женщин — ученых, политиков и предпринимательниц.

Библиографический список

- Ключко О. И.* Развитие гендерного подхода в российском образовании // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Физматкнига, 2016. С. 10—21.
- Попова Л. В.* Некоторые тенденции в ценностных ориентациях девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 35—38.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.* STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 33—44.
- Штылева Л. В.* Исследование гендерных характеристик студентов // Гендерная психология: практикум / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С. 46—55.
- Яковлева Ю.* Дискриминация по половому признаку: мифы и реальность. 2018. URL: <http://www.eawfpress.ru/press-tsentr/news/jen/diskriminatsiya-po-polovomu-priznaku-mify-i-realnost/> (дата обращения: 26.02.2018).

References

- Iakovleva, Iu. (2018) *Diskriminatsiia po polovomu priznaku: mify i real'nost'* [Discrimination on the basis of gender: myths and reality], available from <http://www.eawfpress.ru/press-tsentr/news/jen/diskriminatsiya-po-polovomu-priznaku-mify-i-realnost/> (accessed 26.02.2018).
- Kliuchko, O. I. (2016) Razvitie gendernogo podkhoda v rossiiskom obrazovanii [The development of a gender approach in Russian education], in: *Teoriia i praktika realizatsii gendernogo podkhoda v obrazovanii: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moscow: Fizmatkniga, pp. 10—21.
- Popova, L. V. (1996) Nekotorye tendentsii v tsennostnykh orientatsiiakh devochek i mal'chikov mladshogo podrostkovogo vozrasta [Some trends in the value orientations of girls and boys of younger adolescence], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 35—38.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodëzhi: (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories of youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—44.
- Shtyleva, L. V. (2003) Issledovanie gendernykh kharakteristik studentov [Studying gender characteristics of students], in: Kletsina, I. S. (ed.), *Gendernaia psikhologiya: praktikum*, St. Petersburg: Piter, pp. 46—55.

Статья поступила 12.03.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Штылева Любовь Васильевна — доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, г. Москва, Россия, many-ny@rambler.ru (Dr. Sc. (Pedagogy), Senior Researcher, Institute for the Study of Childhood, Family and Parenting of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 67—73
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.6

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 67—73
ББК 74.200.536
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.6

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В STEM-ПРОФЕССИИ (На примере США)

Ю. С. Задворнова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
yulia-zadvornova@mail.ru

Развитие цифровых технологий невозможно без квалифицированных специалистов в инженерных и технологических сферах. Многие страны, в том числе и Россия, испытывают дефицит кадров в наукоемких отраслях. Одним из путей преодоления этой проблемы становится привлечение женщин в STEM-профессии. Зарубежные страны уже осознали, что увеличение числа женщин, занятых в технической, инженерной и математической областях, является необходимым условием для преодоления нехватки специалистов и повышения конкурентоспособности в инновационной сфере. В данном контексте представляется интересным изучить опыт США по привлечению женщин в STEM-сектор как одного из лидеров в решении данной задачи.

Ключевые слова: STEM, цифровая экономика, гендерный разрыв, женщины.

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE INVOLVEMENT OF WOMEN IN STEM (USA as an example)

Yu. S. Zadvornova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
yulia-zadvornova@mail.ru

Development of digital technologies is not possible without qualified specialists in engineering and technology. At the present time many countries, including Russia, experience shortage of personnel in knowledge-base industries. One of the ways to overcome the staffing shortfall is attraction of women to STEM professions. Many foreign countries have already realized the need to increase the number of women occupied in technology, engineering, and mathematics to reduce the deficit of specialists and to increase the competitiveness in innovations. In this context it would be interesting to study the experience of engaging women to STEM sector in the USA, which is one of the world leaders in addressing this issue.

Key words: STEM, digital economy, gender gap, women.

Стремительное развитие компьютерных и информационных технологий создает основу для формирования экономики нового поколения. Технологическое лидерство страны, передовые научные разработки, призванные повысить социально-экономическое благополучие населения, — такие стратегические задачи ставит сегодня руководство нашего государства. В этих целях Правительством РФ утверждены Национальная технологическая инициатива и государственная программа «Развитие цифровой экономики до 2035 года». Однако переход на новый технологический уклад невозможен без квалифицированных специалистов в инженерных и технологических сферах науки и производства.

Исследователи утверждают, что к началу 2020 г. европейскому сектору информационных технологий дополнительно потребуется около 900 тыс. STEM-специалистов [Женщины в технических профессиях, 2015]. Нехватку кадров в STEM-секторе можно существенно сократить за счет привлечения в отрасль женщин как важного носителя человеческого капитала.

Сегодня во многих странах, в том числе и в России, больше половины выпускников вузов составляют женщины. Но область знаний, которую они осваивают, чаще гуманитарная [Савостина и др., 2017; Калабихина, 2017: 6]. Недостаточная представленность женщин в сфере STEM — проблема, которая распространена во всем мире. В России, так же как и в других странах, большая часть сотрудников, работающих в данной сфере, — мужчины. Зарубежный анализ гендерного состава персонала в STEM-отраслях показывает, что среди STEM-специалистов количество женщин составляет всего 24 % [Женщины в технических профессиях, 2015].

Преодоление гендерного дисбаланса в STEM-секторе — задача не только системы образования, правительства или соответствующей индустрии. Это и социальная проблема: отсутствие образцов для подражания и эффективных методов мотивации, гендерные стереотипы стали для женщин серьезными барьерами на пути развития STEM-карьеры.

Зарубежные страны уже осознали, что увеличение числа женщин, занятых в технической, инженерной и математической областях, является необходимым условием для того, чтобы преодолеть дефицит специалистов и превзойти конкурентов в образовании и инновациях. Правительства этих стран фокусируются на формировании государственной политики по поддержке девушек и женщин в получении STEM-образования и вовлечению в STEM-профессии. В США, Германии, Южной Корее, Японии на государственном уровне разработаны комплексные программы вовлечения девушек в STEM-сферу. Объединив свои усилия по развитию STEM-образования, более 10 европейских стран приняли участие в международных проектах MASCIL и INSTEM, которые нацелены на организацию учебных курсов для учителей с поддержкой со стороны промышленной отрасли, разработку инновационных методов преподавания и повышение интереса учащихся к науке [Ногайбаева, 2016].

В целях расширения числа девушек, заинтересованных в получении образования в сфере точных наук и технологий, в Германии с 2007 г. реализуется правительственная программа «Go MINT» (MINT — математика, информатика, естественные науки, технологии). Более двухсот ученых, политиков, бизнесменов, представителей СМИ принимают участие в данном проекте и ведут активную

деятельность, чтобы помочь девушкам в их обучении и построении карьеры. Реализация программы дает ощутимые результаты: по данным Федерального бюро статистики, с помощью программы «Go MINT» в 2011 г. более 33 тыс. девушек получили дипломы в области инженерии, 54 тыс. девушек — в области естественных и математических наук, что в 3 раза больше, чем в 1996 г. [Go MINT... , 2011].

Австралия, Китай, Южная Корея, Тайвань и Сингапур занимаются разработкой учебной программы «K-12 STEM», спроектированной как набор интегративных междисциплинарных подходов в каждой из STEM-дисциплин с учетом вовлечения равного количества мальчиков и девочек. Во Франции, Японии, Южной Африке образовательные организации создают неформальные программы STEM-образования (летние лагеря, внешкольные мероприятия, конкурсы и др.). Они привлекают внимание школьников к STEM-профессиям и дают возможность для обучения по различным направлениям STEM-образования [Чемиков, Крылов, 2015: 61]. В Финляндии с 2003 г. организована деятельность STEM-центров, которые обеспечивают взаимодействие школ, университетов, предприятий и бизнес-сообществ, организуют научно-технические лагеря и другие мероприятия для учащихся, предоставляют педагогам учебно-методические материалы в сфере STEM-образования [Кузьмина, Яшина, 2017: 11].

STEM-образование начинает активно развиваться и в странах СНГ. В Казахстане принята Государственная программа развития образования и науки на 2016—2019 гг., в рамках которой обозначен переход на обновленное содержание школьного обучения в контексте STEM. Для реализации государственной программы в предметы естественно-научного цикла включаются STEM-элементы, которые предполагают проектный и междисциплинарный подходы к обучению и занятия исследовательской и научно-технической деятельностью. Кроме того, планируется оснащение всех образовательных организаций ИКТ, цифровыми образовательными ресурсами, введение в учебные программы образовательных курсов робототехники [Ногайбаева, 2016].

США являются одним из мировых лидеров, реализующих мероприятия по привлечению женщин в STEM-профессии. В 2013 г. Администрация Президента Б. Обамы утвердила пятилетний образовательный стратегический план, ключевой задачей которого утверждалось повышение участия женщин в STEM-отраслях и устранение социальных барьеров, препятствующих продвижению женщин в STEM-профессиях [Women and Girls in Science... , 2013].

В целях информирования общественности о достижениях женщин в STEM-профессиях, а также о возможностях их высокого заработка в STEM-отраслях Правительством США были опубликованы два доклада. Доклад Министерства торговли «Женщины в STEM: гендерный разрыв в инновационной деятельности» показал: несмотря на то что женщины составляют всего лишь 24 % работников STEM-профессий, их заработок на 33 % больше заработной платы работников других отраслей. Министерство образования опубликовало доклад «Гендерное равенство в сфере образования», который пролил свет на сокращающийся разрыв между количеством девочек и мальчиков, обучающихся на научных и математических курсах (см.: [ibid.]).

Для расширения участия женщин и других недостаточно представленных групп населения в STEM-сфере Правительством США с 2013 г. реализуется

проект «Наперегонки к вершине» с грантовым фондом 4,35 млрд долл. для школ и учителей, развивающих STEM-дисциплины [ibid.].

С 2009 г. осуществляется проект «Обучаться, чтобы привносить новшества», который направлен на организацию взаимодействия учителей, предприятий, благотворительных фондов, некоммерческих объединений, ученых. За пять лет реализации проекта привлечено более 700 млн долл. С помощью этих средств удалось подготовить более 10 тыс. новых преподавателей STEM-дисциплин [ibid.].

Администрация Президента Д. Трампа поддержала курс на развитие STEM-образования в стране. В сентябре 2017 г. Д. Трамп поручил инвестировать ежегодно 200 млн долл. в виде грантов образовательным организациям для развития STEM-образования [Меморандум Президента США... , 2017].

Комплекс мероприятий по вовлечению девушек в STEM-профессии реализуется на уровне государственных ведомств США. Фонд Министерства образования «Инвестиции и инновации» предоставляет гранты учащимся тех школ, которые оказывают поддержку девочкам в освоении STEM-дисциплин. Национальным научным фондом США организованы открытые учебные курсы в областях STEM для всех желающих. Национальные институты здравоохранения реализуют программу «Возвращение в профессию», предназначенную для женщин-ученых, которые временно прервали свои лабораторные исследования на период декретного отпуска [Билль Конгресса США... , 2017].

Одним из эффективных методов вовлечения девушек в STEM-профессии, используемых в США, является наставничество. В 2013 г. стартовала программа, в рамках которой организовывались встречи учащихся с женщинами, добившимися высоких результатов в науке и STEM-карьере. Кроме того, Управление кадровой службы Правительства США совместно с Национальным научным фондом организовало для всех желающих открытые учебные курсы по STEM-дисциплинам [Women and Girls in Science... , 2013].

Используя метод наставничества как ключевой фактор вовлечения девочек в STEM-профессии, НАСА реализует консультативную программу «NASA G.I.R.L.S», которая обеспечивает взаимодействие женщин-ученых и девочек-учащихся, и проект «INSPIRE», направленный на поддержку девушек в освоении STEM-дисциплин и продвижение карьеры женщин в аэрокосмической отрасли [ibid.].

В целях подготовки квалифицированных педагогических кадров для сферы STEM некоммерческим фондом Э. Карнеги совместно со 150 некоммерческими организациями реализуется проект «100Kin10», в рамках которого планируется обучить 100 тыс. новых учителей STEM к 2021 г. [Билль Конгресса США... , 2017].

Таким образом, меры по вовлечению девушек и женщин в STEM-профессии в США носят масштабный комплексный характер — реализуются на уровне Правительства и государственных ведомств в виде государственных программ и проектов, поддерживаются некоммерческими организациями и научным сообществом, охватывают все образовательные учреждения. Осуществляемые мероприятия подтверждают свою эффективность: за пять лет с 2013 г. количество женщин, занятых в STEM-отраслях США, увеличилось с 24 до 39 %

[Women in Science... , 2018]. В настоящее время женщины в США получают в среднем 37 % бакалаврских степеней по STEM-дисциплинам, но в разных специальностях доли женщин разнятся: 59 % женщин-бакалавров в биологии и медицине, 43 % — в математике и статистике, 38,5 % — в физике, 18,7 % — в инженерии, 18 % — в компьютерных науках. В 2014 г. женщины получили 39 % докторских степеней в STEM-дисциплинах, 32,7 % магистерских [ibid.].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что экономически и технологически развитые страны активно занимаются проблемами STEM-отраслей, подготовкой высококвалифицированных кадров и вовлечением девочек и женщин в STEM-образование и STEM-занятость. Основными технологиями зарубежных стран по решению поставленных задач являются государственные инвестиции в развитие STEM-сферы, гранты, конкурсы, программы, создание и продвижение новых STEM-профессий, расширение возможностей получения STEM-образования.

Вместе с тем даже те страны, где действуют эффективные программы по вовлечению женщин в STEM-сферу, сталкиваются с проблемой дискриминации женщин соответствующих профессий. По данным социологического исследования, проведенного компанией *PEW Research Center* в 2017 г., 50 % женщин STEM-профессий ощущают проявления дискриминации в процессе работы: 29 % утверждают, что их доход ниже заработной платы мужчин на аналогичных должностях, 28 % жалуются на претензии со стороны коллег по поводу некомпетентности, которую женщины объясняют гендерной принадлежностью, 20 % респонденток ощущают пренебрежительное отношение к себе со стороны коллег-мужчин, 18 % замечают, что начальство оказывает им меньшую помощь и поддержку в работе, чем мужчинам. Каждая пятая женщина призналась, что рассматривает свой гендер как серьезный барьер на карьерном пути в сфере STEM [Women and Men in STEM... , 2018].

Таким образом, странам, вступившим на путь развития цифровой экономики, необходимо не только преодолеть гендерный разрыв в STEM-сфере, но и разработать эффективные меры по ликвидации гендерной дискриминации в STEM-профессиях.

Анализ зарубежного опыта позволяет сделать вывод: применяя лучшие практики, распространенные в зарубежных странах, целесообразно учитывать, что стратегия формирования сбалансированного гендерного состава кадров в STEM-сфере не может ограничиваться лишь наращиванием усилий по привлечению персонала. Она должна также включать деятельность, направленную на создание среды, не допускающей дискриминации в отношении работников, и удержание женщин в технических областях. При этом, как справедливо отмечает О. А. Хасбулатова, нужно не копировать зарубежный опыт, а с его учетом принимать неотложные меры по обеспечению гендерного баланса в сфере подготовки кадров по STEM-специальностям [Хасбулатова, 2016].

Используя зарубежный опыт в качестве наглядного примера формирования и развития человеческого капитала женщин, важно объединить усилия органов государственного управления, педагогического и научного сообществ, бизнеса и общественных организаций для успешного технологического будущего нашей страны в эпоху цифровой экономики.

Библиографический список

- Билль Конгресса США S-1270. 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1270/text> (дата обращения: 20.02.2018).
- Женщины в технических профессиях: исследование Kelly Global Workforce Index 2015. 2015. URL: www.kellyservices.ru (дата обращения: 20.02.2018).
- Калабихина И. Е. Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 5—16.
- Кузьмина Ю. А., Яшина Н. В. К вопросу о внедрении STEM-образования в России // *Инновационное развитие*. 2017. № 1. С. 10—12.
- Меморандум Президента США Д. Трампа для Министерства образования США. 2017. 9 сентября. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education/> (дата обращения: 01.03.2018).
- Ногайбаева Г. Развитие STEM-образования в мире и Казахстане // *Образовательная страна*. 2016. № 20. URL: <https://iac.kz> (дата обращения: 05.05.2018).
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3. С. 33—44.
- Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 3—15.
- Чемеков В. Н., Крылов Д. А. STEM — новый подход к инженерному образованию // *Вестник Марийского государственного университета*. 2015. № 5. С. 59—64.
- Go MINT — Putting Successful Ideas into Practice. 2011. URL: <http://www.komm-mach-mint.de/Komm-machMINT/English-Information> (дата обращения: 05.05.2018).
- Women and Girls in Science, Technology, Engineering, and Math (STEM): Report of Executive Office of the President. 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov> (дата обращения: 20.02.2018).
- Women and Men in STEM Often at Odds Over Workplace Equity / Pew Research Center. January 2018. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 17.01.2018).
- Women in Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) / Catalyst Knowledge Center. 3rd January 2018. URL: <http://www.catalyst.org/knowledge/women-science-technology-engineering-and-mathematics-stem> (дата обращения: 20.02.2018).

References

- Bill' Kongressa SShA S-1270* (2017) [Bill of Congress S-1270], available from <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1270/text> (accessed 20.02.2018).
- Chemekov, V. N., Krylov, D. A. (2015) STEM — novyi podkhod k inzhenernomu obrazovaniyu [STEM is a new approach to engineering education], *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5, pp. 59—64.
- Go MINT — Putting Successful Ideas into Practice* (2011), available from <http://www.komm-mach-mint.de/Komm-machMINT/English-Information> (accessed 05.05.2018).
- Kalabikhina, I. E. (2017) Novye podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring the women's representation in STEM-education and STEM-employment in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—16.

- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of the development of STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Kuz'mina, Iu. A., Iashina, N. V. (2017) K voprosu o vnedrenii STEM-obrazovaniia v Rossii [On the introduction of STEM-education in Russia], *Innovatsionnoe razvitie*, no. 1, pp. 10—12.
- Memorandum Prezidenta SShA D. Trampa dlia Ministerstva obrazovaniia SShA* (2017) [Memorandum of the US President D. Trump for the US Department of Education], available from <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education> (accessed 01.03.2018).
- Nogaibaeva, G. (2016) Razvitie STEM-obrazovaniia v mire i Kazakhstane [Development of STEM-education in the world and Kazakhstan], *Obrazovatel'naia strana*, no. 20, available from <https://iac.kz> (accessed 05.05.2018).
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodëzhi: (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories of youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—44.
- Women and Girls in Science, Technology, Engineering and Math (STEM)*: Report of Executive Office of the President (2013), available from <https://obamawhitehouse.archives.gov> (accessed 20.02.2018).
- Women and Men in STEM Often at Odds Over Workplace Equity* (2018), available from <https://www.pewresearch.org> (accessed 17.01.2018).
- Women in Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM)* (2018), available from <http://www.catalyst.org/knowledge/women-science-technology-engineering-and-mathematics-stem> (accessed 20.02.2018).
- Zhenshchiny v tekhnicheskikh professiiakh* (2015) [Women in the technical professions], available from <https://www.kellyservices.ru> (accessed 20.02.2018).

Статья поступила 12.05.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Задворнова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yulia-zadvornova@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 74—84
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.7

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 74—84
ББК 65.290с51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.7

ЖЕНСКИЙ БЛОГИНГ КАК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю. Ю. Чилипенко, Л. С. Данилова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия,
uchilipenok@hse.ru

Представлены результаты исследования, целью которого стало изучение практик женского блогинга как разновидности предпринимательской деятельности. Основной метод — качественный (интерпретативный) контент-анализ. Объект анализа — содержание женских блогов на предмет возможностей их использования для получения дохода. Было проанализировано шесть интернет-платформ, на которых наиболее активно осуществляется деятельность по ведению блогов: *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Instagram*, *Facebook*, *Twitter*, *YouTube*. Каждая из площадок охарактеризована с точки зрения особенностей ведения блогов, приведены их основные тематики, сделан вывод о наибольшей популярности beauty-блогов среди женщин, проанализированы способы получения дохода от такой деятельности и его возможная величина, установлена их зависимость от количества подписчиков.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-бизнес, блогинг, предпринимательство, женщины.

WOMEN'S BLOGGING AS A FORM OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Ju. Ju. Chilipenok, L. S. Danilova

National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod),
Nizhny Novgorod, Russian Federation, uchilipenok@hse.ru

The article presents the results of the research aimed at the study of the practices of women's blogging as a form of entrepreneurial activity. The main method of the research is qualitative (interpretative) content analysis. The object of the analysis is the content of women's blogs used as a means to generate income. Six Internet platforms on which the activities of blogging are most actively carried out were analyzed: *Vkontakte*, *Odnoklassniki*, *Instagram*, *Facebook*, *Twitter*, *YouTube*. Having viewed 50 blogs from each social network, the authors were able to identify six main topics of women's blogs: beauty, sports and a healthy lifestyle, love and

relationships, success and harmony in life, cooking, creativity and needlework; beauty-blogs are the most popular. The study identified two main opportunities for earning in Internet blogging: 1) selling their own products by advertising them (used by a small number of bloggers producing their own product); 2) promotion and sale of customer goods. This variant seems to be more popular. Possible options for cooperation with partners were determined: participation in partner programs, direct cooperation with the advertiser, promotion of other channels, participation in partner advertising. During the analysis of the amount of possible income, it was noted that it had a direct connection with the number of subscribers to the channel. This factor determines the main risk of this business — loss of interest of the audience. In conclusion, it is stated that women's blogging is actively popularized, because it combines the possibilities of making an income comparable to that in "traditional business", the absence of a rigid working schedule and the opportunity to engage in "favorite" business, and despite the need to regulate activity from a legal side, this business has all chances for further successful development.

Key words: social networks, Internet-business, blogging, entrepreneurship, women.

Введение в проблему и постановка задачи

Дебаты по поводу новых форм предпринимательской активности важны в отношении перспектив развития современных социально-трудовых отношений. Истоки появления данных форм можно искать в распространении «атипичных» видов занятости в постиндустриальных экономиках. Их сущность сводится к тому, что происходит процесс «увеличения «нетипичной» занятости, не соответствующей модели регулярной работы на полный день по контракту с неопределенным сроком» [Симпсон, 2002: 995]. М. Желены выделяет такие новые быстроразвивающиеся формы занятости, как работа на дому, работа на себя (самозанятость, self-employment), работа во внерабочее время, работа во время официального рабочего дня и др. [Желены, 2002: 455]. В результате меняется организация труда и возникает новая, альтернативная система социально-трудовых отношений. В этих процессах современные исследователи обнаруживают как отрицательные, так и положительные коннотации.

С одной стороны, в наиболее радикальных заключениях видится разрушение традиционной системы — «гибкие фирмы без профсоюза и конец институализированных индустриальных отношений» [Пул, 2002: 1078]. Р. Кастель указывает на возможность изменения положения лиц наемного труда, так как «происходит осознание того, что наемный труд теряет свою центральную роль» [Кастель, 2009: 561]. Поэтому на первый план выходит тема прекарности и уязвимости работников (П. Бурдые, З. Бауман, У. Бек, Г. Стэндинг и др.) [Бурдые, 2005; Бауман, 2004; Бек, 2000; Стэндинг, 2014]. Р. Кастель называет динамику сферы труда последних лет прекаризацией, т. е. временем, обрекающим все большее число людей на самостоятельную борьбу с проблемами и неопределенное будущее [Кастель, 2009: 13]. Созвучной прекаризации оказывается тема колонизации нерабочего времени. А. Корсани отмечает: «Вопреки тому, что капиталистическое использование технологий сделало возможной все большую экономию времени, возникает острое чувство его нехватки» [Корсани, 2015: 66]. Это свойственно и работникам, и предпринимателям, и иным участникам социально-трудовых отношений.

С другой стороны, в случае удаленной работы, фрилансинга, заемного труда и остальных форм «атипичной» занятости работодатель приобретает возможность экономии ресурсов, работник — карьерные возможности, возможности самореализации и развития творческого потенциала, высокий уровень свободы, тем более что в этом случае, как правило, меньше ограничений по возрасту, здоровью и т. д.

Интерес к новым формам занятости в России растет [Чилипенко, Осипова, 2016]. В этих условиях выходом становится предпринимательская деятельность, совмещающая в себе возможности избежать рисков классического найма и воспользоваться плюсами «атипичной» занятости. Однако традиционная предпринимательская деятельность требует разного рода ресурсов (финансовых, квалификационных, временных и т. д.), и их отсутствие является серьезным барьером для открытия собственного дела. Особенно актуальны эти проблемы для женщин как той группы населения, которая в силу ряда обстоятельств (семейные обязанности, карьерные возможности и т. д.) реже, чем мужчины, располагает подобными ресурсами. Решением проблемы становится интернет-предпринимательство.

Под интернет-предпринимательством (диджитал-предпринимательство, цифровое предпринимательство) понимается «процесс предпринимательской деятельности, нацеленный на создание интернет-бизнеса» [Asghari, Gedeon, 2010]. Ниже охарактеризованы основные типы интернет-предпринимательства [Hafezieh et al., 2007: 268]:

— «мягкое» цифровое предпринимательство представляет собой выход компании в цифровую экономику в качестве дополнительной составляющей деятельности, «надстройки» к имеющимся традиционным нецифровым процессам;

— «умеренное» цифровое предпринимательство — вид предпринимательства, в котором диджитализации уделяется сравнительно большее внимание: цифровым может стать как сам продукт, так и процесс/процессы деятельности;

— «экстремальное» цифровое предпринимательство — такой вид предпринимательства, когда вся деятельность, от производства до доставки клиенту, ведется в Сети.

Традиционные организации и организации, осуществляющие свою деятельность в интернет-среде, имеют несколько принципиальных различий (табл. 1).

Таким образом, интернет-предпринимательство обеспечивает создателю бизнеса значительную экономию в тех бизнес-процессах, в которых традиционный предприниматель несет затраты.

Одним из наиболее популярных видов интернет-предпринимательства в настоящее время является блогинг. Блог представляет собой интернет-журнал с определенной тематикой, содержащий текст, изображения и мультимедиа. В своем начальном варианте блоги задумывались как разновидность онлайн-дневника (персональный журнал). Однако с течением времени они перестали использоваться только по прямому назначению, так как с технологической точки зрения оказались довольно удобным способом хранения, архивирования, поиска и передачи данных. В традиционном варианте блоги представлялись в формате небольших текстов; современные блоги, напротив, в большей части наполнены короткими текстами, фото и видео.

Таблица 1

Различия традиционного и интернет-предпринимательства

Критерий оценки	Традиционное предпринимательство	Интернет-предпринимательство
Процесс создания бизнеса	Довольно трудоемкий (сбор документации, регистрация в органах и т. д.)	Может ограничиваться созданием группы в социальных сетях, блога и т. д.
Процесс производства и хранения	Включает все характерные для традиционного предпринимательства затраты на производство и хранение	Избавлен от многих затрат (содержание склада, издержки производства и т. д.)
Процесс дистрибуции	Включает все расходы, связанные с дистрибуцией товара (транспортные, таможенные и др.)	Характеризуется минимальными затратами и быстротой
Рабочее место	Как правило, сотрудники привязаны к рабочему месту, что в настоящее время не является для них мотиватором	Возможно нанимать сотрудников из любой точки мира, создавать глобальные виртуальные команды, используя гибкие форматы занятости
Продукт	Любые изменения, как правило, привязаны к процессу производства (замена оборудования и т. д.)	Модификации и даже фундаментальные инновации могут осуществляться без критического прерывания процесса производства или продажи
Услуги	Процесс их предоставления в некоторых случаях оказывается неудобным для потребителя и формирует дополнительные затраты для компании	Могут производиться с помощью автоматизированных процедур, что позволяет снизить их стоимость и сделать удобными для клиента

Стандартной схемой взаимодействия в блогинге является схема «блогер — подписчик» (от англ. *follower*). Под подписчиком понимается человек, заинтересовавшийся контентом определенного блога, «подписывающийся» на определенный канал и, таким образом, следящий за обновлениями на этом канале. Динамичная природа блогинга позволяет привлечь подписчиков, заинтересованных в том, чтобы постоянно обновлять свои познания по той или иной тематике. У таких подписчиков можно выработать привычку регулярного просмотра блога [Lahm, 2011: 30].

Одним из важных преимуществ блогинга как предпринимательской платформы является возможность незатратного привлечения практически неограниченной аудитории. Интерес предпринимателей к блогингу обусловлен и низкими барьерами входа, в том числе финансовыми. Для них блогинг может заменить все способы маркетинговых коммуникаций, характерные для традиционного бизнеса. По словам Р. Дж. Лахма, блог создает возможности для тех людей, у кого недостаточно средств, предпринимательского опыта и даже других вариантов выбора профессии, но в то же время есть предпринимательская мечта [ibid.: 34].

В этой связи целью нашего исследования стало изучение практик женского блогинга как разновидности предпринимательской деятельности.

Методы и результаты исследования

Основным методом был выбран метод качественного (интерпретативного) контент-анализа, основывающийся на «понимающем» восприятии информации — выделении блоков тем, соответствующих целям исследования. Объект анализа — содержание женских блогов на предмет возможностей их использования для получения дохода.

Было проанализировано шесть интернет-платформ, на которых активно осуществляется деятельность по ведению блогов. Кратко охарактеризуем каждую из площадок с точки зрения особенностей ведения блогинга.

ВКонтакте. Основной целевой аудиторией данной социальной сети является молодежь. К преимуществам этой платформы с точки зрения привлечения подписчиков следует отнести возможность охвата многочисленной интернет-аудитории, а также использования различных средств донесения сообщения до подписчика — фото, видео, текстов любого объема. Выбор определенного способа коммуникации с аудиторией зависит от возможностей и талантов блогера. Еще одно важное преимущество для ведения предпринимательской деятельности — выделение графы «Товары» на личной странице каждого из пользователей. Это предоставляет дополнительную возможность для продвижения товаров и услуг. К недостаткам данной платформы следует отнести то, что ведение блогов не является ее целевой направленностью (хотя сама структура сети в формате «пользователь — подписчики» располагает к ведению блога). Социальная сеть *ВКонтакте* в большей степени нацелена на общение между пользователями.

Одноклассники. Данная платформа, по сути, представляет собой аналог социальной сети *ВКонтакте*, однако рассчитана на более возрастную целевую аудиторию. Выбор способа общения с аудиторией также вариативен, однако в эту социальную сеть довольно сложно привлечь молодежь. К преимуществам платформы с точки зрения ведения блога можно отнести наличие вкладки «Платежи» на странице каждого из пользователей (вероятно, это обусловлено готовностью аудитории к покупкам и ее платежеспособностью), что является дополнительной мотивацией к спонтанной покупке, однако сама структура сайта в формате «пользователь — друзья» не располагает к ведению блогов и их просмотру.

Facebook. По наполнению площадки эта социальная сеть аналогична описанным выше. *Facebook* в России не пользуется большой популярностью у подростков и возрастной аудитории, однако является самой популярной социальной сетью в мире. С точки зрения ведения блога выбор данной площадки зависит от желаний блогера. Данная социальная сеть с большей вероятностью будет использоваться блогерами, желающими привлечь международную и профессиональную аудиторию.

Instagram. Эта платформа представляет собой одно из самых популярных в мире приложений для обмена фотографиями и видео между пользователями, обладая большими возможностями для продвижения и рекламы. Структура площадки открывает широкие перспективы для ведения блога, однако ограничивает блогера в способах общения с аудиторией: возможность размещения в сети фотографии и небольшого текста заставляет акцентировать практически все внимание на визуальной составляющей сообщения.

Twitter. Данная социальная сеть позиционируется как площадка для ведения блогов, что, несомненно, является в рассматриваемом нами контексте главным ее преимуществом. Однако коммуникация блогера с аудиторией осуществляется главным образом в текстовом формате. Это требует определенного таланта и на этапе входа существенно ограничивает возможности некоторых блогеров.

YouTube. Данная интернет-платформа является самой популярной площадкой для ведения блогов, поскольку предоставляет наибольшие маркетинговые возможности для блогеров. Взаимодействие блогера и подписчиков осуществляется за счет видеороликов, наполненных контентом определенной тематики. Такого рода видео открывают наиболее широкое поле рекламных возможностей для блогера. Более того, процедура создания блога на *YouTube* гораздо проще, чем на других платформах. На платформе содержится подробная информация о выпуске рекламных роликов и расценках на них. В то же время для профессионального блогера *YouTube* может оказаться площадкой, требующей наибольшего количества затрат, включая время на создание и монтаж видео, аренду студии, покупку хорошей техники и т. д.

Далее мы провели анализ основных тематик блогов. Было просмотрено по 50 блогов из каждой сети. В табл. 2 представлены наиболее часто встречаемые тематики.

Таблица 2

Основные тематики блогов

Платформа	Тематика блогов
<i>ВКонтакте</i>	Красота, стиль, успех, гармония в жизни, спорт, здоровый образ жизни, кулинария, предпринимательство
<i>Одноклассники</i>	Отношения, кулинария, творчество и рукоделие, ведение дома
<i>Instagram</i>	Спорт, здоровый образ жизни, жизнь знаменитостей
<i>Facebook</i>	Профессиональная тематика, красота, психология, отношения, кулинария
<i>Twitter</i>	Психология, профессиональная тематика, красота, гармония в жизни, путешествия
<i>YouTube</i>	Красота, успех, спорт, здоровый образ жизни, кулинария, творчество и рукоделие, отношения, образование, именные блоги

Как видно из таблицы, профессиональная тематика затрагивается на *Facebook* и в *Twitter*. Остальные тематики представлены практически во всех социальных сетях и касаются других, не профессиональных сфер жизни. Есть основание предполагать, что наибольший интерес тематическая направленность этих блогов вызывает именно у пользователей-женщин. Ряд блогов, называемых интересными и полезными, не имеют определенной тематики контента и носят преимущественно развлекательный характер или дают женщинам советы на любые «женские» темы.

На основании данных табл. 2 для дальнейшего исследования были определены шесть главных тематик женских блогов: красота, спорт и здоровый образ жизни, любовь и отношения, успех и гармония в жизни, кулинария, творчество и рукоделие.

Затем был проведен анализ количества откликов на одноименные поисковые запросы в каждой социальной сети (например, «блог красота») (табл. 3). На точность подсчетов могли оказать влияние следующие факторы:

— SEO-механизмы* формируют тематики, наиболее соответствующие запросам, которые были произведены ранее с определенного IP-адреса;

— некоторые социальные сети (например, *ВКонтакте* и *Одноклассники*) предназначены только для русскоязычной аудитории, а видеохостинг *YouTube* — и для англоязычной. На *YouTube* отсутствует фильтрация каналов даже при введении запроса на русском языке;

— на платформах нет фильтрации каналов, прекративших свое существование;

— название блога не всегда напрямую отражает его тематику (к примеру, блоги могут быть «именными», из-за чего не отображаются в результатах поиска).

Таблица 3

**Количество откликов на тематические запросы
на различных интернет-платформах**

Тематика блогов	<i>ВКонтакте</i>	<i>Одноклассники</i>	<i>Instagram</i>	<i>Facebook</i>	<i>Twitter</i>	<i>YouTube</i>	Итого
Красота	106	199	13195	56	3145	7590000	7606700
Спорт и здоровый образ жизни	393	120	12673	209	2184	11900	27500
Любовь и отношения	177	94	3802	107	1162	188000	193300
Успех и гармония в жизни	460	62	9307	135	3383	2600	15900
Кулинария	202	72	10077	111	1481	2230	14100
Творчество и рукоделие	166	81	1720	89	1063	2620	5700

Таким образом, самое популярное направление женских блогов — красота. Преимущественно блоги красоты (beauty-блоги) ведутся на *YouTube*, однако далеко не все из них являются профессиональными: в основном блогеры делятся личным опытом. Кроме того, достаточно популярны тематики о любви и отношениях.

В ходе изучения способов получения заработка в сфере интернет-блогинга особо пристальное внимание было уделено именно платформе *YouTube* как наиболее развитой (в сравнении с остальными площадками) с точки зрения предоставления блогерам предпринимательских возможностей, о чем говорилось выше.

В результате удалось выделить два основных способа заработка в сфере интернет-блогинга:

1) *продажа собственных товаров* путем их рекламы на своем канале (используется небольшим количеством блогеров, производящих собственный продукт);

* Под SEO-оптимизацией понимается комплекс мер для повышения позиций сайтов в результатах выдачи поисковых систем по заранее отобранным запросам.

2) *продвижение и продажа товаров заказчиков*. Данный путь выбирается блогерами значительно чаще.

В ходе анализа определились следующие возможные варианты сотрудничества с партнерами:

— *участие в партнерских программах*. В качестве партнера для блогера может выступить либо площадка, на которой он размещает блоги, либо компания (агентство), которая занимается продвижением рекламодателей в Интернете. Оформляя партнерские отношения, блогер продает часть времени ролика агенту, который размещает на его канале рекламу. Следует отметить, что участие в партнерской программе доступно не каждому блогеру; так, к примеру, на *YouTube* стать партнером площадки может только блогер, имеющий не менее 3 тыс. подписчиков;

— *прямое сотрудничество с рекламодателем*. В данном случае взаимодействие блогера и заказчика осуществляется напрямую. Блогер может прибегать к разным способам продвижения товаров заказчика: от ссылки на него в описании видеоролика до прямого обращения к аудитории с рекламным сообщением;

— *продвижение других каналов*. Реклама за счет сотрудничества с каналом, имеющим большое число подписчиков, способствует повышению уровня узнаваемости канала, выбравшего для продвижения такой способ. Продвижение других каналов используется в основном начинающими блогерами;

— *участие в рекламе партнера*. Данный путь является наиболее прибыльным вариантом получения заработка, однако доступен только самым популярным блогерам за счет ведения блогов, ставших известными в массовом медиа и заинтересовавших рекламодателей.

Таким образом, в ходе анализа была отмечена прямая связь между возможностью заработка для блогера и количеством подписчиков на его канале. Пытаясь реализовать в блогинг-деятельности цель получения дохода, блогеры в первую очередь сталкиваются с проблемой небольшого количества подписчиков, что является причиной непривлекательности этих блогеров для рекламодателей.

Далее мы постарались оценить размер возможного дохода от ведения блогинг-деятельности. Он достаточно вариативен и определяется главным образом интересом рекламодателя к блогеру. Так, например, в рамках партнерской программы российский *YouTube* предлагает блогерам заработок в размере 14 руб. за каждую тысячу просмотров ролика, в то же время возможности заработка на англоязычном *YouTube* шире — 220 руб. за аналогичную тысячу.

Женские блоги имеют различную степень популярности: определенный ролик с контентом для женщин просматривается в среднем диапазоне от тысячи до 1 млн 200 тыс. раз, наиболее часто встречающееся количество — от 400 тыс. до 600 тыс. просмотров. У самых известных и популярных блогеров это число иногда превышает 5 млн просмотров. Таким образом, заработок у начинающего блогера может быть минимальным и формироваться только за счет прямых продаж своих товаров, у блогера со средним количеством подписчиков, участвующего в партнерской программе, — варьироваться от 5 до 20 тыс. руб. в месяц, у популярных блогеров при той же форме сотрудничества — от 100 тыс. руб. в месяц и выше.

Следует сказать о том, что блогеры, имеющие значительный доход от деятельности на интернет-площадках, оформляют отношения с рекламодателями как индивидуальные предприниматели, тем самым стараясь юридически обезопасить себя. Менее популярные блогеры, а также блогеры, продающие свои товары в видеороликах, не всегда обращают внимание на юридическую составляющую деятельности, что создает определенные риски для всех сторон.

В заключение хотелось бы отметить, что попытка составления социального портрета современной женщины — блогера-предпринимательницы в рамках нашего исследования не увенчалась успехом, поскольку в блогах крайне сложно идентифицировать такие характеристики, как возраст, наличие образования и семейное положение блогера. Данные факты здесь, как правило, не упоминаются, информацию можно обнаружить либо в визуальных сообщениях блогера (фотографии в социальных сетях), либо в кратком блоке информации о себе.

Однако в ходе попытки определения социально-демографических характеристик блогеров-предпринимателей удалось отметить два интересных факта.

1. Существует связь возраста блогера и контента его канала. Так, каналы блогеров младшего возраста не имеют определенной тематики и представляют собой что-то вроде личного дневника. Чем старше блогер, тем более конкретной становится тематика его канала. Следует отметить, что отсутствие определенной тематики в блоге не уменьшает его популярности, скорее наоборот (к примеру, основными подписчиками блогеров-подростков являются школьники, не имеющие в силу возраста четких областей интересов).

2. В некоторых случаях предпринимательская деятельность не осуществляется лицом, непосредственно ведущим блог, т. е. его «главным героем». Было обнаружено множество популярных блогов, основные действующие лица которых — дети или даже домашние животные. Очевидно, что прямыми получателями дохода они не являются.

Итак, блогинг-предпринимательство в настоящее время довольно молодой, но стремительно развивающийся и специфичный вид бизнеса. Основными достоинствами блогинга являются заинтересованность рекламодателей в развитии этого направления деятельности и автономность предпринимателей. К недостаткам данного бизнеса следует отнести риск быстрой потери аудитории и минимальную возможность восстановления престижа блогера и его канала, а также отсутствие четких юридических норм и правил регулирования такого вида предпринимательства (что нередко рассматривается интернет-предпринимателями как преимущество).

Женский блогинг активно популяризируется, так как совмещает в себе возможности заработка и отсутствия жесткого рабочего графика. Заработок женщины, ведущей блог, иногда эквивалентен заработку женщины, работающей в традиционном бизнесе, и даже превышает его. Можно с уверенностью говорить о том, что темпы роста популярности женского блогинга, несмотря на необходимость регулирования деятельности с юридической стороны, будут продолжать увеличиваться.

Библиографический список

- Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- Бурдые П. Страдания мира, или Новые отверженные // Восток: альманах. 2005. № 1—2. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_816.htm (дата обращения: 12.02.2018).
- Желены М. Труд и досуг // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб.: Питер, 2002. С. 448—457.
- Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда: пер. с фр. / общ. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
- Корсани А. Трансформации труда и его темпоральностей: хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос. 2015. Т. 25, № 3 (105). С. 51—69.
- Пул М. Индустриальные и трудовые отношения // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб.: Питер, 2002. С. 1053—1079.
- Симпсон Б. Законодательство в области занятости // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб.: Питер, 2002. С. 990—1003.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Чилипенко Ю. Ю., Осипова О. С. Современный работник малого и среднего бизнеса как субъект социально-трудовых отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2016. № 1. С. 129—137.
- Asghari R., Gedeon S. Significance and impact of internet on the entrepreneurial process: e-entrepreneurship and completely digital entrepreneurship // Proceedings of the 4th European Conference on Innovation and Entrepreneurship. Academic Publishing International Ltd., 2010. P. 70.
- Hafezieh N., Akhavan P., Eshraghian F. Exploration of process and competitive factors of entrepreneurship in digital space // Education, Business and Society: Contemporary Middle Eastern Issues. 2007. Vol. 4. P. 267—279.
- Lahm R. J. State of the entrepreneurial blogosphere // Entrepreneurial Executive. 2011. Vol. 16. P. 25—34.

References

- Asghari, R., Gedeon, S. (2010) Significance and impact of internet on the entrepreneurial process: e-entrepreneurship and completely digital entrepreneurship, *Proceedings of the 4th European Conference on Innovation and Entrepreneurship*, Academic Publishing International Ltd., p. 70.
- Bauman, Z. (2004) *Globalizatsiia: Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva* [Globalization: Consequences for man and society], Moscow: Ves' mir.
- Bek, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: On the way to another modernity], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Burd'e, P. (2005) Stradaniia mira, ili Novye otverzhennye [Suffering of the world or New outcasts], *Vostok: Al'manakh*, no. 1—2, available from http://www.situation.ru/app/j_art_816.htm (accessed 12.02.2018).
- Chilipenok, Iu. Iu., Osipova, O. S. (2016) Sovremennyi rabotnik malogo i srednego biznesa kak sub'ekt sotsial'no-trudovykh otnosheniĭ [The modern worker of small and medium business as a subject of social and labor relations], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, serii Sotsial'nye nauki, no. 1, pp. 129—137.
- Hafezieh, N., Akhavan, P., Eshraghian, F. (2007) Exploration of process and competitive factors of entrepreneurship in digital space, *Education, Business and Society: Contemporary Middle Eastern Issues*, vol. 4, pp. 267—279.

- Kastel', R. (2009) *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Hkronika naёмного truda* [Metamorphosis of the social issue. Chronicle of wage labor], St. Petersburg: Aleteĭa.
- Korsani, A. (2015) Transformatsii truda i ego temporal'nostei: khronologicheskaiia dezorientatsiia i kolonizatsiia nerabocheho vremeni [Transformations of labor and its temporality: chronological disorientation and colonization of non-working time], *Logos*, vol. 25, no. 3 (105), pp. 51—69.
- Lahm, R. J. (2011) State of the entrepreneurial blogosphere, *Entrepreneurial Executive*, vol. 16, pp. 25—34.
- Pul, M. (2002) Industrial'nye i trudovye otnosheniia [Industrial and labor relations], in: Pul, M., Uorner, M. (eds), *Upravlenie chelovecheskimi resursami*, St. Petersburg: Piter.
- Simpson, B. (2002) Zakonodatel'stvo v oblasti zaniatosti [Legislation in the field of employment], in: Pul, M., Uorner, M. (eds), *Upravlenie chelovecheskimi resursami*, St. Petersburg: Piter.
- Stënding, G. (2014) *Prekariat: novyiĭ opasnyiĭ klass* [Prekaryat: a new dangerous class], Moscow: Ad Marginem Press.
- Zhelyeny, M. (2002) Trud i dosug [Work and leisure], in: Pul, M., Uorner, M. (eds), *Upravlenie chelovecheskimi resursami*, St. Petersburg: Piter.

Статья поступила 02.03.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Чилипенюк Юлия Юрьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, uchilipenok@hse.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Данилова Любовь Сергеевна — преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, ldanilova@hse.ru (Lecturer at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 85—96
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.8

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 85—96
ББК 88.251.13
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.8

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ВОСПРИЯТИЯ ЦИФРОВОГО МИРА
ЖЕНЩИНАМИ ПОКОЛЕНИЙ X, Y, Z**

Л. А. Громова, Л. С. Киселева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, kiseleva-l@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в Санкт-Петербурге с целью установления особенностей восприятия цифрового мира девушками и женщинами различных поколений. Выявлено положительное отношение женщин к проникновению цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности; обозначены наиболее актуальные электронные услуги и сервисы для разных возрастных групп; сформулированы перспективные направления дальнейших исследований, объектом которых являются цифровые пользователи — женщины.

Ключевые слова: цифровое поколение, цифровая трансформация, гендерный аспект, электронные сервисы.

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PERCEPTIONS
THAT X, Y, Z GENERATIONS OF WOMEN
HAVE ON THE DIGITAL WORLD**

L. A. Gromova, L. S. Kiseleva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, kiseleva-l@mail.ru

The article presents the results of an empirical study conducted in Saint Petersburg, Russia. The research aimed at investigation into the features of perceptions women of different generations have on the digital world. The authors revealed the positive attitude of women towards the penetration of digital technologies into all spheres of life; suggested the most relevant electronic services for different age groups; worked out promising areas for further research on digital female users.

Key words: digital generation, digital transformation, gender, electronic services.

Введение

Цифровая трансформация, охватившая в последние десятилетия практически все отрасли и сферы деятельности человека, получила название цифрового переворота, следствием которого стало появление цифровой экономики, способной предоставить высококачественную инфраструктуру информационно-коммуникационных технологий и мобилизовать возможности этих технологий на благо потребителей, бизнеса и государства [Андреева и др., 2018].

Гендерные аспекты информатизации исследовались в рамках значительных проектов европейских и американских ученых (например, *Strategies Inclusion: Gender and Information Society (SIGIS)*, *Pew Internet & American Life Project*). В России изучение гендерных аспектов информатизации пока еще не получило достаточного развития, отсутствует должная координация подобных исследований в рамках целевых проектов, однако отдельные результаты опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, фонда «Общественное мнение» дают некоторое представление о состоянии вопроса. В частности, установлено, что женщины являются более активными коммуникаторами при использовании информационно-коммуникационных технологий, чем мужчины; мужчины чаще, чем женщины, совершают сделки в Сети; и те и другие признают достоинства Интернета как инструмента ведения бизнеса; у мужчин ценится контекст деловой активности, а женщин более привлекает контекст взаимоотношений с родственниками, друзьями, коллегами [Алексеева и др., 2013; Нестик, Солдатова, 2013].

В научных публикациях весьма активно разрабатывается концепт «цифровое поколение», который базируется на теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса и предполагает наличие особых возможностей у представителей поколения Z (сетевое поколение, поколение «цифровых аборигенов») в отношении восприятия и освоения цифрового пространства в связи с тем, что они не видели мир без высоких технологий, без Интернета и предположительно наилучшим образом подготовлены к их эффективному использованию в повседневной жизни [Нечаев, Дурнева, 2016; Трифионов, 2016].

Тема восприятия цифрового мира представителями различных поколений рассматривалась многими российскими и зарубежными учеными, и, несмотря на разницу в терминологии и подходах к определению временных рамок поколений, большинство исследователей пришли к выводу о целесообразности ее изучения, поскольку отличительные черты каждого поколения, во-первых, существуют на самом деле и, во-вторых, должны быть приняты во внимание в контексте профессиональной деятельности, обучения и др. [Биккулов, Сергеева, 2016; Солдатова и др., 2013; Plant, 1998; Young, 2009].

На основе объединения двух аспектов — гендерного и поколенческого — авторы обозначили в качестве цели исследования выявление степени реальных расхождений в восприятии цифрового мира девушками и женщинами поколений X, Y, Z, а также оценку уровня их цифровой грамотности и актуальности используемых ими сервисов, предлагаемых сетью Интернет. Наше исследование сосредоточилось на тех поколениях, которые в настоящее время играют наиболее активную роль в социально-экономической жизни общества либо в ближайшем

будущем начнут определять ее облик. Что касается особенностей взаимодействия с информационно-коммуникационными технологиями людей старших поколений, то они уже становились объектом эмпирических исследований, результаты которых представлены в научной литературе [Биккулов, Сергеева, 2016; Нестик, Солдатова, 2013].

Обзор научной литературы

В настоящее время формируются новые представления о качестве жизни людей в информационном обществе. Качество жизни современного человека все больше зависит от уровня потребления им информационных продуктов и услуг, их доступности и качества [Колин, 2010]. В этой связи актуальными становятся такие понятия, как информационная бедность, информационное неравенство, информационная безопасность. Нередко данные понятия рассматриваются в контексте преодоления цифрового разрыва между поколениями в отношении освоения и использования Интернета [Солдатова, Рассказова, 2015]. Результаты общероссийского научного исследования цифровой компетентности родителей и детей подросткового возраста свидетельствуют о том, что подростки обгоняют родителей по частоте использования Сети. Дети пользуются Интернетом активнее и интенсивнее, чем родители; мобильный Интернет у детей в два раза более популярен, чем у родителей. Выяснилось, что как родители, так и подростки наиболее компетентны в сфере работы с контентом в Сети и наименее компетентны в сфере потребления товаров и услуг через Интернет [Солдатова и др., 2013: 6].

В научной литературе заметное освещение получили возрастные особенности использования цифровых технологий. В частности, среди молодежи в формировании отношения к новым технологиям особенно велика роль удовольствия и положительных эмоций, а у пожилых пользователей стремление к овладению цифровой компетентностью объясняется желанием сохранить собственную автономность, включенность в социальные контакты [Нестик, Солдатова, 2013]. Исследование ученых, проведенное в Северо-Западном регионе России и направленное на диагностику пользовательских практик в группах людей третьего (60+) и четвертого (75+) возрастов, рассматривает мотивы приобщения к компьютеру и показывает связь между его освоением и доверием другим современным технологиям — мобильному телефону и банкомату [Биккулов, Сергеева, 2016]. Результаты данного исследования демонстрируют, что представители старших поколений все больше становятся обычными в положительном смысле этого слова участниками компьютерно-опосредованных коммуникаций и в большинстве своем умеют пользоваться компьютером (85 и 77 % соответственно), причем половина из этого большинства оценивают свои навыки как хорошие [там же: 102].

Одним из аспектов исследовательского интереса являются социальные сети и социально-демографическая структура аудитории сетей. В России структура времяпрепровождения в Интернете по разным источникам свидетельствует о концентрации всех посетителей вокруг всего 10 ресурсов с доминированием социальных сетей — 99,7 % среднесуточной аудитории (*Одноклассники*, *ВКонтакте*, интегрированная с *Mail.ru Газета.ru*) [Голова, 2013]. Женщины

активно вовлечены в цифровой мир, однако не через процесс создания технологий, а через потребление новых медиа (например, ведение блогов, влогов является популярной деятельностью среди молодых женщин) [Wajcman, 2006]. Концепция технофеминизма подчеркивает, что женщины в обязательном порядке должны быть вовлечены в инженерную деятельность по созданию технических инноваций, поскольку для женщин характерна способность нового, выгодного именно для них прочтения технических артефактов. В некоторых научных работах акцентируется внимание на различиях женского опыта использования информационно-коммуникационных технологий, определяемых географическим местом, национальностью, классом, этнической принадлежностью [Comunello et al., 2017; Plant, 1998].

Ряд зарубежных и российских ученых, обращаясь к теме цифрового поколения, отмечают огромный потенциал в изучении данной проблематики, поскольку 30 % молодых людей в мире находятся онлайн в течение последних 5 лет и количество молодежи (15—24 года) в общей численности интернет-пользователей в мире неуклонно возрастает.

Данные и методы

В исследовании, проведенном авторами, ставится вопрос относительно существования различий в восприятии цифрового мира девушками и женщинами поколений X (35—55 лет), Y (18—34 года), Z (до 17 лет). Выбор обусловлен тем, что именно эти поколения в настоящее время заняты в экономике либо готовятся к выходу на рынок труда. Гендерный аспект важен для изучения в свете оценок ряда исследовательских организаций, выявивших различия в использовании средств и возможностей информационно-коммуникационных технологий мужчинами и женщинами.

Сбор данных для исследования был проведен в январе — феврале 2018 г. посредством анкетного опроса. Место проведения исследования — г. Санкт-Петербург. Использовалась невероятностная, квотированная по показателям возраста выборка. Пол всех опрошенных — женский. Общее количество респонденток — 150 человек. Представительницами поколения Z в возрасте от 13 до 17 лет являются в основном девушки — учащиеся школ Санкт-Петербурга, опрос которых проводился в групповой форме по согласованию с классными руководителями и с разрешения родителей. Поколения X и Y представлены студенческой аудиторией, работающими женщинами и женщинами, не занятыми в экономике в момент опроса.

Для анализа результатов мы выделили следующие параметры:

- 1) отношение девушек и женщин к всеобъемлющему проникновению информационных технологий во все сферы жизни человека;
- 2) наиболее актуальные для респонденток сервисы сети Интернет;
- 3) количество времени, проводимого в Сети, и цели такого времяпрепровождения;
- 4) распределение используемых респондентками услуг Интернета в разрезе поколений;
- 5) популярность социальных сетей и мессенджеров среди респонденток;

- б) восприятие влияния Интернета на потребительские предпочтения, образ жизни респонденток;
7) самооценку навыков работы в Сети.

Результаты исследования

В процессе обработки полученных материалов исследования нам удалось выяснить мнение девушек и женщин относительно того, насколько возможен возврат к миру без цифровых технологий (рис. 1).

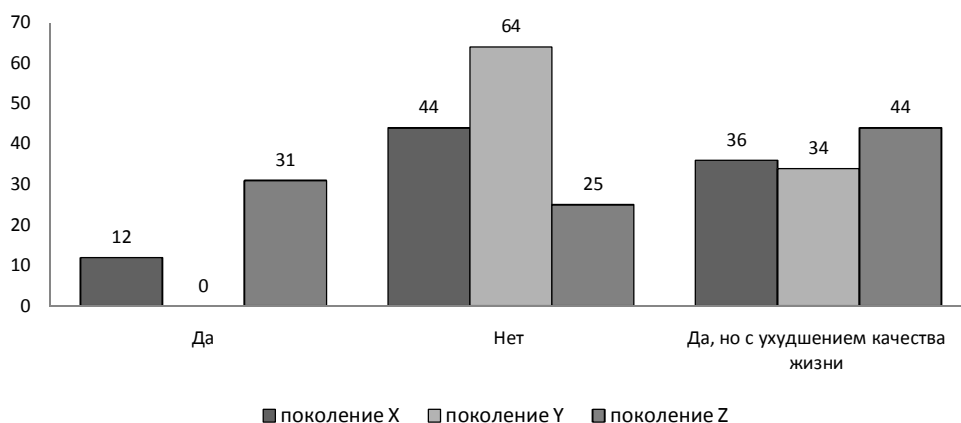

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Возможна ли Ваша жизнь без коммуникативных средств с доступом в Интернет?», %

В настоящее время самую большую приверженность цифровым технологиям демонстрируют представительницы поколения Y, 64 % которых считают, что жизнь без информационно-коммуникационных технологий невозможна. Представительницы всех трех поколений практически в равной мере полагают, что жизнь без данных технологий допустима, однако с ухудшением ее качества. На первый взгляд парадоксальным выглядит тот факт, что треть поколения «цифровых аборигенов» считают возможной жизнь без цифровых технологий, ведь, казалось бы, для детей, не видевших мир без этих технологий, трудно представить их отсутствие. По нашему мнению, такая позиция обусловлена тем, что многие представительницы поколения Z еще не успели по достоинству оценить все возможности, предлагаемые сервисами сети Интернет; это подтверждают их ответы на другие вопросы анкеты.

Подавляющее большинство представительниц всех поколений демонстрируют положительное и скорее положительное, чем отрицательное отношение к тому, что цифровые технологии проникают во все сферы нашей жизни (87 % — поколение Z; 89 % — поколение Y; 81 % — поколение X).

Анализируя распределение наиболее актуальных сервисов для различных поколений, мы обнаружили некоторую специфику (рис. 2).

Лидирующая тройка наиболее важных сервисов для представительниц поколения X — это получение электронных государственных услуг (56,2 %), просмотр видео (56,0 %), социальные сети (50,0 %). Женщины поколения Y важность

сервисов определили следующим образом: социальные сети (96 %), самообразование (67 %), новостные порталы и интернет-магазины (по 62 %). Для представительниц поколения Z важнее всего социальные сети (100 %), просмотр видео (68 %) и использование возможностей Интернета для самообразования (37 %). Интересно, что для девушек в возрасте до 17 лет потребность в общении посредством социальных сетей актуальна на 100 %. При этом и следующее поколение Y (18—34 года) крайне высоко оценивает важность социальных сетей. Именно для представительниц данных поколений становятся актуальными методы получения и распространения информации, образовательные технологии, основывающиеся на возможностях социальных сетей.

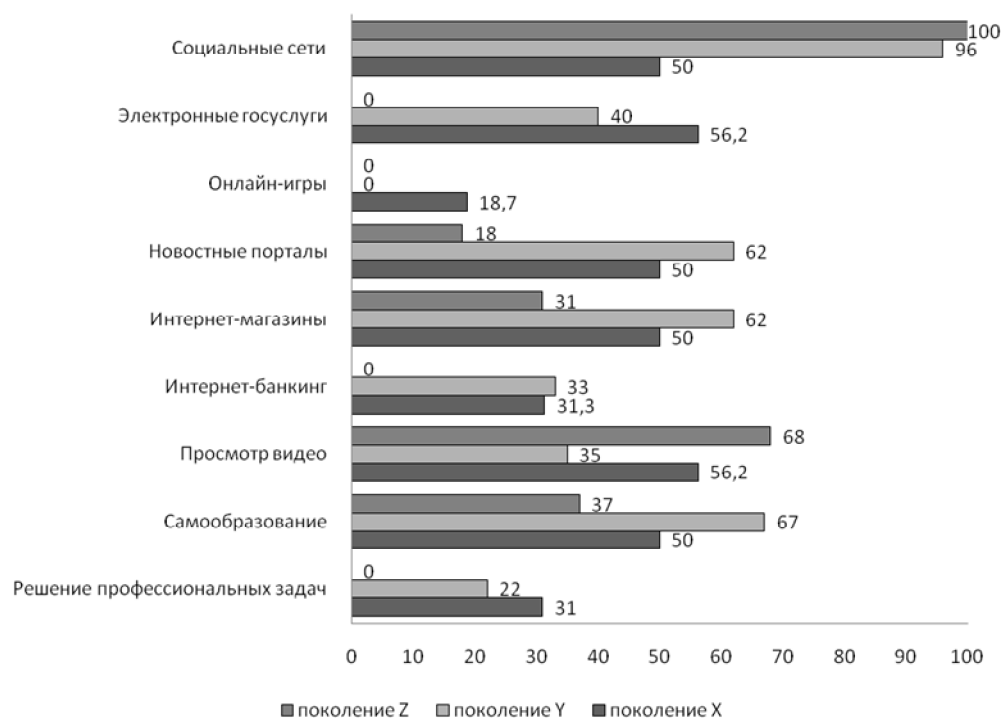

Рис. 2. Наиболее актуальные сервисы сети Интернет для женщин поколений X, Y, Z, %

В таблице представлены услуги, которые востребованы среди представительниц изучаемых поколений (перечень не является исчерпывающим).

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что интенсивное использование различных услуг сети Интернет характерно для женщин поколений X и Y. Отметим некоторые особенности: женщины всех поколений активно используют Интернет для развлечения, отдыха посредством просмотра фильмов, видеороликов на *YouTube*; респондентки всех возрастов пользуются электронной почтой. Различия в потреблении услуг следующие:

— общение с друзьями посредством Сети наиболее актуально для девушек поколений Y и Z (11,4 и 15,0 % соответственно);

— покупки в интернет-магазинах и интернет-банкинг практикуются в основном поколениями X и Y. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что женщины данных поколений зарабатывают деньги и имеют возможность их расходовать;

— примечателен тот факт, что только респондентки поколения Y используют Интернет для самообразования, обучения, что может свидетельствовать о недостаточном освещении в школах возможностей открытых образовательных платформ для изучения отдельных дисциплин представительницами поколения Z.

**Распределение ответов на вопрос
«Какими услугами сети Интернет Вы пользуетесь?», %**

Услуга	Поколение X	Поколение Y	Поколение Z
Покупка товаров (услуг) в интернет-магазинах	9,0	10,2	2,0
Продажа личных вещей на сайтах объявлений	4,5	Н. в. *	3,0
Совместные покупки	1,1	0,2	Н. в.
Передача данных по использованию коммунальных услуг	3,4	2,9	Н. в.
Заказ и получение госуслуг	7,9	7,6	Н. в.
Запись на прием в поликлиники и другие учреждения	6,8	6,7	1,0
Банковские услуги	10,2	11,4	2,0
Системы денежных переводов (PayPal, Qiwi и т. п.)	2,2	3,2	2,0
Общение с друзьями, родственниками	7,9	11,4	15,0
Развлечения (просмотр фильмов, игры)	10,2	10,2	15,0
Электронная почта	12,5	10,8	9,0
Чтение новостей	8,0	9,3	3,0
Участие в форумах, обсуждениях	2,2	1,4	Н. в.
Самообразование, обучение	Н. в.	8,7	Н. в.

* Н. в. — нет выборов.

В нашем исследовании были сформулированы вопросы относительно восприятия Интернета как информационного источника, который может оказать воздействие на потребителя.

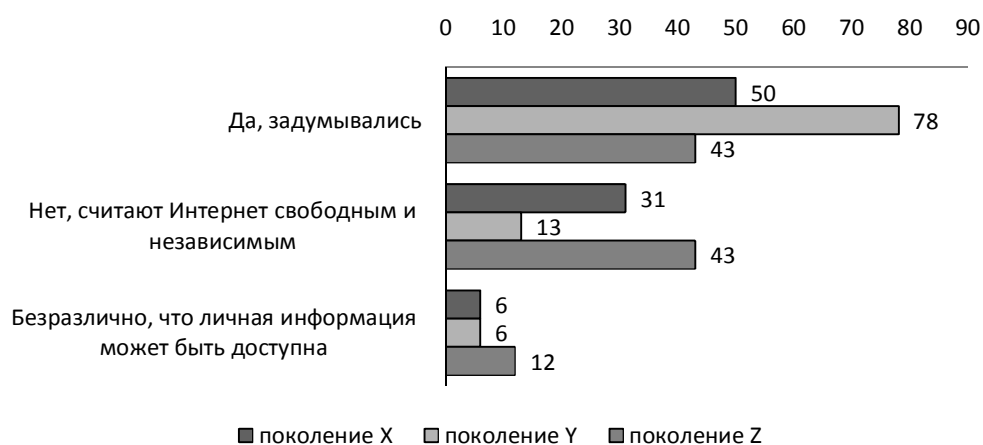

Рис. 3. Ответы на вопрос «Задумываетесь ли Вы над тем, что с помощью Интернета Вам могут навязывать образ жизни, стиль потребления?», %

По данному вопросу мнения респонденток разделились. Половина женщин поколения X задумываются о том, что Интернет способствует навязыванию, подчас скрытому, образа жизни, стиля потребления. 78 % представительниц поколения Y придерживаются такого же мнения. Представительницы поколения Z (43 %) в большей мере, чем другие, считают Интернет свободным и независимым, однако ровно столько же из них задумываются над тем, что посредством Сети могут транслироваться различные идеи.

Еще одна интересная проблема — восприятие самих себя в качестве пользователей Интернета. Респонденткам предлагалось провести самооценку навыков работы в Сети, знания различных приложений, программ. Результаты представлены на рис. 4.

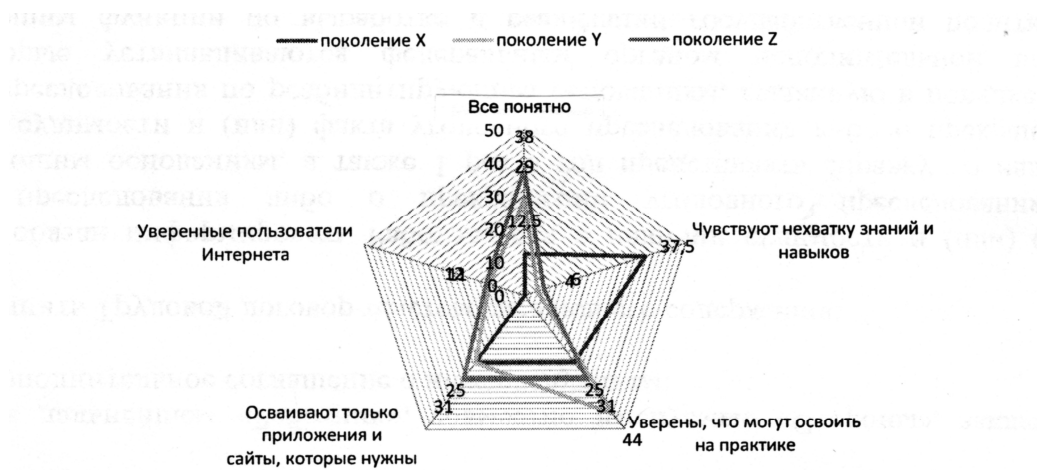

Рис. 4. Самооценка навыков пользования сетью Интернет у женщин поколений X, Y, Z, %

Более трети представительниц сетевого поколения (38 %) считают, что им все понятно в работе приложений, 6 % ощущают нехватку знаний, 75 % полагают, что могут все освоить на практике, и относят себя к уверенным пользователям Интернета. В среде представительниц поколения Y только 11 % заявляют о том, что способны использовать все возможности Сети; 29 % считают, что им все понятно в работе приложений; 4 % ощущают нехватку знаний, 44 % убеждены, что могут все освоить на практике. Среди женщин поколения X никто не относит себя к уверенным пользователям Интернета, 37,5 % ощущают нехватку знаний, 25 % считают, что все могут освоить на практике. Итак, самооценка пользовательских навыков наиболее высокая у представительниц поколения Z, а наиболее низкая у поколения X. Однако нами отмечена корреляция между уровнем образования и оценкой пользовательских навыков: чем выше образование, тем критичнее женщины относятся к своим навыкам.

Заключение

Сравнительный анализ навыков использования возможностей информационно-коммуникационных технологий не обнаружил наличия цифрового разрыва между рассматриваемыми поколениями девушек и женщин. Более того, вопреки предположению о том, что цифровое поколение является самым активным пользователем данных технологий, нам удалось выяснить: в настоящее время наиболее высокую активность проявляют женщины поколения Y (18—34 года), которые используют наибольшее количество сервисов сети Интернет, задействуют в практике наибольшее количество мессенджеров и суммарно проводят в Сети больше времени, чем представительницы поколений X и Z.

Выявленные предпочтения в использовании сервисов сети Интернет позволили констатировать следующее. Для девушек поколения Z цифровой мир пока представляет интерес с точки зрения общения и развлечений, что вполне характерно для подросткового возраста. Для женщин поколения Y, кроме вышеупомянутых возможностей, на первый план выходят интернет-банкинг, электронная почта, покупки в Интернете. Приблизительно такая же структура потребления у респонденток поколения X.

Представительницы поколения X в большей мере (31 %), чем респондентки других поколений, признают, что влияние Интернета на их предпочтения существует. Женщины всех поколений согласны с тем, что частично Интернет оказывает влияние на их взгляды, выборы, потребительское поведение. Представительницы поколения Y (22 %) более, чем женщины других возрастных категорий, убеждены, что на их поведение Интернет не оказывает влияния. Данное положение коррелирует с тем, что именно эти респондентки в большей степени, чем другие, признают Интернет независимым и свободным источником.

Достаточно тревожным фактом мы считаем высокую степень доверия, граничащую с безответственностью, проявляемую девушками поколения Z по отношению к информации в Сети. При этом они открыто заявляют, что Интернет полностью или частично формирует их потребительские предпочтения, оказывает влияние на образ жизни. Такие факты свидетельствуют о необходимости повышения уровня цифровой грамотности у сетевого поколения.

Исследование показало, что целесообразнее говорить о разнообразных группах цифровых пользователей, дифференцированных по многим специфическим признакам (уровень и тип образования, доход, социальный статус, степень доступа к цифровым технологиям), нежели воспринимать поколение детей, родившихся в 2000-х гг., как особенное, с младенчества подготовленное к высокоэффективному использованию возможностей цифрового мира.

Библиографический список

- Алексеева О. А., Ермакова Н. А., Жеребин В. М.* Гендерные аспекты информатизации // *Народонаселение*. 2013. № 2. С. 113—124.
- Андреева Г. Н., Бадалянец С. В., Богатырева Т. Г. и др.* Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения. Н. Новгород: Проф. наука, 2018. 131 с.
- Биккулов А. С., Сергеева О. В.* «Компьютер не роскошь, а средство...»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки*. 2016. № 2 (42). С. 95—103.
- Голова А. Г.* Парадоксы социальных сетей Интернета // *Общество и экономика*. 2013. № 1—2. С. 225—238.
- Коллин К. К.* Информационная культура и качество жизни в информационном обществе // *Открытое образование*. 2010. № 6. С. 84—89.
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У.* Основные модели цифровой компетентности. 2013. URL: <https://istina.msu.ru/download/.../1dXOOj:CG1mx6JxhUsTQKaj7BXL2M3tLnU/> (дата обращения: 02.03.2018).
- Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е.* «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // *Педагогика*. 2016. № 1. С. 36—45.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю.* Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития сети Интернет, 2013. 144 с.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Модели передачи опыта между поколениями при освоении и использовании Интернета // *Вопросы психологии*. 2015. № 2. С. 56—67.
- Трифонов П. В.* Выбор модели поведения лидера-руководителя: (в контексте смены культурных ценностей поколений в XXI веке) // *Управленческие науки*. 2016. № 4. С. 112—118.
- Comunello F., Fernández-Ardèvol M., Mulargia S., Belotti F.* Women, youth and everything else: age-based and gendered stereotypes in relation to digital technology among elderly Italian mobile phone users // *Media, Culture & Society*. 2017. Vol. 39, № 6. P. 798—815.
- Plant S.* Zeros and Ones: Digital Women + the New Technoculture. London: Harper Collins, 1998. 320 p.
- Wajcman J.* Technocapitalism meets technofeminism: women and technology in a wireless world // *Labour & Industry: a Journal of the Social and Economic Relations of Work*. 2006. Vol. 16, № 3. P. 7—20.
- Young K.* The X, Y and Z of generations in schools // *International Journal of Learning*. 2009. Vol. 16, № 7. P. 203—2016.

References

- Alekseeva, O. A., Ermakova, N. A., Zherebin, V. M. (2013) Gendernye aspekty informatizatsii [Gender aspects of informatization], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 113—124.
- Andreeva, G. N., Badal'iants, S. V., Bogatyreva, T. G. et al. (2018) *Razvitie tsifrovoi ekonomiki v Rossii kak kliuchevoi faktor ekonomicheskogo rosta i povysheniia kachestva zhizni naseleniia* [Development of the digital economy in Russia as a key factor in economic growth and improving the quality of life of the population], Nizhny Novgorod: Professional'naiia nauka.
- Bikkulov, A. S., Sergeeva, O. V. (2016) "Komp'iuter ne roskosh', a sredstvo...": vkluchennost' v tsifrovoi mir starshikh vozrastnykh grupp po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniia ["The computer is not a luxury, but a means ...": the inclusion in the digital world of older age groups based on the results of empirical research], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, seriia: Sotsial'nye nauki, no. 2 (42), pp. 95—103.
- Comunello, F., Fernández-Ardèvol, M., Mulargia, S., Belotti, F. (2017). Women, youth and everything else: age-based and gendered stereotypes in relation to digital technology among elderly Italian mobile phone users, *Media, Culture & Society*, vol. 39, no. 6, pp. 798—815.
- Golova, A. G. (2013) Paradoksy sotsial'nykh setei Interneta [Paradoxes of social networks of the Internet], *Obshchestvo i ekonomika*, no. 1—2, pp. 225—238.
- Kolin, K. K. (2010) Informatsionnaia kul'tura i kachestvo zhizni v informatsionnom obshchestve [Information culture and quality of life in the information society], *Otkrytoe obrazovanie*, no. 6, pp. 84—89.
- Nechaev, V. D., Durneva, E. E. (2016) "Tsifrovoe pokolenie": psikhologo-pedagogicheskoe issledovanie problemy ["Digital generation": psychological and pedagogical research of the problem], *Pedagogika*, no. 1, pp. 36—45.
- Plant, S. (1998). *Zeros and Ones: Digital Women + the New Technoculture*, London: Harper Collins.
- Soldatova, G. U., Rasskazova, K. I. (2015) Modeli peredachi opyta mezhdru pokoleniiami pri osvoenii i ispol'zovanii Interneta [Models of transfer of experience between generations in the development and use of the Internet], *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 56—67.
- Trifonov, P. V. (2016) Vybor modeli povedeniia lidera-rukovoditelia: (V kontekste smeny kul'turnykh tsennostei pokolenii v XXI veke) [Choice of the model of behavior of the leader-leader: (In the context of the change of cultural values of generations in the XXI century)], *Upravlencheskie nauki*, no. 4, pp. 112—118.
- Wajcman, J. (2006). Technocapitalism meets technofeminism: women and technology in a wireless world, *Labour & Industry: A Journal of the Social and Economic Relations of work*, vol. 16, no. 3, pp. 7—20.
- Young, K. (2009). The X, Y and Z of generations in schools, *International Journal of Learning*, vol. 16, no. 7, pp. 203—216.

Информация об авторах / Information about the authors

Громова Лариса Алексеевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социального управления, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, gromovala@herzen.spb.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Social Management, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Киселева Людмила Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры социального управления, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, kiseleva-l@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Social Management, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 97—103
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.9

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 97—103
ББК 85.374-43
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.9

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПРОГРАММИСТКИ В КИНОФИЛЬМАХ И СЕРИАЛАХ

О. А. Волкова, Д. В. Босов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия, volkovaoa@rambler.ru

Изложены результаты анализа образа женщины-программистки, представленного в современных кинофильмах. Выявлены тенденции его формирования и трансформации под влиянием западного общества и его идейных трендов. Обозначены векторы развития образа: в американских кинофильмах — маскулинность, в скандинавских — фемининность, в российских — традиционное выполнение гендерных ролей.

Ключевые слова: мейнстрим-кинематограф, визуальные исследования, информационные технологии, девиация.

THE IMAGE OF THE WOMAN-PROGRAMMER IN THE FILMS AND SERIALS

O. A. Volkova, D. V. Bosov

Belgorod State National Research University, Belgorod,
Russian Federation, volkovaoa@rambler.ru

The article presents the results of the analysis of a female programmer image, presented in foreign and Russian movies and serials.

The study was conducted from September 2017 till February 2018. To collect primary data, we used the following methods: content analysis and visual analysis. Analyzed are the specialized sites: *KinoPoisk*, *IMDb*, *Film.ru*. On these sites there are ratings of foreign and domestic films of mainstream cinema and art house. For the processing and analysis of primary data, we used these methods: “commented primary texts”, compilation of comparative tables, discourse interpretation (since the same images can be perceived differently by different people, and the perception itself depends on social and individual characteristics), hermeneutic analysis (because it is important for the study who the customers and producers of movies, viewers are). As a result of sociological analysis, we found the vectors for developing the image of a female programmer: in American films identification with masculinity, in the works of Scandinavian filmmakers — with ideas of independence and equality, in Russian — with the fulfillment of traditional roles. Ideas of feminism are represented in American cinema and especially in the movies of Britain and the Nordic countries. In most foreign films, the programmer’s

---

heroine is an androgynous, asocial, and also a bisexual loner who is unable to follow social norms. In the domestic cinema, the image of a female programmer is represented within the framework of traditional gender roles, regardless of professional affiliation.

Key words: mainstream cinema, visual research, information technology, deviation.

Анализ образа женщины-программистки, который репрезентируется в зарубежных и отечественных фильмах, выступает целью социологического исследования, результаты которого представлены в данной статье. Анализ современной продукции мейнстрим-кинематографа в основном затрагивает жанры и героев. При этом редко изучению подвергаются киногерои, которые представляют определенные профессии, особенно если дело касается лиц женского пола. Следует заметить, что современная кинопродукция, в том числе и сериалы, начинает обращаться к репрезентации профессии (юрист, полицейский, врач, военный и др.) и ее гендерному измерению [Волкова, 2015]. Современные тенденции в массовом кино не обошли и фигуру программиста. В фокусе нашего исследования — образ женщины-программистки в современном мейнстрим-кинематографе.

Методология исследования

Исследование проводилось в период с сентября 2017 г. по февраль 2018 г. Для выявления первичных данных нами использовались такие методы, как контент-анализ и визуальный анализ. Полем их применения оказались широко известные в среде киноманов и кинокритиков сайты *КиноПоиск*, *IMDb*, *Film.ru*, представившие рейтинги зарубежных и отечественных фильмов мейнстрим-кинематографа и арт-хауса. Для того чтобы обработать и проанализировать первичные данные, был применен метод комментированных первичных текстов, а также методы составления сравнительных таблиц, дискурсивной интерпретации (известно, что одни и те же образы зачастую могут восприниматься по-разному и само восприятие находится в зависимости от различных социальных и индивидуальных характеристик), герменевтический анализ (для исследования, несомненно, важны заказчики и производители кинофильмов, изучение зрительской аудитории, обнаружение стереотипов и эмоций и пр.).

Результаты исследования

Результаты изучения обозначенной тематики показали, что профессия программиста в кино, в соответствии с небезызвестным тезисом К. Маркса, продемонстрировала вполне закономерное отставание форм сознания от бытия. В реальности сама профессия существовала уже в 1970-х гг., в то время как в кинематографе она впервые получила отражение в середине 1980-х гг. В процессе становления образ программиста в кинофильмах обрел свой набор стереотипов. Это — человек-одиночка, который живет в своем информационном мире, замкнут, склонен к асоциальному, аддиктивному и делинквентному поведению (т. е. ко всем видам девиантного поведения). Нередко он позиционируется в качестве борца с системой, олицетворяющей стремление к тотальному контролю,

воплощению полицейского государства. По сути, программист идеологически тяготеет к анархизму, откровенно недолюбливая государственные структуры, критикуя и осмеивая их. Естественно, что у такого киногероя имеются проблемы в общении с правоохранительными, военными, разведывательными и антитеррористическими структурами, стоящими на страже безопасности государства и охраны порядка.

В гендерном ракурсе репрезентация образа профессионала-программиста дифференцируется так: первые мужские персонажи появляются в середине 1980-х гг., женские — позже, в середине 1990-х гг. Составляющие стереотипного восприятия программиста-мужчины почти без изменений перекочевали в арсенал образного восприятия женщины-программистки. Первые зафиксированные яркие образы женщины-программистки отмечены в западном мейнстрим-кинематографе в таких известных фильмах, как: «Хакеры» (1995, США, реж. И. Софтли, в главной роли женщины-хакера А. Джоли), «Сеть» (1995, США, реж. И. Уинклер, в главной роли женщины-исследователя и программистки С. Буллок), «Золотой глаз» (1995, США — Великобритания, реж. М. Кэмпбелл, в главной роли программистки и спутницы Джеймса Бонда И. Скорупко), «Опасная правда» (2001, США, реж. П. Хауит, в главной роли Р. Ли Кук) и др.

В 2000-х гг. образ женщины-программистки неизбежно появляется и в сериалах, например: «Сеть» (1998—1999, США, реж. П. Делуиз, С. Полин, Дж. Чарльстон и др., в главной роли программистки Б. Лэнгтон), «Шпионка» (2001 — 2006, США, реж. К. Олин, Л. Триллинг, Дж. Бендер и др., в главной роли программистки и сотрудницы спецслужб Дж. Гарнер), «24 часа» (2001—2010, США, реж. Дж. Кассар, Б. Тернер, М. Чейлов и др., в главной роли хакера и сотрудницы контртеррористического отдела К. Сакхофф), «Сверхъестественное» (2005—2017, США, реж. Р. Сингер, Ф. Стриккиа, Дж. Шоултер и др., в главной роли программистки и активного участника борьбы с нечистью Ф. Дэй), «Мыслить как преступник» (2005—2017, США, реж. Г. Кершоу, Ф. Э. Алькала, Э. А. Бернеро и др., в главной роли программистки-аналитика ФБР и бывшего хакера К. Вангснесс), «Менталист» (2008—2015, США, реж. К. Лонг, Э. Ланнэвилль, Дж. Шоултер и др., в главной роли сотрудницы ФБР и программистки А. Ригетти), «Миллениум» (2010, Швеция, Германия, Норвегия, Дания, реж. Д. Альфредсон, Н. А. Оплев, в главной роли хакера-феминистки Н. Рапас).

Женщина-программистка присутствует в различных киножанрах, в особенности в боевике, триллере, фантастике, детективе. Реже она встречается в комедиях, приключениях, в жанре мистики, в хорроре. Этот образ почти не представлен в музыкальном, историческом, биографическом жанрах, в фэнтези, вестерне, т. е. во всех тех киножанрах, которые апеллируют к прошлому.

На первых порах образ женщины-программистки был связан с второстепенными ролями в различных киножанрах, в первую очередь в боевиках, триллерах и фантастике — жанрах, в которых он чаще всего встречается. Особенно это прослеживается в таких кинофильмах, как «Хакеры», «Сеть» и «Золотой глаз». Боевик, который чаще всего позиционируется как киножанр для мужской аудитории, сам по себе требовал воплощения схемы, в которой мужчина — главный герой, а женщина играет вторые роли и порой выступает в качестве

носителя проблем, которые мужской персонаж обязан и вынужден разрешать (похищение, шантаж, шпионаж, традиционное манипулирование женщиной как жертвой в руках злодея в момент кульминации). Наиболее ярким показателем такой схемы выступает фильм «Золотой глаз», являющийся составной частью киновбондианы.

Любопытен тот факт, что женщина-программистка в англоязычном, в особенности западноевропейском, кино начиная с 2000-х гг. становится носителем феминистической идеологии. И здесь чувствуется влияние жанров мелодрамы и ромкома. Эталон продвижения подобной идеологии — нашумевший в свое время американский сериал «Секс в большом городе» (1998—2004, США, реж. М. П. Кинг). Д. Грехен в статье «Музей противоестественности: мужчины-фрики в “Сексе в большом городе”» выявляет в сериале репрезентацию мужчин как фриков, обладающих отклонениями психического, физического и психосексуального характера [Обсуждаем... , 2006].

С появлением персонажа цикла романов и кинофильмов Лисбет Саландер, героини-хакера, созданной С. Ларссоном (дословный перевод названия книги «Девушка с татуировкой дракона» — «Мужчины, которые ненавидят женщин»), предпринимается продвижение данной идеологии в кинофильмах и сериалах, где героиня представляла мир программистов. Большинство их персонажей-мужчин оказались воплощением садизма и насилия. См., например, фильмы «Девушка с татуировкой дракона» (2009, триллер, криминал, Швеция, Дания, Германия, Норвегия, реж. Н. А. Оплев, в главной роли Н. Рапас; 2011, США, реж. Д. Финчер, в главной роли Р. Мара), «Девушка, которая играла с огнем» (2009, Швеция, Дания, Германия, реж. Д. Альфредсон, в главной роли Н. Рапас), «Девушка, которая взрывала воздушные замки» (2009, триллер, криминал, Швеция, Дания, Германия, реж. Д. Альфредсон, в главной роли Н. Рапас) и сериал «Миллениум» (2010, триллер, Швеция, реж. Н. А. Оплев, в главной роли Н. Рапас). Лисбет Саландер выступает в качестве героини, целью которой является осуществление миссии мщения всем тем представителям мужского пола, которые издеваются над женщинами. При этом ряд зарубежных исследователей описывают героиню как андрогинную, асоциальную, бисексуальную одиночку, которая неспособна следовать социальным нормам [Peele, 2011].

О С. Ларссоне как убежденном феминисте заявляет и его супруга Е. Габриэльссон в книге «Миллениум, Стиг и я»: «“Миллениум” представляет собой настоящую энциклопедию всех форм насилия и дискриминации, которым подвергаются женщины... в трилогии “Миллениум” женщинам принадлежат ведущие роли. Разного возраста, различных характеров и профессий, все они также упрямы и целеустремленны до одержимости...» [Габриэльссон, Коломбани, 2011, 105]. В 2010 г. шведский сериал «Миллениум» был удостоен премии «Драма года» на шведской телевизионной церемонии вручения наград «Kristallen», а в 2011 г. — премии «Эмми» в категории «ТВ-фильмы/минисериалы». (Стоит отметить, что идеи феминизма представлены не столько в кино США, сколько в фильмах и сериалах Великобритании и стран Северной Европы.)

Данные тенденции в западном кино прослеживаются в репрезентации образа не только женщины-программистки, но и женщины-профессионала вообще. Ярким примером может служить нашумевший сериал «Падение» (2013—2015,

криминальная драма, британско-ирландский сериал, реж. А. Кабитт, в главной роли Дж. Андерсон), в котором мужчины представлены в виде слабых личностей и серийный маньяк-мужчина воплощает идеологию маскулинности, в то время как следователь-женщина — явный приверженец феминистической идеологии, впрочем, как и ее помощницы.

Американский сериал «Мистер Робот» (2015—2017, США, технотриллер, реж. С. Исмаил, в главных ролях Р. Малек и К. Чаикин), который является критическим дискурсом, посвященным губительной деятельности олигархических структур и корпоративного управления миром в духе теорий конспирологии, также представляет образ женщины-программистки, сестры главного героя Дарлин, эксцентричной особы. Она активный участник хакерской и нелегальной революционной организации «FSociety», что не мешает ей демонстрировать всем свою независимость и отказ от ценностей традиционного плана, в том числе таких, как семья и брак.

В российском фильме «Хоттабыч» (2006, Россия, реж. П. Точилин, в роли айтишницы М. Липнер) подчеркнуто независимое поведение женщины из мира программирования объясняется тем, что она, по сути, является иностранкой и гражданкой зарубежной страны, чем, несомненно, подчеркивается ее неспособность вписаться в систему традиционных ролей. Следует признать, что в отечественном мейнстрим-кинематографе образ женщины-программиста, без сомнения, отражен недостаточно, что объясняется, по-видимому, той же причиной: «ЧОП» (2015—2016, Россия, реж. М. Соловьёв, в роли айтишницы Т. Рыбинец) и др. В целом, в отличие от западного кино, в отечественной продукции мейнстрим-кинематографа образ женщины-программистки представлен именно в рамках традиционных гендерных ролей [Босов, 2015].

Выводы и предложения

В результате осуществления комплексного социологического анализа обнаружены следующие векторы развития образа женщины-программистки в кинофильмах и сериалах: в американских кинокартинах — маскулинность, в работах скандинавских кинопроизводителей — идеи независимости и равенства, в отечественных — выполнение ролей в традиционных рамках. Идеи феминизма представлены не столько в американском кино, сколько в кинофильмах Великобритании и стран Северной Европы (Швеция, Дания, Норвегия).

В ракурсе гендерного измерения репрезентация образа профессионала-программиста подчиняется следующей дифференциации: первые мужские персонажи выявляются в середине 1980-х гг., женские — позднее, в середине 1990-х гг.

Составляющие обыденного стереотипного восприятия образа программиста-мужчины в кино (тяготение в идеологическом плане к анархизму, неприкрытое недоверие и близкое к протестному отношение к структурам власти, девиантное и нередко делинквентное поведение, ургентная зависимость, замкнутость и отчужденность, неустроенная личная жизнь, отсутствие детей и семьи) практически без изменений переключались в арсенал восприятия образа женщины-программистки.

Образ женщины-программистки обнаруживается в различных киножанрах, в первую очередь в боевиках, триллерах, фантастике, детективах. Гораздо реже он встречается в жанрах комедийном, приключенческом, мистическом, в хорроре. Образ почти не получает представления в музыкальном, историческом, биографическом жанрах, а также в фэнтези и вестерне, т. е. во всех тех жанрах кино, которые осуществляют апелляции к прошлому.

Ряд зарубежных исследователей указывают на новую героиню-программистку как на андрогинную, асоциальную, а также бисексуальную одиночку, которая неспособна следовать социальным нормам. В целом, в отличие от западного кино, в отечественной продукции мейнстрим-кинематографа образ женщины-программистки представлен именно в рамках традиционных гендерных ролей.

Предложения для решения исследуемой нами проблемы связаны не столько с репрезентацией женского образа программистки-профессионала, сколько с его восприятием аудиторией. В ходе дальнейших научных исследований мы полагаем целесообразным осуществлять разработки, которые связаны с расширением социологического инструментария, применяемого при анализе кинофильмов и сериалов. В контексте практической деятельности мы предлагаем в рамках детских и молодежных кино клубов использовать разнообразные методы по профилактике и коррекции негативного воздействия мейнстрим-кинематографа на ценностные ориентации тинейджеров и молодежи. В данной работе целевой группой являются подростки и молодые люди, так как они в наибольшей степени могут быть подвержены влиянию идеологии и социальных ценностей, которые заложены в кинофильмах.

Библиографический список

- Босов Д. В.* Отечественный мейнстрим-кинематограф и студенческая молодежь // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2 (62). С. 7—11.
- Волкова О. А.* Лингвосоциальный анализ иллюстрированных подарочных карточек (на примере политики в сфере трудовых отношений) // Актуальные проблемы общества, науки и образования: современное состояние и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, 29—30 января 2015 г. / под ред. Ю. В. Фурмана, В. А. Озеровой, Е. Г. Шатохиной. М.: Перо, 2015. С. 56—60.
- Габриэльссон Е., Коломбани М. Ф.* Миллениум, Стиг и я. М.: Эксмо, 2011. 224 с.
- Обсуждаем «Секс в большом городе» / под ред. К. Акасс, Дж. Маккейб. М.: Ад Маргинем, 2006. 320 с.
- Peele S. J. D.* The World's — and My — Love Affair with Lisbeth Salander. Lisbeth Salander — a misfit — may be the most beloved figure in the world. 2011. URL: <http://www.psychologytoday.com/blog/addiction-in-society/201112/the-worlds-and-my-love-affair-lisbeth-salander> (дата обращения: 09.04.2018).

References

- Akass, K., Makkeib, D. (eds) (2006) *Obsuzhdaem "Seks v bol'shom gorode"* [Discuss "Sex and the City"], Moscow: Ad Marginem.
- Bosov, D. V. (2015) Otechestvennyĭ meĭnstrim-kinematograf i studencheskaia molodezh [Domestic mainstream cinema and student youth], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 2 (62), pp. 7—11.
- Gabriĕl'sson, E., Kolombani, M. F. (2011) *Millenium, Stig i ia* [Millenium, Stig and I], Moscow: Ėksmo.
- Volkova, O. A. (2015) Lingvopsikhosotsial'nyĭ analiz illiustrirovannykh podarochnykh kartochek: (Na primere politiki v sfere trudovykh otnosheniĭ) [Lingvo-psycho-social analysis of illustrated gift cards: (On the example of the policy in the sphere of labor relations)], in: Furman, Iu. V., Ozerova, V. A., Shatokhina, E. G. (eds), *Aktual'nye problemy obshchestva, nauki i obrazovaniia: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia: Materialy II Mezhdunarodnoĭ nauchno-prakticheskoi konferentsii, 29—30 ianvaria 2015*, Moscow: Pero, pp. 56—60.

Статья поступила 13.05.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, volkovaoa@rambler.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

Босов Дмитрий Вячеславович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, dimabw@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 104—115
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.10

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 104—115
ББК 88.571
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.10

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ
В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

М. Ю. Малкина, Д. Ю. Рогачев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, mmuri@yandex.ru

Изучается взаимосвязь финансовой грамотности в сфере использования цифровых технологий и личностных характеристик российских студентов с акцентом на гендерный аспект проблемы. Исследование проведено на основе данных опроса студентов экономических специальностей ННГУ. Обнаружен в среднем более низкий уровень финансовой грамотности у девушек по сравнению с юношами, а также разное гендерное распределение таких характеристик, имеющих отношение к поведению в финансовой сфере, как доверчивость, расточительность, склонность к риску, к нелегитимным действиям, новаторству и оптимизм. С использованием метода Варда выявлены кластеры юношей и девушек, отличающихся уровнем данных характеристик и их внутренними корреляциями. В результате установлены связи между финансовой грамотностью, комплексом личностных характеристик и возможными типами финансового поведения девушек и юношей, определены направления работы со студентами разных поведенческих групп.

Ключевые слова: цифровые технологии, финансовая грамотность, свойства личности, взаимосвязь, гендер, студенческая молодежь.

**INTERRELATION OF FINANCIAL LITERACY
IN THE SPHERE OF DIGITAL TECHNOLOGIES
WITH PERSONAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN STUDENTS:
THE GENDER ASPECT**

M. Yu. Malkina, D. Yu. Rogachev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
mmuri@yandex.ru

We study the relationship of financial literacy in the sphere of using digital technologies with the personal characteristics of Russian students with an emphasis on the gender aspect of this problem. The research is based on the data collected through the sociological survey of students of majoring in Economics of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia. As a result, a low level of financial literacy in application of digital technologies was

found for both genders, but financial illiteracy turned out to be higher for girls than for boys. Such personal characteristics as gullibility, extravagance and optimism appeared to be more pronounced for girls, whereas risk appetite, propensities to innovations and illegal actions were more characteristic of boys. By means of the Ward method implemented in SPSS, four clusters of boys and five clusters of girls were distinguished, which differed in the level of financial literacy and other personal characteristics, as well as in their internal correlations. Based on the description of each cluster, the possible types of financial behavior of girls and boys were characterized, and the directions of educational work with students belonging to different behavioral groups, were identified.

Key words: digital technologies, financial literacy, personal characteristics, interaction, gender, student youth.

Постановка проблемы и обзор исследований

В век научно-технического и, как результат, цифрового прогресса люди ежедневно сталкиваются с безналичным приемом платежей, осуществлением бесконтактных транзакций, электронной коммерцией и дистанционным банкингом. Для квалифицированной работы с системами цифровых технологий пользователи должны обладать высоким уровнем финансовой грамотности. Финансовая грамотность формируется уже в молодом возрасте, а обучение соответствующим технологиям должно сопровождаться формированием правильного восприятия данных технологий и культуры их использования.

В то же время финансовая грамотность является лишь одним из драйверов финансового поведения человека. Во взаимодействии с другими характеристиками личности она может приводить к разным типам поведения и разным финансовым результатам. Взаимодействие финансовой грамотности с личностными характеристиками полов неизбежно приобретает гендерный оттенок.

В современных исследованиях уделяется определенное место изучению взаимосвязи финансовой грамотности и личностных характеристик, а также влияния гендерных различий на финансовое поведение людей.

Например, в работе [Sayinzoga et al., 2016] показано, что после серии обучающих семинаров для мелких фермеров их финансовая грамотность повысилась, а также изменилось финансовое поведение: увеличились сбережения и заимствования с целью открытия новых видов деятельности.

В исследовании [Dinkova et al., 2016] на основе изучения финансового поведения супружеских пар в Голландии сделан вывод, что процесс принятия решения о расходах оказывается более уравновешенным в тех семьях, где у женщин наблюдается более высокий уровень финансовой грамотности. Это объясняется разным отношением мужчин и женщин к риску и их разной склонностью к расточительности.

Отдельные исследования посвящены выявлению различий между уровнями финансовой грамотности у представителей обоих полов для разных возрастных категорий (см., напр.: [Rinaldi, 2017]). В периодических опросах OECD PISA 2012 г. [OECD, 2014] и 2015 г. [OECD, 2017], посвященных поведению студентов, в некоторых странах (Бельгия, Италия, Испания и др.) обнаружено существенное превышение уровня финансовой грамотности у юношей по сравнению с девушками.

В других странах, напротив, девушки показали более высокий уровень грамотности (Латвия, Словения, Израиль). Заметим, что в России разница в уровнях грамотности студентов обоих полов в опросах OECD PISA оказалась несущественной. В других работах были обнаружены более высокие результаты тестов финансовой грамотности у мужчин по сравнению с женщинами во взрослой возрастной группе [Lusardi, Mitchell, 2008, 2011].

Сравнительный анализ уровней финансовой грамотности в США, Нидерландах и Германии показал, что в целом финансовая грамотность выше у мужчин [Bucher-Koepen et al., 2017]. Однако для возрастной группы 36—50 лет в США и для возрастной группы старше 50 лет в Германии наблюдается более низкий разрыв между уровнями грамотности мужчин и женщин. Один из выводов авторов также состоял в том, что женщины в большей степени склонны признавать недостаток имеющихся у них знаний, что помогает им успешно проходить программы финансового образования. В исследовании [Clark et al., 2006] было обнаружено, что женщины после семинара быстрее меняют свое поведение по сравнению с мужчинами.

В работе [Bannie, Neubert, 2016] на основе результатов опроса 2047 немецких домохозяйств сделан вывод, что для сокращения гендерного разрыва в осуществлении стандартных инвестиций необходимо повысить уровень как фактической, так и воспринимаемой грамотности у женщин, влияющей на их склонность к риску. Похожее исследование, посвященное оценке фактической и воспринимаемой финансовой грамотности, осуществили [Allgood, Walstad, 2016]. Его авторы провели анализ большого национального опроса в США по следующим финансовым темам: кредитные карты, инвестиции, займы, страхование и финансовое консультирование. Исследователи пришли к выводу, что именно комбинация фактической финансовой грамотности и ее самооценки оказывает влияние на принятие решений и поведение в финансовой сфере.

Некоторые авторы выдвигают альтернативные объяснения гендерных разрывов в финансовых знаниях. Так, [Boggio et al., 2014] предполагают, что препятствием для приобретения финансовых знаний может стать язык общения, поскольку в финансовой сфере используются слова и метафоры, более типичные для мужских сфер взаимодействия. По мнению исследователей, для обучения женщин эффективны программы, которые используют более фемининный тип общения.

В работах российских авторов, например П. М. Козыревой, финансовая грамотность рассматривается во взаимосвязи с социально-экономической адаптацией личности [Козырева, 2012]. В то же время Л. И. Ниворожкина и Т. Г. Синявская показывают совместное влияние уровня финансовой грамотности, склонности к риску и способности выявлять подозрительные финансовые сделки на вероятность вовлечения клиентов финансовых институтов в противоправные схемы [Ниворожкина, Синявская, 2012]. Исследование Е. Р. Мясищевой и В. С. Насимовой выявило положительное влияние уровня финансовой грамотности на степень доверия финансовым институтам, что особенно важно в условиях кризиса [Мясищева, Насимова, 2017].

Настоящая статья является продолжением нашей предыдущей работы [Malkina, Rogachev, 2017], посвященной влиянию личностных характеристик в совокупности с уровнем финансовой грамотности на предполагаемые модели

финансового поведения российских студентов. Данное исследование касается конкретного аспекта финансовой грамотности, связанного с владением цифровыми технологиями в финансовой сфере. Также мы расширяем спектр оцениваемых характеристик студентов. Цель работы — выявление гендерных различий как в уровнях финансовой грамотности студентов в сфере использования цифровых технологий, так и в ожидаемых моделях поведения, формируемых под влиянием взаимодействия уровня грамотности и личностных характеристик студентов.

Методология исследования и базы данных

Для достижения поставленной цели был проведен опрос среди студентов дневной формы обучения экономических специальностей Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Анкетированием было охвачено 420 студентов в возрасте от 17 до 26 лет (средний возраст составил 19,6 лет), из них 29,3 % юношей и 70,7 % девушек.

Анкета включала две содержательные части и личный блок. Первая содержательная часть анкеты состояла из 18 вопросов, оценивающих уровень знаний и умений студентов в области применения цифровых технологий в финансовой сфере. Вторая содержательная часть анкеты касалась выявления личностных характеристик студентов, имеющих непосредственное отношение к поведению в финансовой сфере, таких как: уровень доверчивости, склонность к расточительности, склонность к нелегитимным действиям, предпочтение риска, склонность к новаторству и уровень оптимизма. В этой части респонденты высказывали мнения по шкале от 1 (категорически не согласен) до 5 (полностью согласен). В процессе обработки результатов суммарные оценки по каждому блоку нормировались по шкале от 1 до 5.

Уровень доверчивости выявлялся на основе ответов на вопросы типа: «Я считаю, что большинству людей можно доверять», «При оформлении банковской услуги, в которой я не разбираюсь, я доверюсь мнению банковского работника» и др. *Склонность респондентов к расточительности* и их психологическая предрасположенность к расходованию денег оценивались посредством выяснения отношения к следующим утверждениям: «Трата денег поднимает мне настроение», «Неожиданная премия — отличный способ развлечься» и др. Для оценки *склонности к нелегитимным действиям* и неформальным практикам задавались вопросы типа: «В случае ошибки кассира в Вашу пользу иногда можно промолчать», «Я готов работать в организации, которая будет выплачивать “зарплату в конверте”» и др.

Вопросы, посвященные оценке *склонности к риску*, звучали следующим образом: «Я готов рискнуть месячным доходом ради возможности получения суммы в 10 раз больше», «Я готов выбирать временные подработки с высоким доходом вместо постоянной работы с невысокой, но гарантированной зарплатой». *Склонность респондентов к новаторству* выявлялась через их стремление попробовать новые продукты, готовность следить за их рекламой, самостоятельность при формировании отношения к ним. *Уровень оптимизма* респондентов определялся на основе прямых и косвенных вопросов, определяющих отношение к жизни, себе, своему окружению.

Результаты исследования и их обсуждение

Оценки, полученные по первой части анкеты, определяющей знания, умения и навыки респондентов в сфере цифровой экономики, явно свидетельствуют о более высоком уровне финансовой грамотности у юношей по сравнению с девушками.

При ответах на вопросы, выявляющие умение обращаться с функционалом банковских карт, а также частоту использования карт в повседневной жизни, юноши в среднем набрали 2,76 баллов, девушки — 2,63 балла. Умение пользоваться электронными кошельками, оплатой покупок через Интернет, а также понимание принципа действия бесконтактных платежей было оценено в 3,19 баллов у юношей и в 2,45 баллов у девушек.

Вопросы, касающиеся современных технологий блокчейна и предназначения криптовалют, вызвали наибольшее затруднение у студентов. Однако и здесь юноши проявили в среднем большую осведомленность. Уровень знаний современных технологий блокчейна оценивается в 1,65 баллов у юношей и в 1,27 баллов у девушек; понимание предназначения криптовалют и наличие навыков использования современного интернет-трейдинга — в 2,40 баллов у юношей и в 1,91 балл у девушек.

Распределение средних оценок, выявляющих личностные характеристики девушек и юношей (вторая содержательная часть анкеты), представлено в таблице 1.

Таблица 1

Средние оценки выявленных характеристик, баллы

Характеристика	Девушки	Юноши
Доверчивость	3,05	2,91
Расточительность	3,48	3,32
Склонность к нелегитимным действиям	3,11	3,24
Склонность к риску	3,21	3,42
Склонность к новаторству	3,32	3,39
Оптимизм	4,13	3,99
Финансовая грамотность	2,32	2,65

В целом полученные данные свидетельствуют о преобладании у респондентов такой характеристики, как оптимизм. Наименее выраженным оказалось свойство доверчивости. При этом обнаружены заметные гендерные различия в распределении характеристик. Девушкам в большей степени, чем юношам, свойственны доверчивость, расточительность и оптимизм. Юноши, кроме более высокого уровня финансовой грамотности, продемонстрировали несколько повышенную склонность к риску, новаторству и нелегитимным действиям.

На основе расчета коэффициентов корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена были определены взаимосвязи между характеристиками девушек и юношей (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Корреляционная матрица для девушек

Характеристика	Доверчивость	Расточительность	Склонность к нелегитимным действиям	Склонность к риску	Новаторство	Оптимизм
Доверчивость	1,00	–	–	–	–	–
Расточительность	0,20 (0,18)	1,00	–	–	–	–
Склонность к нелегитимным действиям	0,19 (0,19)	0,18 (0,17)	1,00	–	–	–
Склонность к риску	0,12 (0,09)	0,25 (0,23)	0,37 (0,35)	1,00	–	–
Новаторство	0,14 (0,17)	0,20 (0,20)	0,12 (0,12)	0,25 (0,24)	1,00	–
Оптимизм	–0,01 (0,01)	0,08 (0,10)	–0,10 (–0,09)	–0,05 (–0,04)	0,06 (0,07)	1,00
Грамотность	0,05 (0,02)	0,06 (0,06)	0,02 (0,02)	0,14 (0,14)	0,20 (0,20)	0,04 (0,02)

- Примечания: 1. Используются коэффициенты корреляции Пирсона.
2. В скобках показаны значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.
3. Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$.

Таблица 3

Корреляционная матрица для юношей

Характеристика	Доверчивость	Расточительность	Склонность к нелегитимным действиям	Склонность к риску	Новаторство	Оптимизм
Доверчивость	1,00	–	–	–	–	–
Расточительность	0,31 (0,30)	1,00	–	–	–	–
Склонность к нелегитимным действиям	–0,05 (–0,07)	0,22 (0,20)	1,00	–	–	–
Склонность к риску	0,09 (0,10)	0,35 (0,38)	0,25 (0,22)	1,00	–	–
Новаторство	0,08 (0,08)	0,38 (0,37)	–0,01 (–0,27)	0,25 (0,21)	1,00	–
Оптимизм	–0,01 (0,01)	–0,08 (–0,06)	–0,11 (–0,11)	–0,05 (–0,01)	0,01 (0,06)	1,00
Грамотность	–0,06 (–0,08)	0,09 (0,08)	0,08 (0,07)	0,08 (0,07)	0,16 (0,15)	0,02 (–0,01)

- Примечания: 1. Используются коэффициенты корреляции Пирсона.
2. В скобках показаны значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.
3. Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$.

В корреляционной матрице для девушек (табл. 2) можно выделить положительную связь между склонностью к риску и к нелегитимным действиям. В матрице для юношей (табл. 3) наблюдается положительная тройственная взаимосвязь между склонностью к риску, к новаторству и к расточительности.

Ввиду неоднородности выборки далее решалась задача ее кластеризации с целью выявления типов поведения. На основе метода Варда (реализованного с использованием ППП SPSS) выделены 4 кластера юношей и 5 кластеров девушек, отличающихся набором личностных характеристик респондентов и степенью их цифровой грамотности в финансовой сфере. Также кластеры отличаются взаимодействием личностных характеристик — друг с другом и с уровнем грамотности.

Далее представлено подробное описание полученных кластеров девушек (рис. и табл. 4).

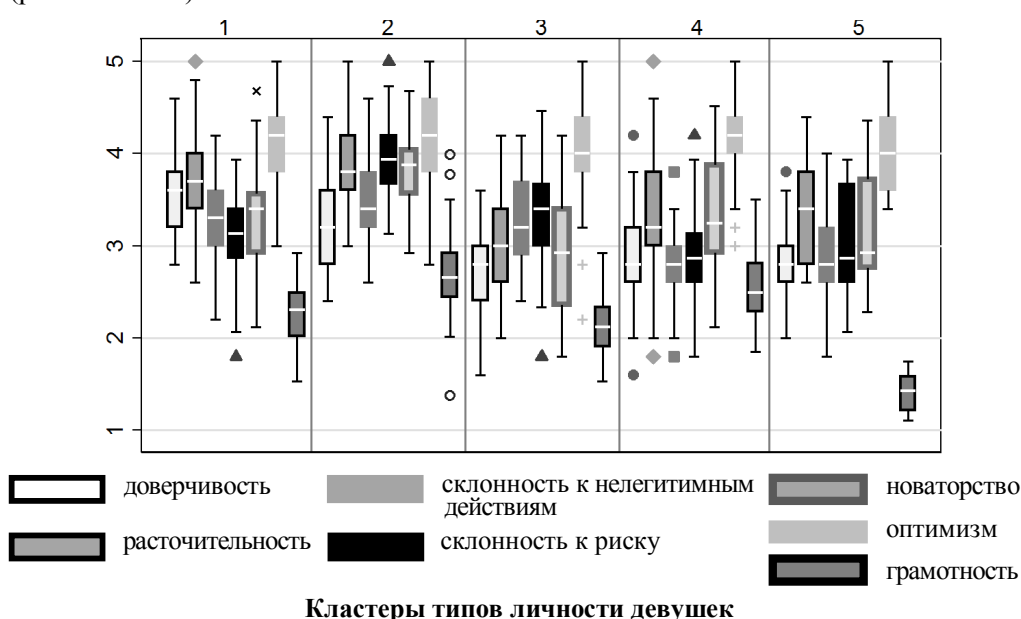

Таблица 4

**Коэффициенты корреляции уровня грамотности
и других персональных характеристик в кластерах девушек**

№ кластера	Доверчивость	Расточительность	Склонность к нелегитимным действиям	Склонность к риску	Новаторство	Оптимизм
1	0,16 (0,11)	-0,38 (-0,42)	-0,02 (0,03)	-0,09 (-0,11)	-0,01 (-0,05)	-0,36 (-0,4)
2	0,01(-0,08)	-0,09 (-0,01)	-0,15 (-0,02)	-0,09 (-0,09)	-0,05 (0,06)	-0,13 (-0,07)
3	-0,25 (-0,28)	0,03 (-0,01)	0,12 (0,08)	0,01 (-0,05)	-0,19 (-0,20)	0,27 (0,30)
4	-0,08 (-0,07)	0,02 (0,01)	0,01 (0,04)	0,35 (0,36)	0,2 (0,16)	0,11 (0,10)
5	0,01 (0,02)	-0,04 (-0,05)	-0,10 (-0,19)	-0,44 (-0,44)	0,09 (0,11)	0,31 (0,27)

Примечания: 1. Используются коэффициенты корреляции Пирсона.

2. В скобках показаны значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.

3. Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$.

Кластер 1 — «Доверчивые»

Уровень грамотности ниже среднего (2,27). Отличительной чертой кластера является высокий уровень доверчивости (3,56). Все остальные параметры имеют средние значения. Группа находится в зоне риска. Высокий уровень доверчивости при повышенной склонности к расточительности и невысоком уровне грамотности может привести респондентов к неэффективному использованию финансовых инструментов, а также вовлечению в разные мошеннические схемы, сопровождающиеся потерей денег.

Кластер 2 — «Грамотные, оптимисты, новаторы, расточительные, склонные к риску и нелегитимным действиям»

В данном кластере наблюдается высокий уровень финансовой грамотности (2,69). В него вошли оптимистичные (4,20), склонные к новаторству (3,80), к риску (3,90), расточительные (3,87), в то же время склонные к нелегитимным действиям (3,46) девушки.

В группе наблюдается прямая тройственная взаимосвязь между оптимизмом, новаторством и расточительностью, а также между склонностью к риску и нелегитимным действиям. Потенциально респонденты данной группы готовы к работе с финансовыми инструментами, но с ними необходимо проводить профилактическую работу для предотвращения избыточных рисков на финансовом рынке.

Кластер 3 — «Недоверчивые, пессимистически настроенные, экономные, традиционалисты»

Уровень финансовой грамотности ниже среднего (2,16). Данный кластер отличается наименьшими показателями доверчивости (2,69), расточительности (3,05), оптимизма (4,07), отсутствием склонности к новаторству (2,86). Девушки в этой группе отличаются осторожностью, экономностью, нерешительностью, неуверенностью в себе. Однако у них выявлена прямая взаимосвязь между уровнем финансовой грамотности и оптимизмом. Поэтому повышение уровня финансовой грамотности может стать здесь ключом к преодолению стереотипов поведения.

Кластер 4 — «Законопослушные, не склонные к риску, осторожные»

Уровень финансовой грамотности выше среднего (2,54). Отличительной особенностью кластера является несклонность к неформальным практикам, правонарушениям (2,71) и риску (2,86).

Респонденты данного кластера — осторожные, сознательно избегающие риска и ответственности студентки, пока не готовы к работе на финансовом рынке. В то же время матрица корреляций для респондентов этой группы показывает прямую взаимосвязь между уровнем финансовой грамотности и склонностью к риску. Обучение их технологиям управления рисками может положительно повлиять и на их склонность к использованию современных финансовых инструментов.

Кластер 5 — «Неграмотные, пессимисты»

Респонденты этой группы продемонстрировали наименьший уровень финансовой грамотности среди всех опрошенных (1,41). Другими отличительными особенностями являются низкий уровень оптимизма (4,09) и большой разброс показателей отношения к риску.

Специфика этой группы заключается также в прямой связи между грамотностью и оптимизмом, но в то же время в обратной корреляции между грамотностью и склонностью к риску. Очевидно, в данной группе необходимо формирование базовых знаний в области новых технологий финансового рынка. При этом вполне вероятно, что респонденты присоединятся к кластеру 4, для которого образовательная деятельность имеет уже несколько другую направленность.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало влияние гендерных различий как на уровень финансовой грамотности, так и на распределение личностных характеристик студентов, оказывающих влияние на их поведение в финансовой сфере. Согласно полученным результатам, при более низком уровне финансовой грамотности девушкам свойствен более высокий уровень оптимизма, доверчивости и склонности к расточительности, тогда как юношам в большей степени присуща склонность к риску, новаторству и нелегитимным действиям. Доверчивость при высоком уровне расточительности может приводить к вовлечению девушек в разные мошеннические схемы и потере дохода, при этом контрольную функцию выполняет именно уровень финансовой грамотности. В то же время несклонность к риску и новаторству может вести к излишней осторожности и потере дохода. В этом случае повышение финансовой грамотности должно сопровождаться преодолением стереотипов поведения. Выделение пяти кластеров девушек, отличающихся уровнем личностных характеристик, а также направленностью и степенью их взаимодействия, позволило выявить слабые места в каждом из кластеров и определить конкретные направления работы по повышению культуры финансового поведения в каждом из них.

Библиографический список

- Козырева П. М.* Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения: (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54—66.
- Мясищев Е. Р., Насимова В. С.* Финансовая грамотность населения как элемент экономической безопасности // Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 2. С. 156—163.
- Ниворожкина Л. И., Синявская Т. Г.* Концепция статистической оценки рисков вовлечения клиентов финансовых институтов в схемы по отмыванию денег // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 4. С. 30—36.
- Allgood S., Walstad W. B.* The effects of perceived and actual financial literacy on financial behaviors // Economic Inquiry. 2016. Vol. 54, iss. 1. P. 675—697.

- Bannier C. E., Neubert M. Gender differences in financial risk taking: the role of financial literacy and risk tolerance // *Economics Letters*. 2016. Vol. 145. P. 130—135.
- Boggio C., Fornero E., Prast H., Sanders J. Seven ways to knit your portfolio: is investor communication neutral? // *CeRP Working Paper*. Turin (Italy), 2014. № 140/14. URL: http://fileserver.carloalberto.org/ceRP/WP_140.pdf (дата обращения: 29.04.2018).
- Bucher-Koenen T., Lusardi A., Alessie R., van Rooij M. How financially literate are women? An overview and new insights // *Journal of Consumer Affairs*. 2017. Vol. 51, iss. 2. P. 255—283.
- Clark R. L., D'Ambrosio M., McDermed A. A., Sawant K. Retirement plans and saving decisions: the role of information and education // *Journal of Pension Economics & Finance*. 2006. Vol. 5, iss. 1. P. 45—67.
- Dinkova M., Kalwij A., Alessie R. Know More, Spend More? The Impact of Financial Literacy on Household Consumption. 2016. URL: <https://www.netspar.nl/assets/uploads/E20160908-paper-dinkova.pdf> (дата обращения: 29.04.2018).
- Lusardi A., Mitchell O. S. Planning and financial literacy: how do women fare? // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98, iss. 2. P. 413—417.
- Lusardi A., Mitchell O. S. Financial literacy around the world: an overview // *Journal of Pension Economics & Finance*. 2011. Vol. 10, iss. 4. P. 497—508.
- Malkina M., Rogachev D. Interrelation of personal characteristics with financial literacy as a guide to financial behavior of Russian students // *European Financial Systems 2017: Proceedings of the 14th International Scientific Conference*. Brno: Masaryk University, 2017. Pt. 2. P. 26—34.
- OECD. PISA 2012 Results: Students and Money: Financial Literacy Skills for the 21st Century. Vol. 6. OECD Publishing, 2014. URL: <http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/PISA-2012-results-volume-vi.pdf> (дата обращения: 22.04.2018).
- OECD. PISA 2015 Results: Students' Financial Literacy. OECD Publishing, 2017. URL: <http://www.oecd.org/education/pisa-2015-results-volume-iv-9789264270282-en.htm> (дата обращения: 29.04.2018).
- Rinaldi E. E. Gender differences in financial literacy in Italy: exploratory explanations // *Challenges in Ensuring Financial Competencies: Essays on How to Measure Financial Knowledge, Target Beneficiaries and Deliver Educational Programmes* / ed. by N. Linciano, P. Soccorso. 2017. № 84. P. 89—95. URL: <http://www.consob.it/documents/46180/46181/wp84.pdf/a00b40b0-a39d-49d7-a8f7-a8d59ff0b65f> (дата обращения: 29.04.2018).
- Sayinzoga A., Bulte E. H., Lensink R. Financial literacy and financial behaviour: experimental evidence from rural Rwanda // *The Economic Journal*. 2016. Vol. 126, iss. 594. P. 1571—1599.

References

- Allgood, S., Walstad, W. B. (2016) The effects of perceived and actual financial literacy on financial behaviors, *Economic Inquiry*, vol. 54, iss. 1, pp. 675—697.
- Bannier, C. E., Neubert, M. (2016) Gender differences in financial risk taking: The role of financial literacy and risk tolerance, *Economics Letters*, vol. 145, pp. 130—135.
- Boggio, C., Fornero, E., Prast, H., Sanders, J. (2014) Seven ways to knit your portfolio: is investor communication neutral?, in: *CeRP Working Paper*, no. 140/14, Turin, Italy, available from http://fileserver.carloalberto.org/ceRP/WP_140.pdf (accessed 29.04.2018).

- Bucher-Koenen, T., Lusardi, A., Alessie, R., van Rooij, M. (2017) How financially literate are women? An overview and new insights, *Journal of Consumer Affairs*, vol. 51, iss. 2, pp. 255—283.
- Clark, R. L., D'Ambrosio, M., McDermed, A. A., Sawant, K. (2006) Retirement plans and saving decisions: the role of information and education, *Journal of Pension Economics & Finance*, vol. 5, iss. 1, pp. 45—67.
- Dinkova, M., Kalwij, A., Alessie, R. (2016) *Know More, Spend More? The Impact of Financial Literacy on Household Consumption*, available from <https://www.netspar.nl/assets/uploads/E20160908-paper-dinkova.pdf> (accessed 29.04.2018).
- Kozyreva, P. M. (2012) Finansovoe povedenie v kontekste sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii naseleniia: (sotsiologicheskii analiz) [Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population: (Sociological analysis)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, vol. 7, pp. 54—66.
- Lusardi, A., Mitchell, O. S. (2008) Planning and financial literacy: How do women fare?, *American Economic Review*, vol. 98, iss. 2, pp. 413—417.
- Lusardi, A., Mitchell, O. S. (2011) Financial literacy around the world: an overview, *Journal of Pension Economics & Finance*, vol. 10, iss. 4, pp. 497—508.
- Malkina, M., Rogachev, D. (2017) Interrelation of personal characteristics with financial literacy as a guide to financial behavior of Russian students, in: *European Financial Systems 2017: Proceedings of the 14th International Scientific Conference*, pt. 2, Brno: Masaryk University, pp. 26—34.
- Miasishcheva, E. R., Nasimova, V. S. (2017) Finansovaia gramotnost' naseleniia kak element ekonomicheskoi bezopasnosti [Financial literacy of the population as an element of economic security], *Èkonomika. Biznes. Banki*, vol. 2, pp. 156—163.
- Nivorozhkina, L. I., Siniavskaia, T. G. (2012) Kontsepsiia statisticheskoi otsenki riskov вовлечения клиентов финансовыkh institutov v skhemy po otmyvaniu deneg [The concept of risks statistical estimation for involvement of financial institutes clients into money laundering schemes], *Terra Economicus*, vol. 10, no. 4, pp. 30—36.
- OECD, PISA 2012 Results: Students and Money: Financial Literacy Skills for the 21st Century (2014), vol. 6, OECD Publishing, available from <http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/PISA-2012-results-volume-vi.pdf> (accessed 22.04.2018).
- OECD, PISA 2015 Results: Students' Financial Literacy (2017), OECD Publishing, available from <http://www.oecd.org/education/pisa-2015-results-volume-iv-9789264270282-en.htm> (accessed 29.04.2018).
- Rinaldi, E. E. (2017) Gender differences in financial literacy in Italy: Exploratory explanations, in: Linciano, N., Soccorso, P. (eds), *Challenges in Ensuring Financial Competencies: Essays on How to Measure Financial Knowledge, Target Beneficiaries and Deliver Educational Programmes*, no. 84, pp. 89—95, available from <http://www.consob.it/documents/46180/46181/wp84.pdf/a00b40b0-a39d-49d7-a8f7-a8d59ff0b65f> (accessed 29.04.2018).
- Sayinzoga, A., Bulte, E. H., Lensink, R. (2016) Financial literacy and financial behaviour: Experimental evidence from rural Rwanda, *The Economic Journal*, vol. 126, iss. 594, pp. 1571—1599.

Информация об авторах / Information about the authors

Малкина Марина Юрьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и методологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Н. Новгород, Россия, mmuri@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor at the Department of Economic Theory and Methodology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Рогачев Дмитрий Юрьевич — аспирант кафедры экономической теории и методологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Н. Новгород, Россия, rogistyle@mail.ru (Post-graduate student at the Department of Economic Theory and Methodology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2018. No. 3. P. 116—120
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.11

Женщина в российском обществе
2018. № 3. С. 116—120
ББК 65.290с51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.11

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ СТРАТЕГИИ К ДЕЙСТВИЮ (2018—2030)

И. Н. Смирнова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
kodina_inna@mail.ru

Анализируются результаты конференции «Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030)». Актуализируются вызовы и риски цифровой экономики в России. Предлагаются основные меры по преодолению гендерного разрыва в цифровой экономике до 2030 г.

Ключевые слова: цифровая экономика, гендерное измерение общества, STEM-образование, STEM-карьера, цифровой гендерный разрыв, цифровая грамотность, гендерные стереотипы, студенческая молодежь, технологические профессии.

GENDER DIMENSION OF DIGITAL ECONOMICS: FROM STRATEGY TO ACTION (2018—2030)

I. N. Smirnova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kodina_inna@mail.ru

The results of the conference “Gender measurement of the digital economy: from strategy to action (2018—2030)” are analyzed in the article. The challenges and risks of the digital economy in Russia are being updated. The main measures to overcome the gender gap in the digital economy until 2030 are proposed.

Key words: digital economics, gender dimension of society, STEM-education, STEM-career, digital gender gap, digital literacy, gender stereotypes, student youth, technological professions.

© Смирнова И. Н., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-20009 «Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030)».

Всероссийская научная конференция с международным участием с элементами научной школы «Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030)» была проведена на базе Ивановского государственного университета при поддержке РФФИ 20—21 апреля 2018 г. Конференция была посвящена проблеме предоставления женщинам и мужчинам равного и эффективного доступа к цифровой экономике.

Ученые из ведущих вузов и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Иванова, Архангельска, Белгорода, Шуи (Россия), Неаполя (Италия), Астаны (Казахстан) обсуждали эффективные направления государственной политики и социальные технологии, способствующие вхождению женщин в цифровую экономику; вызовы преодоления гендерного разрыва в этой сфере, связанные с нарастающим процессом демографического старения; пути преодоления гендерных стереотипов в социальных нормах и институтах, препятствующих вовлечению девушек и женщин в сферы ИКТ и цифровой экономики; концепцию гендерного подхода в современном технологическом образовании, гендерные аспекты STEM-образования и STEM-карьеры молодежи.

Участники конференции — экономисты, социологи, историки, психологи, политологи, философы, педагоги — были единодушны во мнении, что ликвидация гендерного разрыва в цифровой экономике по своим масштабам и значимости является задачей государственного значения и относится к социальным изменениям концептуального характера. В выступлениях ученых подчеркивалось, что вовлечение женщин в цифровую экономику наравне с мужчинами будет способствовать росту валового внутреннего продукта, пополнению секторов STEM и ИКТ квалифицированными кадрами, повышению уровня заработной платы и качества жизни женщин, составляющих половину трудовых ресурсов страны.

Целью работы секции «*Цифровой гендерный разрыв: проблемы и пути преодоления*» стало обсуждение методологических основ обеспечения гендерного баланса в цифровой экономике. В докладах участников отмечалось, что преодоление цифрового гендерного разрыва в России возможно при условии преодоления целого ряда базовых проблем гендерного неравенства: дискриминации в сфере труда, связанной с гендерным разрывом в оплате труда, низкой представленности женщин в сфере принятия решений, запрета на профессии (канд. экон. наук, доц. З. А. Хоткина).

Проблемам разработки нормативной базы по гендерному равенству в STEM-образовании и STEM-занятости, преодоления гендерных стереотипов о «мужских» и «женских» профессиях, создания благоприятной культурной среды, в которой женщине можно выбрать любую профессию и успешно совмещать работу и семейную жизнь, был посвящен доклад д-ра ист. наук, проф. О. А. Хасбулатовой.

Вызовами, которые затрагивают не только Россию, но и экономически развитые и развивающиеся страны, являются процессы изменения демографической структуры населения в связи с нарастающим процессом демографического старения (д-р экон. наук, проф. И. Е. Калабихина), наличие существенной гендерной асимметрии в оплате труда в сфере ИКТ (канд. ист. наук, доц. В. Г. Ушакова), возможное гендерно-асимметричное сокращение занятости в связи с внедрением

новых технологий, включая робототехнику и искусственный интеллект (д-р экон. наук, проф. В. Г. Доброхлеб, д-р ист. наук, проф. З. М. Саралиева).

С большой озабоченностью ученые отмечали процесс воспроизводства гендерной асимметрии в современных IT-отраслях, делая вывод о наличии факторов риска социальной безопасности российского общества в целом (д-р психол. наук, доц. Е. Г. Шмелева, д-р психол. наук, доц. П. А. Кисляков).

Участники секции *«Цифровая экономика: новые возможности для женщин в сфере занятости»* убедительно показали, что интернет-технологии создают существенную нишу для женской занятости. Появляются новые формы занятости и новые рынки труда для женщин, новые подходы к организации рабочего места, новые методы поиска вакансий и размещения резюме на рынке труда, новые формы мотивации, обучения персонала в интернет-экономике, складывается новый тип трудовых отношений. Развивается такая форма занятости, как фриланс, причем доля женщин в этом сегменте повышается год от года и составляет 42 %. Женщины, находящиеся в декретном отпуске, представляют одну из наиболее активных категорий пользователей, плотно взаимодействующих внутри сетевого сообщества, а также использующих различные методы профессиональной самореализации, которые можно свести к деятельности трех типов: профессиональное блогерство, развитие собственного бизнеса, представительство крупных компаний/брендов в социальной сети. Все три типа объединяются тем, что могут быть реализованы удаленно (д-р экон. наук, проф. А. Б. Берендеева, д-р социол. наук, доц. Ю. Ю. Чилипенко, преп. Л. С. Данилова).

Учеными были предложены для обсуждения новые модели женского предпринимательства, основанные на информационных технологиях: «Формирование нового рынка и создание собственных клиентов», «Новые технологии производства и обслуживания» и др. (канд. экон. наук, доц. О. О. Коробова).

Важной темой конференции стала проблема вовлечения девочек и женщин в технологическое образование и STEM-профессии, которая активно обсуждалась учеными на секции *«STEM-образование и STEM-карьера: проблемы и перспективы»*. С интересом был воспринят опыт Казахстана по вовлечению девушек и юношей в технологическое образование, которое является одним из приоритетов государственной молодежной политики республики (канд. полит. наук Т. Б. Калиев, д-р социол. наук, проф. Т. К. Ростовская). Ученые отметили актуальность опыта США по вовлечению женщин в STEM-профессии, где реализуется проект «Наперегонки к вершине» с грантовым фондом 4,35 млрд долларов для школ и учителей, развивающих STEM-дисциплины, выделяются гранты образовательным организациям для развития STEM-образования девочек, действует программа по обеспечению взаимодействия женщин-ученых и девочек-учащихся (канд. социол. наук, доц. Ю. С. Задворнова). Зарубежный опыт показывает, что странам, вступившим на путь развития цифровой экономики, необходимо разрабатывать эффективные меры по вовлечению девочек в технологические профессии.

В этой связи на секции активно обсуждался вопрос о подготовке педагогических и управленческих кадров для цифровой экономики (д-р пед. наук, ведущий науч. сотр. Л. В. Штылева, канд. пед. наук, доц. М. А. Дмитриева, д-р социол. наук, проф. Е. А. Смирнов). Было отмечено, что успешная реализация

программы «Цифровая экономика» требует новой концепции подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Речь должна идти не только об учителях информатики, но и о преподавателях всех учебных предметов, поскольку мотивация школьников на получение технологического образования предполагает, что все педагоги должны обладать базовыми компетенциями цифровой экономики.

Ученые пришли к общему мнению, что у всех педагогов необходимо формировать гендерную чувствительность с целью мотивации девочек к STEM-образованию, для чего целесообразно:

— обеспечить преподавание основ гендерных знаний в педагогических вузах;

— создать государственные и негосударственные фонды по грантовой поддержке учителей, которые мотивируют девочек к участию в STEM-олимпиадах;

— внедрить в системе общего образования новую концепцию содержания учебного предмета «Технология»;

— обучать девочек основам технологических знаний на примерах ролевых моделей российских и зарубежных женщин-ученых.

Большой интерес вызвали доклады о гендерных стереотипах, формируемых посредством дошкольной и школьной литературы, а также через игрушки (канд. социол. наук, доц. А. Е. Звонарева, канд. социол. наук, доц. И. Н. Смирнова). Отмечалась необходимость осуществления гендерной экспертизы содержания образовательных программ учебного курса «Технология» для начальной школы на предмет выявления ролевых моделей, формирующих жизненные ориентации у мальчиков и девочек, которые на последующих этапах обучения могут трансформироваться в гендерные стереотипы при выборе профессии. Автор привела в пример данные контент-анализа учебников по предмету «Технология», результаты которого иллюстрируют распространение гендерных стереотипов, формирующих у школьников патриархальные представления о социальных ролях женщин и мужчин. Очевидна необходимость разработки новой концепции предмета «Технология» для начальной школы, основанной на принципах STEM-образования и гендерного равноправия.

Участники конференции резюмировали, что сложившиеся в России полоролевой характер общего и профессионального образования, гендерная сегрегация на рынке труда, культурные барьеры, окружающие девушек и женщин, выступают существенным тормозом преодоления гендерного разрыва в цифровой экономике. Процесс вовлечения женщин в цифровую экономику должен носить комплексный характер, затрагивать экономические, социальные и культурные процессы, происходящие в обществе. Масштаб, направленность и интенсивность предстоящих изменений требуют участия органов управления, социальных институтов образования, экономики, культуры, а также широкой общественности.

По итогам работы конференции учеными сформулированы основные меры по преодолению гендерного разрыва в цифровой экономике до 2030 г.:

— проведение согласованной и эффективной экономической и социальной политики, направленной на полное использование цифровых услуг мужчинами и женщинами независимо от возраста, статуса и места жительства;

— приведение трудового законодательства РФ в соответствие с новыми реалиями рынка труда путем отмены/пересмотра Постановления Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 о запрете для женщин 456 профессий;

— разработка правовой базы, целевых программ, направленных на устранение гендерного разрыва в технологических профессиях, повышение уровня представительства женщин в технологической сфере и сфере управления;

— внедрение в систему общего и профессионального образования концепции равноправного продвижения девушек и юношей в технологические профессии, устранение из детской и учебной литературы гендерных стереотипов о социальных ролях мужчин и женщин;

— создание условий для получения образовательных навыков работы с цифровыми технологиями для женщин всех возрастов, организация массового обучения женщин, занятых в социальных отраслях, основам ИКТ;

— обеспечение равного представления в средствах массовой информации лидеров из числа женщин и мужчин, являющихся для молодежи примером для подражания;

— создание государственных и негосударственных фондов по поддержке девушек и женщин при выборе профессии и трудовой деятельности в сфере цифровой экономики;

— осуществление государственной политики по смягчению сложившихся в общественном сознании патриархальных стереотипов о роли женщин в обществе и семье.

Статья поступила 12.05.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kodina_inna@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Woman in Russian Society

2018. No. 3. P. 121—132

DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.12

Женщина в российском обществе

2018. № 3. С. 121—132

ББК 60.723.4

DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.12

ПОЧЕМУ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАННИХ РОЖДЕНИЙ В РОССИИ НЕ ИМЕЕТ ПЕРСПЕКТИВ

Н. С. Смулянская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, nsmulya@mail.ru

Очевидные попытки правительства найти выход из демографического кризиса в стимулировании ранней рождаемости делают актуальным рассмотрение перспектив введения возможных пронаталистских мер для женщин младше 25 лет. На основании анализа результатов микропереписи населения 2015 г. и других данных Росстата был сделан вывод, что наиболее перспективной для стимулирования рождаемости является возрастная группа женщин 25—35 лет. В этой группе сохраняются высокие репродуктивные установки, которые в сочетании с наличием высшего или среднего профессионального образования и финансовой независимостью позволяют прогнозировать не только количественный рост численности населения, но и качественное увеличение человеческого капитала. Женщины старшей возрастной группы, несмотря на прогнозируемое увеличение их численности и серьезный рост показателей рождаемости в последние годы, существенно уступают женщинам остальных групп в соотношении ожидаемого и желаемого числа детей и меньше поддаются внешнему воздействию в вопросе деторождения. Наиболее молодые женщины сильнее других подвержены риску сдвига календаря рождений, что в больших масштабах может привести к усилению волнового характера численности населения страны.

Ключевые слова: демография, рождаемость, раннее материнство, демографическая политика, семейная политика.

WHY STIMULATION OF EARLY FERTILITY IN RUSSIA IS UNPROMISING

N. S. Smulyanskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, nsmulya@mail.ru

The obvious attempts by the government to find a way out of the demographic crisis in stimulating early fertility make it urgent to analyze the prospects for introducing possible prenatal measures for women younger than 25 years old. Based on the analysis of the results

of the micro-census of 2015 and on other data from Rosstat (Federal State Statistics Service), it was concluded that the most promising for stimulating fertility is a group of women aged 25—35. In this group, high reproductive attitudes combined with the availability of proper education and financial independence, make it possible to predict not only a quantitative growth in the population, but also a qualitative increase in human capital. The older age group, despite the projected increase of this population and a serious rise in fertility rates in recent years, is significantly inferior to the rest of the groups in the ratio of the expected and desired number of children and less than others are exposed to external influences in the issue of procreation. The youngest women are more likely than others to shift the calendar of births instead of actually increasing the average number of children in the family, which on a large scale can lead to an increase in the country's population wave character. There is also a fear that, due to insufficient social and economic stability, an increase in the birth rate in this group may lead to an increase in poverty. In addition, the experience of stimulating policies in the mid-00's did not lead to growth in the birth rate in this age group. All this calls into question the prospects of stimulating early fertility, especially if the priority is not only quantitative indicators, but also the level of well-being, and the level of human capital.

Key words: demography, fertility, early motherhood, demographic policy, family policy.

Введение

В конце 2017 г. в рамках государственной демографической политики появилось нововведение: Президент РФ выдвинул инициативу стимулировать первые рождения. Наряду с этим направлением всегда рассматривают и стимулирование ранних рождений. В ходе прямой линии В. В. Путин, помимо прочего, отметил: «Нужно подумать о том, как стимулировать рождение первого ребенка у молодых мам...» [Путин ответил... , 2017]. Оглашалось предложение дополнительного поощрения женщин, которые родили двух детей до 30 лет. В ряде регионов разрабатываются меры по стимулированию ранней рождаемости. Например, в Ивановской области введена региональная выплата при рождении первого ребенка до 24 лет (правда, на практике мера имеет ряд ограничений) [Рождаемость первых детей... , 2017]. Выдвигалось также предложение оказания помощи в погашении ипотеки при рождении ребенка до 23 лет. Неоднородный характер данных публикаций с большой долей вероятности говорит о том, что объектом дальнейшей демографической политики в нашей стране будут именно молодые женщины. По этой причине актуальна идея сравнения молодых женщин с женщинами других возрастных групп с точки зрения перспектив стимулирования у них рождаемости.

Исследователи в развивающихся странах часто приходили к выводу, что ранняя рождаемость снижает человеческий капитал матери и ребенка. Но может быть, стимулирование ранней рождаемости эффективно для государства? Мировая демографическая теория и эмпирические исследования по проблемам человеческого капитала в основном свидетельствуют, что раннее материнство приводит к бедности молодую мать и ее семью (а значит, потерям человеческого капитала в будущем) и связано с дополнительным социальным бременем для государства, особенно если речь идет о матерях, не получивших высшего образования [Moore, Wertheimer, 1984; Shearer, 2002]. При сопоставлении выгод от раннего

материнства и затрат на социальную поддержку получается, что затраты превышают выгоды [Hofferth et al., 2001]. По причине того что в более развитых странах раннее материнство до сих пор не рассматривалось в качестве существенного направления демографической политики, не найдено работ, анализирующих потенциальный эффект от ввода соответствующих мер, а также их влияние на изменение уровня человеческого капитала и общего благосостояния населения. Возможно, политика поддержки молодых матерей оправдана, если сами женщины расположены рожать в более раннем возрасте.

Используя данные текущей статистики и микропереписи населения, проведенной Росстатом в 2015 г., оценим демографический потенциал ранних рождений в современной России по сравнению с потенциалом повышения рождаемости у женщин старше 25 лет. В качестве основного источника применяются результаты микропереписи населения 2015 г. с наличием вопросов относительно демографических установок. Кроме этого, в работе используются прогнозные значения численности населения до 2036 г.

Возрастной профиль рождаемости в современной России

При анализе стимулирования рождаемости у матерей в раннем возрасте необходимо уточнить рассматриваемые возрастные рамки. В разных социальных программах поддержка молодых семей ограничивается 30—35-летним возрастом супругов. В условиях постарения рождаемости в развитых странах средний возраст матери при рождении первого ребенка сдвинулся с 23—25 до 30 лет. Для понятия ранней рождаемости мы поставим в качестве возрастного ограничения 25 лет.

Постарение рождаемости связано с активным вовлечением женщин в систему высшего образования, модернизацией общества. Если проанализировать стандартный жизненный цикл современной женщины, то увидим, что он выглядит следующим образом: школа, учеба в вузе или другом заведении (до 21—23 лет), работа или сочетание дальнейшей учебы с работой. Первое рождение ребенка происходит ближе к 30 годам.

Средний возраст матери при рождении детей в России в 2006 г. составлял 26,6 года, в 2016 г. — 28,4 года, первого ребенка — 25,7 года. В целом возраст 26—35 лет у женщин является ключевым с точки зрения деторождения. В 2016 г. в России 60 % рождений приходилось на этот возраст матерей. Кроме того, самые стабильные и высокие темпы роста возрастных коэффициентов рождаемости на протяжении последних 10 лет наблюдались в группе 36—45 лет. Так, по сравнению с показателями 2006 г. они выросли в группе 35—50 лет в 2—3 раза, в группе 25—35 лет в 1,5 раза. Значения для более молодых возрастов остались без изменений, несмотря на активную демографическую политику. Основную вклад в рождаемость сегодня вносят женщины средних репродуктивных групп, а ее основной прирост наблюдается у женщин старших групп. Это значит, что политика стимулирования ранних рождений направлена против сложившихся тенденций.

Проанализируем социально-экономические характеристики и демографические установки женщин различных возрастных групп, чтобы оценить перспективу стимулирования ранних рождений.

**Социально-экономические характеристики
женщин различных возрастных групп**

На основе данных микропереписи населения в табл. 1 представлены социально-экономические характеристики женщин различных возрастных групп.

Таблица 1

**Доля женщин с благоприятными социальными
и экономическими характеристиками, %¹**

Характеристика	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Находятся в браке (зарегистрированном или незарегистрированном)	40	70	70
Имеют доход от трудовой деятельности или личного подсобного хозяйства	50	76	85
Имеют среднее профессиональное или высшее образование	55	80	79
Сочетают все три параметра	16	42	48

Предположим, что наиболее благоприятными социально-экономическими условиями для рождения и воспитания детей с точки зрения обеспечения высокого человеческого капитала будущего ребенка является среднее профессиональное или высшее образование, стабильный доход и наличие партнера у матери. При данных характеристиках меньше вероятность того, что будущая семья будет нуждаться в государственной или иного вида помощи. Значимым фактором должно являться также наличие собственной жилой площади и аналогичные характеристики партнера, но из данных микропереписи эту информацию, к сожалению, почерпнуть нельзя.

Есть опасение, что при отсутствии стабильного дохода и должного образования (а после рождения ребенка получить высшее образование существенно сложнее [Hofferth et al., 2001]) семья попадет в так называемую ловушку бедности, поскольку у менее благополучных в плане образования и финансовой независимости родителей шансы предоставить своим детям условия для лучшей жизни очень малы. Если такие семьи будут составлять большинство, то благосостояние общества не только не вырастет, но и может снизиться. Есть вероятность, что в абсолютном выражении численность населения увеличится, однако вырастет ли его общий интеллектуальный и трудовой потенциал?

Если анализировать сочетание указанных факторов, то следует отметить, что только 16 % женщин в возрасте от 18 до 25 лет имеют благоприятные социальные условия для деторождения. В возрасте 25—35 лет этот показатель увеличивается до 42 %, а в возрасте 35—44 лет — до 48 %.

Безусловно, социально-экономическое положение женщины не связано напрямую с желанием иметь детей, а уж тем более с ее физической возможностью. Но при определении целевой группы для демографической или семейной политики оно должно учитываться, чтобы в дальнейшем росло экономическое благосостояние страны, а не ее социальные обязанности. И с этой точки зрения наиболее благоприятной группой являются женщины после 35 лет.

¹ Табл. 1—4 составлены автором на основе данных Росстата по итогам микропереписи населения 2015 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 12.06.2017).

Кроме того, в ряде развитых стран в последние десятилетия наблюдается положительное влияние высшего образования на показатели рождаемости [Kravdal, 1992; Hoem, 1993; Oláh, 1996; Köppen, 2006]. Особенно выражена такая взаимосвязь в государствах, в которых демографическая и семейная политика прежде всего направлены на стимулирование женщин к сочетанию работы и деторождения. К сожалению, в странах Центральной и Восточной Европы подобный феномен пока не наблюдается, очевидно, вследствие недостаточности таких мер и в целом более низкого уровня благосостояния населения [Koytcheva, 2006; Muresan, 2007; Oláh, 2003; Perelli-Harris, 2008].

Особенностью современной социальной модели также является изменение взаимозависимости женской занятости и рождаемости в развитых странах. Данная зависимость в последнее время стала положительной [Del Boca et al., 2005; Мосакова, 2008]. Это значит, что в странах с высокой долей образованных и занятых женщин (какой, например, является Россия) можно повысить уровень рождаемости при согласовании рабочего и семейного графика занятости женщины.

Демографические установки женщин разных возрастных групп

При принятии демографических решений, помимо социально-экономических факторов, следует учитывать репродуктивные установки женщин. Более того, важно понимать, насколько расходятся у них ожидаемое число детей (планируемое) и желаемое (сколько детей хотели бы иметь при наличии необходимых условий).

Следует особо подчеркнуть, что в рамках данного исследования реальный эффект от демографической политики как раз ограничивается ожидаемым (снизу) и желаемым (сверху) числом детей. Если женщина рождает детей столько (или меньше), сколько планирует, то это говорит о том, что внешние факторы не повлияли (или повлияли негативно) на ее демографические планы. Если у женщины детей больше, чем она хотела бы иметь при наличии всех необходимых условий, то скорее всего это связано с субъективными особенностями планирования семьи, а не вызвано внешними мерами.

Сравнение числа детей, рожденных в разных возрастных группах, не имеет смысла, так как по естественным причинам этот параметр будет увеличиваться с возрастом женщин. С другой стороны, показатели желаемого и ожидаемого числа детей дают нам информацию о том, что репродуктивные установки на большее число детей имеют женщины 26—35 лет. В старшей же группе данный параметр снижается. Причина этого скорее всего заключается не в отсутствии мотивации к рождению большего числа детей, а в более реальном сопоставлении своих желаний и физиологических возможностей. В пользу более трезвого оценивания своих возможностей говорит и наименьший разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей у женщин старшей возрастной группы.

Таблица 2

Средневзвешенное ожидаемое и желаемое число детей в различных возрастных группах

Средневзвешенное число детей	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Ожидаемое	1,57	1,77	1,73
Желаемое	1,81	1,97	1,84

Если говорить о группе 18—25 лет, то нужно отметить: репродуктивные установки женщин на небольшое число детей в совокупности с пониманием того, что они имеют достаточно длительный горизонт планирования, делают эту группу менее восприимчивой к мерам стимулирования рождаемости.

Восприятие мер демографической политики женщинами разных возрастных групп

Анализ восприятия женщинами мер демографической политики показал, что более высокие оценки получает прямая материальная помощь (табл. 3, оценка производилась по пятибалльной шкале). И с этой точки зрения текущая политика, делающая основной упор на блок экономических мер, соответствует женским предпочтениям. Проблема заключается в том, что к экономическим мерам привыкают и в случае длительного применения они обесцениваются. А если объем таких мер достаточно велик, то в результате отказа от них может наблюдаться обратный эффект. Нечто подобное сейчас происходит с материнским (семейным) капиталом. Он уже принимается будущими мамами как что-то должное. А его отмена грозит стать причиной существенного сокращения рождаемости. Косвенные и нефинансовые меры имеют меньшую поддержку. Такой расклад оценок скорее всего, к сожалению, говорит о бедности женщин и неуверенности в своем финансовом положении. В этих условиях низкий уровень удовлетворения первичных потребностей для них остается главным препятствием на пути создания семьи с желаемым числом детей.

Таблица 3

Средняя оценка степени влияния демографических мер на рождаемость

Показатель	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Получение федерального материнского капитала	4,61	4,53	4,45
Получение беспроцентной ссуды на покупку жилья при рождении второго или последующего ребенка	4,54	4,53	4,43
Получение материнского (семейного) капитала, установленного в регионе	4,50	4,47	4,38
Повышение уровня жизни семьи	4,49	4,49	4,47
Получение ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет	4,46	4,42	4,32
Возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях	4,38	4,35	4,21
Получение ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка	4,19	4,19	4,09
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков	4,11	4,07	3,93
Предоставление налоговых льгот работающим родителям	4,10	4,09	4,03
Возможность иметь гибкий график работы	3,99	3,97	3,89
Изменение личных обстоятельств	3,83	3,74	3,74
Возможность профессиональной подготовки в период отпуска по уходу за ребенком	3,75	3,65	3,52

Стоит добавить, что даже если женщины высоко оценивают определенные экономические меры, это еще не значит, что при вводе таких мер реально изменятся их репродуктивные установки.

Анализ показал, что женщины разных возрастных групп примерно одинаково оценили различные меры демографической политики. Единственной особенностью можно считать то, что с возрастом оценки одной и той же меры снижаются. Причина этого скорее всего заключается в том, что принятие демографических решений с возрастом меньше зависит от внешней поддержки, а осуществляется семьей независимо с учетом ее возможностей и текущего положения. В целом же, принимая во внимание практически равнозначные оценки разных мер демографической политики, сложно сказать, какая из возрастных групп женщин сильнее реагирует на ту или иную меру.

Таким образом, социально-экономические характеристики говорят не в пользу молодых матерей как перспективных родителей с точки зрения вложения в человеческий капитал детей. Приоритет особых мер в контексте заданных вопросов молодые женщины не демонстрируют.

Повышение рождаемости или сдвиг календаря рождений в реальных поколениях

Неблагоприятным результатом серьезного стимулирования рождаемости может быть сдвиг календаря рождений вместо реального увеличения их интенсивности. Такой сдвиг через некоторое время способен привести к усилению перекоса в возрастной структуре рождаемости, последствия которого могут наблюдаться на протяжении жизни не одного поколения. Например, до сих пор у Минэкономразвития есть предположение, что ввод материнского капитала обусловил не реальный рост числа детей в семье (сверх ожидаемого показателя), а сдвиг календаря рождений. Другие специалисты менее категоричны. Например, Е. И. Иванова констатирует влияние материнского капитала на интенсивность вторых рождений, правда только в отношении 25 % [Иванова, 2010]. Ф. Слонимчик и А. В. Юрко выявили влияние материнского капитала на 15 % рождений [Slonimczyk, Yurko, 2014].

Риск сдвига календаря рождений более опасен для женщин младшей возрастной группы, в которой большинство желаемых деторождений еще не реализованы и даже не самое значительное улучшение внешних условий может привести к данной реализации. Но в тот момент, когда все желаемые деторождения совершены, практически невозможно повлиять на демографическое решение женщины с помощью внешних факторов.

Прогноз численности матерей разных возрастных групп

Если измерять результативность демографической политики абсолютными значениями, то потенциал ее определяется абсолютным приростом рождений, обусловленных мерами принятой политики.

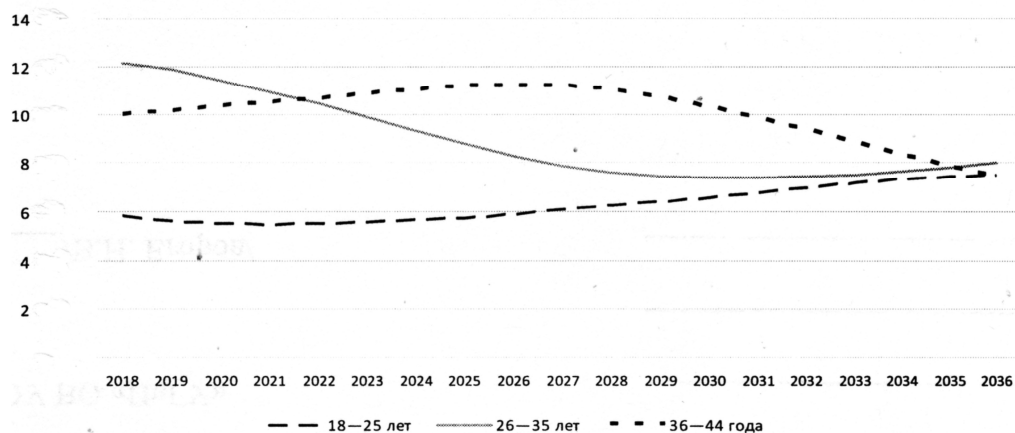

Рис. 1. Прогноз численности женщин различных возрастных групп, млн чел.²

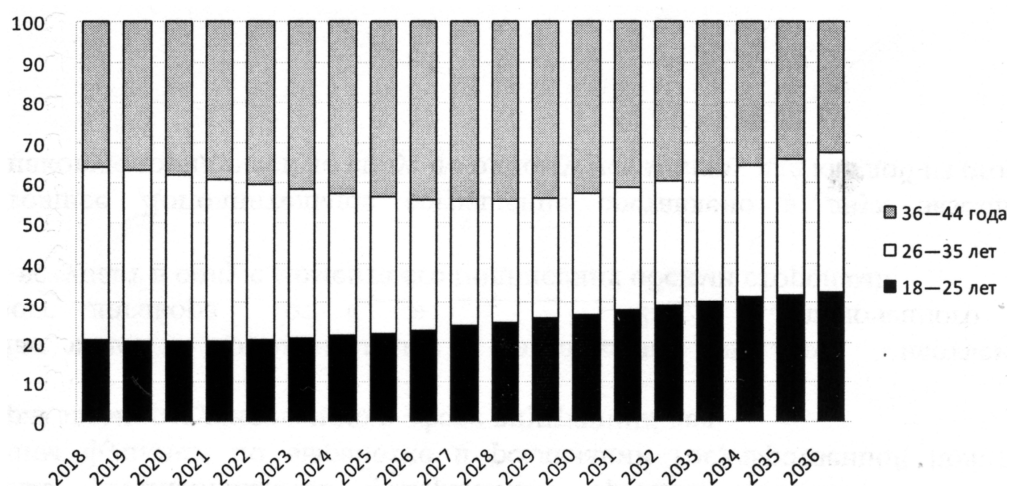

Рис. 2. Доля женщин различных возрастных групп в общей численности фертильных женщин, %³

Из рис. 1 и 2 видно, что вплоть до 2027 г. прогнозируется рост численности женщин 36—44 лет и существенное снижение — 26—35 лет, а также постепенный, но не столь существенный рост числа наиболее молодых женщин на протяжении всего анализируемого периода. При этом к концу данного периода все три группы женщин достигнут примерно одинаковой численности. К сожалению, ожидается снижение численности женщин 18—44 лет в период 2018—2036 гг. (составит 18 %). Кроме того, численность наиболее активной в плане деторождения группы тоже сократится более чем на 30 % к концу прогнозного периода. И этот факт действительно заставляет задуматься о новом взгляде на демографическую политику.

² URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 12.06.1017).

³ Там же.

В целом, если говорить о ближайшей перспективе, старшая группа женщин является более интересной для демографической политики, так как ее численность уже через три года превысит численность других возрастных групп и продолжит расти. На протяжении остального прогнозного периода численность женщин 36—44 лет будет выше численности женщин других возрастных групп. Средняя численность женщин старшей группы в данный период составит 10 млн (для сравнения: женщин 26—35 лет — 8,9 млн, женщин 18—25 лет — в среднем 6,3 млн).

Если измерить максимально возможный прирост населения, обусловленный реализацией мер демографической политики, как среднюю разницу между желаемым и ожидаемым числом детей у каждой женщины, которая хотела бы иметь больше детей, чем собирается, то получим значения, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Расчет максимально возможного прироста численности от стимулирования рождаемости

Показатель	18—25 лет	26—35 лет	36—44 года
Разница между средним ожидаемым и желаемым числом детей	0,25	0,20	0,11
Средняя численность женщин, тыс. чел.	6 267	8 917	10 071
Доля женщин, желающих иметь больше детей, чем планируют, %	15,4	14,3	7,5
Максимальный потенциал рождений в результате реализации политики, тыс. чел.	241	255	83

Конечно, данная методология имеет часть неучтенных факторов, дифференцированных для разных возрастных групп, таких как неспособность женщины иметь детей, увеличивающаяся в старших возрастах, и др. В данном случае мы предполагаем, что доля таких факторов распределена в возрастных группах равномерно.

Таким образом, при условии, что за 19 лет женщины, которые хотят иметь больше детей, чем собираются, реализуют свой демографический потенциал, определяемый как разница между ожидаемым и желаемым числом детей, наибольшее возможное количество рождений придется на возрастную группу 26—35 лет.

Выводы

Результативность политики снижается, если не учитываются намерения населения, которое является ее объектом. Важен и выбор основной целевой группы (это экономит средства).

Измерение потенциала разных возрастных групп женщин для мер стимулирующей демографической политики зависит прежде всего от критериев ее эффективности. В данной работе таким критерием является число дополнительно

рожденных детей (которые не родились бы без благоприятных внешних факторов, вызванных мерами данной политики) в семьях с перспективой развития высокого уровня человеческого капитала детей. Результаты анализа показали, что в России в 2018—2036 гг. наиболее перспективной для реализации мер демографической политики является возрастная группа женщин 26—35 лет. В этой группе еще сохраняются установки на достаточно большое число детей, в результате чего максимально возможный эффект от действия внешних факторов выше, чем в остальных группах. В то же время сочетание благоприятных финансовых и социальных характеристик и прогнозируемая численность женщин данной группы ненамного уступают соответствующим показателям у женщин 36—44 лет.

Рождаемость среди женщин 35—45 лет растет большими темпами, чем в других группах, а число женщин данного возраста в будущие годы будет увеличиваться. Постепенно взгляд на стандартный жизненный цикл женщины изменится, а «молодым» матерям старше 35 лет может понадобиться государственная поддержка, но не экономического характера. Однако пока эта проблема не так остра: сегодня рождаемость в данной группе женщин еще не достигла того уровня, чтобы сделать ее основным объектом демографической политики.

Если говорить о наиболее молодых женщинах, то они все реже склонны реализовывать свои демографические установки в молодом возрасте. Несмотря на введение активных мер демографической политики в 2007 г., рождаемость у женщин 15—25 лет не повысилась. И даже если в силу существенных внешних действий число рождений в этом возрасте увеличится, есть опасение, что оно будет результатом сдвига календаря рождений, а не реального увеличения среднего числа детей на одну женщину. Кроме того, отсутствие у этой группы женщин финансовой независимости, завершено образования и/или устойчивой занятости, а также постоянного партнера (вследствие постарения брачности) не может считаться благоприятным условием для рождения и воспитания детей.

Постарение рождаемости (приоритеты населения рожать в более позднем возрасте), отсутствие благоприятных социально-экономических характеристик и заниженные репродуктивные установки у молодых женщин, отсутствие у них особых приоритетов в мерах государственной поддержки, численное сокращение молодой возрастной группы в перспективе ставят под сомнение выгоду государственной демографической политики, направленной на омоложение рождаемости. В долгосрочном периоде это может привести к резкому снижению рождаемости и волновым колебаниям в числе рождений (сдвиг календаря рождений и компенсационный эффект после завершения политики), что является дополнительным вызовом социальной инфраструктуре [Калабихина, 2015].

Таким образом, даже не учитывая негативные последствия в отношении формирования человеческого капитала детей и повышенный риск бедности в случае стимулирования рождений у женщин, не завершивших свое становление в образовательной сфере или на рынке труда, мы предполагаем, что политика омоложения рождаемости не будет результативна по причине противоположных тенденций в рождаемости, заниженных репродуктивных намерений молодых женщин. Сохраняется также риск усиления волновых колебаний в числе рождений, что дестабилизирует социальную инфраструктуру.

Библиографический список

- В. Путин ответил на 68 вопросов // На линии. 2017. 15 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/15/o-chem-govoril-vladimir-putin-v-hode-priamoj-linii.html> (дата обращения: 10.12.2017).
- Иванова Е. И. Рождаемость в современной России: ожидаемый подъем или конъюнктурный сдвиг? // Научные труды / Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. 2010. № 8. С. 610—626.
- Калабихина И. Е. Демографическая волна рождений и будущие колебания численности населения в разных возрастных группах: вызовы для социальной политики // Экономические стратегии. 2015. № 2. С. 50—57.
- Мосакова Е. А. Занятость женщин и рождаемость в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2008. № 5. С. 3—20.
- Рождаемость первых детей у молодежи до 24 лет будут стимулировать материально. 2017. URL: https://ivteleradio.ru/video/2017/05/29/_rozhdaemost_pervyh_detey_u_molodezhi_do_24_let_budut_stimulirovat_materialno_ (дата обращения: 12.06.2017).
- Del Boca D., Pasqua S., Pronzato C. Employment and fertility in Italy, France and the UK // Labour. 2005. Vol. 19, № S1. P. 51—77.
- Hoem B. The compatibility of employment and childbearing in contemporary Sweden // Acta Sociologica. 1993. Vol. 36, iss. 2. P. 101—120.
- Hofferth S., Reid L., Mott F. The effects of early childbearing on schooling over time // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2001. Vol. 33, iss. 6. P. 39—46.
- Köppen K. Second births in western Germany and France // Demographic Research. 2006. Vol. 14. P. 295—330.
- Koytcheva E. Socio-Demographic Differences of Fertility and Union Formation in Bulgaria before and after the Start of the Societal Transition. Rostock: University of Rostock, 2006. 305 p.
- Kravdal Ø. The emergence of a positive relationship between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States // Population Studies. 1992. Vol. 46, № 3. P. 459—475.
- Moore A., Wertheimer R. Teenage childbearing and welfare: preventive and ameliorative strategies // Family Planning Perspectives. 1984. Vol. 16, № 1. P. 13—26.
- Muresan C. Educational Attainment and Second Births in Romania. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2007. 42 p.
- Oláh L. Sz. The impact of public policies on the second-birth rates in Sweden: a gender perspective // Stockholm Research Reports in Demography. 1996. Vol. 15. P. 96—112.
- Oláh L. Sz. Gendering fertility: second births in Sweden and Hungary // Population Research and Policy Review. 2003. Vol. 22, № 2. P. 171—200.
- Perelli-Harris B. Family formation in post-Soviet Ukraine: changing effects of education in a period of rapid social change // Social Forces. 2008. Vol. 87, № 2. P. 1—28.
- Shearer S. Childbearing and low cognitive ability // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. 2002. Vol. 34, iss. 5. P. 236—243.
- Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // Labour Economics. 2014. Vol. 30. P. 265—281.

References

- Del Boca, D., Pasqua, S., Pronzato, C. (2005) Employment and fertility in Italy, France and the UK, *Labour*, vol. 19, no. S1, pp. 51—77.
- Hoem, B. (1993) The compatibility of employment and childbearing in contemporary Sweden, *Acta Sociologica*, vol. 36, iss. 2, pp. 101—120.

- Hofferth, S., Reid, L., Mott, F. (2001) The effects of early childbearing on schooling over time, *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, vol. 33, iss. 6, pp. 39—46.
- Ivanova, E. I. (2010) Rozhdaemost' v sovremennoĭ Rossii: ozhidaemyĭ pod'em ili kon'iunkturnyi sdvig? [Fertility in modern Russia: the expected recovery or a conjuncture shift?], *Nauchnye trudy Instituta narodnokhoziaĭstvennogo prognozirovaniia Rossiĭskoi akademii nauk*, no. 8, pp. 610—626.
- Kalabikhina, I. E. (2015) Demograficheskaia volna rozhdeniĭ i budushchie kolebaniia chislennosti naseleniia v raznykh vozrastnykh gruppakh: vyzovy dlia sotsial'noi politiki [Demographic wave of births and future fluctuations in the population in different age groups: challenges for social policy], *Ėkonomicheskie strategii*, no. 2, pp. 50—57.
- Köppen, K. (2006) Second births in western Germany and France, *Demographic Research*, vol. 14, pp. 295—330.
- Koytcheva, E. (2006) *Socio-Demographic Differences of Fertility and Union Formation in Bulgaria before and after the Start of the Societal Transition*, Rostock: University of Rostock.
- Kravdal, Ø. (1992) The emergence of a positive relationship between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States, *Population Studies*, vol. 46, no. 3, pp. 459—475.
- Moore, A., Wertheimer, R. (1984) Teenage Childbearing and welfare: preventive and ameliorative strategies, *Family Planning Perspectives*, vol. 16, no. 1, pp. 13—26.
- Mosakova, E. A. (2008) Zaniatost' zhenshchin i rozhdaemost' v sovremennoĭ Rossii [Employment of women and fertility in modern Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, Ėkonomika, no. 5, pp. 3—20.
- Muresan, C. (2007) *Educational Attainment and Second Births in Romania*, Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Oláh, L. Sz. (1996) The impact of public policies on the second-birth rates in Sweden: a gender perspective, *Stockholm Research Reports in Demography*, vol. 15, pp. 96—112.
- Oláh, L. Sz. (2003) Gendering fertility: second births in Sweden and Hungary, *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no. 2, pp. 171—200.
- Perelli-Harris, B. (2008) Family formation in post-Soviet Ukraine: Changing effects of education in a period of rapid social change, *Social Forces*, vol. 87, no. 2, pp. 1—28.
- Shearer, S. (2002) Childbearing and low cognitive ability, *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*, vol. 34, iss. 5, pp. 236—243.
- Slonimczyk, F., Yurko, A. (2014) Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia, *Labour Economics*, vol. 30, pp. 265—281.

Статья поступила 19.12.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смулянская Нелли Станиславовна — аспирантка кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, nsmulya@mail.ru (Post-graduate student at the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
Хоткина З. А. На пути к цифровому гендерному равенству	5
Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Цифровой гендерный разрыв как фактор риска социальной безопасности российского общества	14
Доброхлеб В. Г. Непрерывное образование и гендерный баланс	26
Савинская О. Б., Мхитарян Т. А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план	34
Штылева Л. В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии	49
Задворнова Ю. С. Анализ зарубежного опыта по вовлечению женщин в STEM-профессии (На примере США)	67
Чилипенюк Ю. Ю., Данилова Л. С. Женский блоггинг как предпринимательская деятельность	74
Громова Л. А., Киселева Л. С. Сравнительный анализ восприятия цифрового мира женщинами поколений X, Y, Z	85
Волкова О. А., Босов Д. В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах	97
Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. Взаимосвязь финансовой грамотности в сфере цифровых технологий и личностных характеристик российских студентов: гендерный аспект	104
Смирнова И. Н. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030)	116

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Смулянская Н. С. Почему стимулирование ранних рождений в России не имеет перспектив	121
<i>Информация для авторов</i>	133

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
Khotkina Z. A. Towards the digital gender equality	5
Kislyakov P. A., Shmeleva E. A. The digital gender gap as a risk factor of social safety of the Russian society	14
Dobrokhleb V. G. Lifelong learning and gender balance	26
Savinskaya O. B., Mkhitaryan T. A. STEM as girls' professional choice: achievements, self-esteem, and hidden curriculum	34
Shtylyova L. V. Gender component of pedagogical culture and the problem of orientation of girls at STEM-education and STEM-professions	49
Zadvornova Yu. S. Analysis of foreign experience in the involvement of women in STEM (USA as an example)	67
Chilipenok Ju. Ju., Danilova L. S. Women's blogging as a form of entrepreneurial activity	74
Gromova L. A., Kiseleva L. S. The comparative analysis of perceptions that X, Y, Z generations of women have on the digital world	85
Volkova O. A., Bosov D. V. The image of the woman-programmer in the films and serials	97
Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Interrelation of financial literacy in the sphere of digital technologies with personal characteristics of Russian students: the gender aspect	104
Smirnova I. N. Gender dimension of digital economics: from strategy to action (2018—2030)	116

DEBUT

Smulyanskaya N. S. Why stimulation of early fertility in Russia is unpromising	121
<i>Information for the authors</i>	133

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3 — 2018

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 20.09.2018 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 146. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru